

Низами Арузи
Самарканди

Собрание
редкостей
или
четыре
беседы

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

Низами Арузи Самарканди

Собрание
 редко-
стей

и
Четыре
беседов

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

Перевод с персидского
С. И. БАЕВСКОГО и Э. Н. ВОРОЖЕЙКИНОЙ

под редакцией
А. Н. БОЛДЫРЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Собрание редкостей» («Четыре беседы») Низами 'Арузи написано более восьмисот лет тому назад, в конце 1156 — начале 1157 г., в глухой долине Бамийана, затерянной среди высоких горных хребтов центрального Афганистана, вдали от центров политической и культурной жизни Ирана и Средней Азии.

Ни при жизни своей, ни после смерти автор «Собрания редкостей» не пользовался сколько-нибудь значительной известностью. Жизнеописание его не существует. Редкие упоминания о нем в позднейших источниках скупы и недостоверны. Мы знаем о нем только то немногое, что он рассказал о себе в своей книге. Звали его Ахмад сын 'Умара сына 'Али, и происходил он из Самарканда. Поэтическое прозвание его было Низами, но в отличие от двух современных ему поэтов с прозванием Низами его называли Низами 'Арузи, т. е. Низами «Арузовед» — знаток 'а р у з а — арабско-персидской квантитативной системы стихосложения.

Он не указывает ни года своего рождения, ни года написания книги. Последняя дата определяется нами на основании следующих простых соображений. О султанах Санджаре, который умер в мае 1157 г., в книге Низами 'Арузи говорится еще как о здравствующем государе. Вместе с тем, перечисляя различные знаменитые в его время произведения, Низами 'Арузи уже упоминает среди них и «Макамы» Хамид ад-Дина Балхи, которые, как мы хорошо знаем, были закончены только в середине — конце 1156 г. Следовательно, «Собрание редкостей» написано между концом 1156 г. и

июнем 1157 г., поскольку весть о смерти султана Санджара, крупнейшего политического деятеля времени и сюзерена правителей Бамийана, при которых состоял Низами 'Арузи, не могла не дойти достаточно быстро (месяц-два, не более) даже до Бамийана.

Установив таким образом довольно точную дату написания «Собрания редкостей», заманчиво опереться для дальнейших расчетов на слова Низами 'Арузи о том, что ко времени написания книги он уже сорок пять лет (т. е. начиная с 1112 г.) состоял на службе у своих покровителей — царей Гура и Бамийана из рода Шансаб (см. ниже, перевод, стр. 26).

Отсюда можно было бы сделать вывод, что в 1112 г. ему было лет двадцать-двадцать пять (это наиболее вероятный возраст для молодого начинающего придворного литератора — поэта и дабира) и что родился он, следовательно, в начале девяностых годов XI в.

Однако автобиографический рассказ о встрече с Му'иззи в главе второй «Собрания редкостей» (см. ниже, перевод, стр. 71) совершенно ясно говорит, что в 1116—1117 гг. Низами 'Арузи не только никак не состоял на службе шансабидских правителей, а находился в Герате и, гонимый нуждой, в поисках пропитания искал покровительства у Му'иззи — главного поэта султана Санджара, который в это время стоял лагерем в окрестностях Туса, вдали от шансабидских владений. Последующие четыре года Низами 'Арузи провел, видимо, в Нишапуре, который также никогда не подчинялся Шансабидам, и близость его к Му'иззи продолжалась во всяком случае до 1120 г. Но в 1152 г. он уже выступает в качестве человека, известного своей близостью к Шансабидам, вынужденного даже скрываться после их поражения в битве при Аубе (см. ниже, перевод, стр. 124). Таким образом, в сорокапятилетней службе Низами 'Арузи роду Шансаба был по крайней мере один перерыв, длившийся не менее пяти лет.

Низами 'Арузи нигде не сообщает, при каких обстоятельствах, где и к какому именно шансабидскому правителю поступил он на службу. Очевидно, к начальному периоду этой службы относится замечательный,

едва ли не самый яркий автобиографический рассказ в конце главы второй «Собрания редкостей» (см. ниже, перевод, стр. 84 и сл.) — рассказ об удачном экспромте в присутствии заезжего гостя в старой шансабидской столице Варшаде.

«У меня в ту пору... — говорит Низами 'Арузи в этом рассказе, — был бьющий через край талант и пламенный дух, а милости и дары падишаха так меня окрылили, что экспромты вошли у меня в обыкновение».

Создается впечатление, что автор вспоминает о далеком, минувшем времени расцвета своих молодых поэтических сил. Низами называет в этом рассказе своего покровителя только по титулу — «царь гор» (*Малик ал-Джабал*). Это традиционный титул правителей Гура, который только для представителей старшей ветви рода Шансаб был заменен около 1150 г. более высоким титулом — «султан». Столицей старшей ветви первоначально и был упомянутый выше Варшад, впоследствии Фирузабад, в западной части современного Афганистана.

Все это позволяет предположить, что действие рассказа относится к очень отдаленному времени в истории правления Шансабидов, т. е. ко второму-третьему десятилетию XII в., когда Низами 'Арузи, по его словам, впервые поступил на шансабидскую службу.

История Шансабидов этого периода в источниках почти не освещена. Можно лишь предположить, что под «царем гор» в этом рассказе имеется в виду не Кутб ад-Дин Мухаммад, отстроивший новую столицу в Фирузкухе и убитый затем около 1147 г., как обычно считают ученые, а отец его 'Изз ад-Дин Хасан, с другими сыновьями которого впоследствии в течение всей своей жизни был тесно связан Низами 'Арузи, а внуку посвятил единственное свое выдающееся сочинение — «Собрание редкостей».

Гур и Бамийан, исконные вотчины «царей гор» рода Шансаб, занимают западную и центральную часть высокогорной области северного Афганистана. Эти сравнительно небольшие владения «царей гор», населенные дикими, бедными и воинственными горцами, удаленные от центров политической и культурной жизни того вре-

мени, подчинялись обычно сильным царям соседних держав — Газневидам, Сельджукидам, сидевшим в Газне, Герате и Мерве, но сохраняли значительную самостоятельность.

Начав свою деятельность, как мы видим, в Гуре, Низами Арузи перешел затем в Бамийан, где правила младшая ветвь рода Шансаб.

Бамийан лежит на высоте 2500 м над уровнем моря. Это небольшая долина, всего 15 км длиной и от 2 до 3 км шириной. Окруженная снеговыми хребтами центрального Гиндукуша, она образует между ними проход, связывающий Балх с Кабулом и Пешавером, другими словами, долину Аму-Дарьи с долиной Инда. Через этот узкий проход пролегал древнейший путь из Индии в Среднюю Азию и дальше — в страны Средиземного моря: караванная магистраль между Востоком и Западом.

В течение тысячелетий проходили через узкую долину Бамийана торговые и посольские караваны, орды кочевников и полчища завоевателей, странники и богомольцы. Истомленные трудной горной дорогой делали в Бамийане привал, где впервые после многих дней пути по каменистым тропам находили приют и пищу.

Широкими ровными петлями вьется по всей долине среди полей и садов река Бамийан. Справа подходят к ее берегам отвесные известковые скалы. Высеченные в их податливом теле, высятся лицом к реке две фигуры Будды огромных размеров: одна высотой 53 м, другая — 35 м. Вокруг них тысячи пещер, расположенных в несколько ярусов. Во многих пещерах — храмы, настенная живопись, скульптуры, в других — жилища монахов. Это и есть знаменитое Бамийанское диво, замечательный памятник древней греко-буддийской культуры. Никто не знает точно, когда и кем оно было построено, но есть основание думать, что это гигантское святилище возникло в I в. н. э., как олот буддизма в его стремительном движении из Индии в Среднюю Азию.

На другом берегу реки, на вершине крутой и ровной горы, лицом к истуканам стояла грозная крепость. Под

ней, по склонам горы, лепились каменные дома, улицы города. Это — Гульгуле, замок и город мусульманских завоевателей, захвативших страну в начале VIII в. н. э. и правивших ею до 1222 г., когда Бамийан был полностью разрушен монголами. Мертвые его руины стоят по сей день, как стоят на другом берегу истуканы, видевшие его начало, расцвет и страшную гибель.

Здесь в XII в. и была столица младших правителей рода Шансаб. Здесь восемьсот лет тому назад закончил престарелый Низами 'Арузи свою единственную книгу «Собрание редкостей».

Кто же были гурские и бамийанские Шансабиды, господа Низами 'Арузи, которым он честно служил почти всю свою жизнь? Фигура первого его покровителя, не названного им по имени «царя гор», ясно отразилась в упомянутом выше рассказе об удачном варшадском экспромте. Этот темный и хитрый деспот с напряженным вниманием ждал, сумеет ли его домашний стихотворец оправдать перед столичным гостем барскую хлеб-соль? Не ударит ли лицом в грязь, не посрамит ли своего благодетеля? Не трудно представить себе, что было бы с бедным пиитой, если бы его талант изменил ему в эту ответственную минуту...

Наибольшей политической силы достигал третий сын 'Изз ад-Дина — 'Ала ад-Дин Хусайн, правитель Гура с 1146 г., «государь мира, султан Востока... с его пятьюдесятью тысячами воинов, одетых в броню, ревностных, сокрушивший всех воинов мира и покоривший всех царей века», — как пышно называет его Низами 'Арузи (см. ниже, перевод, стр. 25).

Действительно, из всех гуридских царей один 'Ала ад-Дин Хусайн вошел в историю, которая наградила его трагическим прозвищем «Джахансуз», что значит «Сжигающий мир». С жестокостью, удивительной даже для того мрачного времени, 'Ала ад-Дин «Джахансуз» в течение недели, пируя и веселясь, крушил и жег большой богатый город Газну, истребив более семидесяти тысяч мирных ее обитателей, после чего воспел свой подвиг стихами. Этот поэт-убийца на троне, своеобразный Нерон восточного средневековья, приходился род-

ным дядей тому царевичу, которому Низами 'Арузи посвятил свое «Собрание редкостей».

Разгром Газны произошел в 1150 или 1151 г., за каких-нибудь пять-шесть лет до написания «Собрания редкостей», и Низами 'Арузи, состоявший при младшем брате и племяннике 'Ала ад-Дина, наверное, должен был участвовать в этом походе. В «Собрании редкостей» разрушению Газны посвящено лишь несколько строк (см. ниже, перевод, стр. 58; также далее, стр. 12 и сл.).

Автор по понятным причинам не мог говорить подробнее о чудовищных злодеяниях своих августейших покровителей. Но полный рассказ о разрушении Газны, может быть еще более страшный своей бесстрастностью, сохранился у историографа Минхадж ад-Дина Джузджани, писавшего в Индии около 1260 г. Рассказ этот ярко характеризует и среду, в которой жил и писал Низами 'Арузи, и в целом условия развития придворной литературы, наиболее сильного направления в литературной жизни эпохи.

Приводим рассказ Джузджани целиком, предваряя его несколькими вводными замечаниями.

В первой половине XI в. Газна была центром могущественной державы, созданной султаном Махмудом в результате победоносных завоеваний и жесточайшего ограбления покоренных народов, прежде всего народов северной Индии. В Газне и ее окрестностях при Махмуде и его ближайших преемниках были возведены величественные замки, дворцы, мечети и караван-сарай, возникали жилые кварталы и рынки. Пышный двор Махмуда являлся средоточием десятков знаменитых поэтов, литераторов и ученых, то ли по доброй воле стекавшихся в поисках богатства и славы, то ли привлеченных насильно.

Сельджукское завоевание подорвало могущество преемников Махмуда и начиная с сороковых годов XI в. Газна лишилась своего значения. Центр политической жизни передвинулся на запад. Потомки Махмуда, покорившиеся Сельджукидам и по-прежнему сидевшие в Газне, довольствовались управлением лишь малой ча-

стью бывшей империи, доживая свой век среди пышных памятников былого величия. Некоторый подъем Газны обозначился лишь в долгое и мирное царствование Бахрам-шаха (1118—1152). В эти годы Газна переживала своеобразный ренессанс культурной жизни и литературы, которым Бахрам-шах покровительствовал, подобно своему предку Махмуду.

С Газлой эпохи Бахрам-шаха связана деятельность таких выдающихся авторов, как поэты Сана'и и Сузани или переводчик «Калилы и Димны» Абу-л-Ма'али Насраллах.

Гуридские «цари гор» дружили с Бахрам-шахом. Один из них, Кутб ад-Дин, старший брат 'Ала ад-Дина, поссорившись с братьями, переехал в Газну и жил при дворе Бахрам-шаха роскошно и вольно. Это его погубило: Бахрам, заподозрив измену, велел его отравить. Мстителем за Кутб ад-Дина выступил его меньшей брат Сайф ад-Дин Сури. Ему удалось взять Газну, Бахрам бежал в Индию, но скоро вернулся и, захватив Сури врасплох, повесил его вместе с его главным везиром Мусави.

Тогда появился на сцене третий брат, 'Ала ад-Дин. Мобилизовав все гуридские силы, он двинулся на Газну. Бахрам-шах вышел с войском навстречу. Пронзшло сражение. Дальше предоставим слово историографу Минхадж ад-Дину Джузджани.

«[Войско] Бахрам-шаха не выдержало и было разбито. 'Ала ад-Дин взял Газну силой и жег город семь суток и сжег, и повелел быть непреклонности. Рассказывают, что в эти семь суток от черноты дыма воздух был так темен, что походил на ночь, а ночь от языков пламени, сжигавшего город Газну, была так светла, что походила на день. В эти семь суток парили разнузданность, и грабеж, и смертоубийство, и непреклонность. Всех мужчин убивали, а женщин и детей брали в плен. 'Ала ад-Дин приказал вырыть из могил и сжечь всех султанов рода Махмуда, кроме султана Махмуда, и султана Мас'уда, и султана Ибрахима. И всю неделю 'Ала ад-Дин предавался вину и наслаждениям в султанском дворце Газны. В эти дни приказал он вырыть из могил

Сайф ад-Дина Сури и Малик ал-Джабала и закрыть в сундуки и устроил для всего войска возможность оплакивания. Когда прошло семь дней и наступила восьмая ночь, и город был весь разрушен и сожжен, и народ перебит и разделен, султан 'Ала ад-Дин в ту ночь сочинил несколько бейтов в прославление себя и дал мутрибам и приказал, чтобы перед ним пели с музыкой. Вот эти стихи:

Мир знает, что я шах мира,
 Свительник рода Аббасова я.
 'Ала ад-Дин Хусайн сын Хусайна я.
 Да будет вечным царство дома моего!
 Когда я сажусь на коня власти,
 Равны для меня земля и небо.
 Надежда бьет бичом кругом моего войска.
 Смерть играет на острие моего копья.
 Весь мир пройду, как Искандар.
 В каждой стране посажу нового шаха.
 Хотел я из газнийской черни
 Выпустить поток крови, подобный Нилу,
 Но они оказались хилыми стариками и детьми.
 Мое молодое счастье заступает за них.
 Подарил я им их жизни,
 Да будет жизнь их связана с моей жизнью!

И сказал: „Оставшихся газнийцев я простил” и встал из-за стола и отправился в баню. На утро восьмого дня встал, и пришел к гробницам своих братьев со всей свитой Гура и с князьями, и облачился в траур со всем войском, и семь других суток предавался трауру у тех гробниц, читал Коран, и раздавал милостыню. Затем положил сундуки с останками братьев в паланкины и вышел из Газны к Даверу и Бусту. Когда достиг города Буста, полностью разрушил махмудовские дворцы и здания, подобных которым не было на целом свете, и все области, принадлежавшие Махмудидам, разорил, и вернулся в Гур, и похоронил останки братьев рядом с могилами своих предков. Еще в Газне приказал он привести к себе нескольких сейидов из Газны, взятых в отмычение за

сейида Маджд ад-Дина Мусави (который был везиром султана Сури и которого вместе с султаном Сури повесили на одной и той же арке в Газне), наполнить мешки землею Газны и положить им на шею и привел их с собой в столицу Фирузкух. Прибыв в Фирузкух, он тех сейидов убил и замесил их кровью ту газнийскую землю, которую с собой привезли, и из той земли построил несколько башен на горах вокруг Фирузкуха, так что эти башни стоят до этого времени, да простит его Аллах!

Свершив такую месть и вернувшись в свою столицу, захотел он предаться наслаждениям и веселию, и приказал собрать мутрибов и надимов, и обратился к веселию, и сочинил нижеследующее стихотворение, и приказал мутрибам положить на музыку в виде песни. Так и сделав, исполнили:

Я тот, кем гордится наше время,
 Я тот, чья щедрость притесняет казну.
 Пальцы рук кусает враг,
 Когда на тетиву лука накидываю кольцо.
 Когда мой конь скачет из «дома» в «дом»
 среди игроков.
 Противник не отличает мяч от «дома»¹.
 Когда Бахрам-шах натянул лук во вражде ко мне.
 Вырвал я с враждой с пояса его колчан.
 Хотя опорой врага были все раджи,
 Я своей булавой сбил головы раджам.
 Теперь я научился уплачивать мечом долг вражды
 Шахам мира и царям эпохи.
 О мутриб удивительный! Когда я освободился
 от войны,
 Читай стихи и пой песни!
 Когда счастье взошло, не надо упускать
 Стихи певца, чистое вино мугское!

Да простит Аллах его и нас!»

Как говорилось выше, Низами 'Арузи, писавший о разрушении Газны спустя каких-нибудь пять лет, еще

¹ Имеется в виду игра в конное поло, где «дом» — часть поля.

при жизни Джахансуза и при дворе его родного брата, должен был ограничиться лишь сухой фактической справкой:

«[Когда] государь мира султан 'Ала ад-Дунья ва-д-Дин... прибыл в Газну, дабы отомстить за тех двух царей, праведников и мучеников, султан Бахрам-шах бежал раньше. В горе по этим двум мученикам, которые вели себя [там] дерзко и пустословили, город Газну он повелел разграбить и строения Махмуда, Мас'уда и Ибрахима сокрушил».

И лишь как бы случайно и вскользь пробившееся осуждение «мучеников», являясь своего рода оправданием их казни Бахрамом, намекает на чудовищную несоизмеримость вины и воздаяния.

К счастью для Низами 'Арузи, он общался с Джахансузом, по-видимому, только эпизодически. От Фирузкуха, столицы Гура, где сидел Джахансуз, до Гульгуле, замка бамийанских Шансабидов, более 500 км трудного горного пути. Здесь, в далекой высокогорной долине, все было проще, тише, спокойнее. О младшем брате Джахансуза, Фахр ад-Дине Мас'уде, и сыне его Шамс ад-Дине Мухаммаде, которым служил Низами, история знает только то, что они существовали. Но даже и такого слабого следа не оставил в памяти летописцев Абу-л-Хасан 'Али сын Фахр ад-Дина Мас'уда, которому Низами 'Арузи посвящает «Собрание редкостей». Царевича мы узнаём только из этого посвящения, которое является образцом придворного лицемерия. Этот «падишах времени» и «защитник человеческого рода», эта «мышца халифства» и «краса народа» в действительности не царствовал ни в то время, когда Низами 'Арузи посвящал ему книгу, ни после.

Титулатура посвящения представляет собой развернутую формулу восхваления царствующего лица, применявшуюся обычно в самых парадных письменных документах мусульманского Востока. Как и для чего мог Низами 'Арузи применить ее к безвестному княжичу захолустнейшего удела?

Ответ на этот вопрос, очевидно, содержится в ответе на вопрос более широкого порядка: какова цель книги,

для чего она написана? Низами 'Арузи сам дает вполне ясное определение своей задачи: цель книги в том, чтобы раскрыть в ней, «что такое царство, и кто такой падишах, и откуда пошло сие возвышение, и кому оказано сие предпочтение, и каким образом следует помнить об этом благодеянии... дабы стать вторым после Сейида рода адамова и третьим после создателя...» (см. ниже, перевод, стр. 26). И далее, в заключении он опять говорит: «Цель написания сего трактата... в первичном наставлении и совершенствовании господина моего... Абу-л-Хасана 'Али сына Мас'уда...» (см. ниже, перевод, стр. 127).

Таким образом, целью книги, по мысли автора, является как бы наставление, руководство начинающему монарху, своего рода «введение в монархизм», в его теорию и практику. В таком наставлении вполне уместно и упомянутое посвящение с пышной титулатурой: эта еще «потешная» во время написания книги титулатура должна была служить ученику образцом того, что он должен требовать в этой области от подчиненных после воцарения.

Не трудно заметить, что принцип дидактической направленности определяет все построения книги. Прельстив слух августейшего ученика пышным звоном его будущей титулатуры, наставник далее стремится внушить ему («подобает знать сему падишаху...») веру в величие его царственной семьи — отец, мать, брат и такой дядя, как Джахансуз! — и в уготованную ему высокую участь.

Дальше идет как бы вводная общеобразовательная часть. Краткая космогония в традиционном теистическом духе, сопровождающаяся некоторыми элементарными естественноисторическими сведениями — неживая природа, мир растений, мир животных с его чувственным восприятием, во главе с человеком. Посвященный человеку раздел завершается краткой социологической схемой, которая устанавливает непреложную закономерность царской власти в человеческом обществе по единственно возможной и правильной формуле теократического устройства этого общества: «падишах — наместник имама,

имам — наместник пророка, пророк — наместник господа» (см. ниже, перевод, стр. 36).

Покончив с общим теоретическим обоснованием, автор со свойственной ему поразительной непосредственностью переходит к основной своей цели: у такого вот необходимо сущего царя непременно должны быть помощники, «мнением коих решались бы дела мирские», мудрые и преданные, и помощники эти суть дабир, поэт, астролог и врач, «и обойтись без них ему невозможно» (см. ниже, перевод, стр. 36).

Далее следуют четыре основных раздела книги, четыре главы о четырех разновидностях придворных грамотеев — дабирах, поэтах, астрологах и врачах. Каждая глава посвящена одной из этих профессий и состоит из краткого теоретического введения, определяющего сущность и назначение соответствующей профессии. За введением следуют рассказы — исторические анекдоты о знаменитых представителях этой профессии и об удивительных случаях из их практики.

Каждый рассказ, каждая строчка «Четырех бесед» и вводных разделов с величайшей последовательностью стремится доказать, внушить царевичу, убедить его раз и навсегда в том, что невозможно успешно править без интеллигенции, что царский быт без нее невыносим, что ее надо ценить и убагаворять, она полезна, а трон без нее непрочен. Именно этому хочет научить Низами 'Арузи своего воспитанника, это и является основной, внутренней целью всей его книги, его «руководства для начинающих монархов».

Здесь автору приходится начинать с азов, и требование его к монарху в сущности не так уж велико: монарх не должен держать своих грамотеев впроголодь, как случилось с одним аббасидским дабиром (глава первая, рассказ 3), или незаслуженно обижать их, как был обижен Фирдауси (глава вторая, рассказ 9), или сажать их надолго в тюрьму, как случилось с несчастным поэтом Мас'удом сыном Са'да сына Салмана (глава вторая, рассказ 6).

Значительно более тяжелы обязанности придворных грамотеев в отношении своих господ. Вся их деятель-

ность во всех ее проявлениях должна быть подчинена только одному принципу: служение своему господину. «И это, — говорит Низами 'Арузи, — одно из условий служения царю: быть с ним заодно и в правде и во лжи и поддерживать правоту его дела» (см. ниже, перевод, стр. 92).

Применяя этот принцип к условиям придворной поэзии, Низами 'Арузи сформулировал основную ее задачу такими словами: «Наиболее совершенный жребий и самое превосходное назначение стиха — это увековечивание имени», имея в виду имя повелителя и имя его панегириста (см. ниже, перевод, стр. 59). В достижении этой цели поэзия, по мнению Низами 'Арузи, должна прибегать к любым средствам «художественного» искажения действительности, лжи и введения в заблуждение. Поэзия, говорит Низами 'Арузи в теоретическом вступлении к главе второй, — это искусство «малое обращать в великое, а великое — в малое и красивое облачать в безобразные одежды, а безобразное представлять в красивом обличье» (см. ниже, перевод, стр. 42).

Таким образом, Низами 'Арузи впервые в истории персоязычной феодальной литературы сформулировал ту эстетическую концепцию, которая видела совершенство искусства в настолько большом сознательно корыстном удалении от жизненной правды, от реальной действительности, насколько реалистическое понимание видит свое совершенство в приближении к ней.

Эта своеобразная теория «антиреализма» обобщила и санкционировала огромный опыт придворной панегирической поэзии, достигавшей во времена Низами 'Арузи вершины своего развития. В той же второй главе своей книги Низами 'Арузи посвящает немало места совершенству поэтической формы, требуя от поэта высшего художественного мастерства, указывая пути к овладению его вершинами. В этом проявляется другая неизбежная сторона «антиреалистической концепции» искусства — признание абсолютной самооценности художественной формы. «Самые красивые стихи — это самые лживые стихи», — гласит неизвестно кем созданная арабская поговорка. Именно эту поговорку цитирует

идейный сторонник и продолжатель Низами 'Арузи (как и он, самаркандского происхождения) — литератор Мухаммад Ауфи, так писавший лет восемьдесят спустя, в начале XIII в., рассуждая о преимуществах поэзии перед прозой: «Если соединить медь лжи с золотом стиха, — образно говорит Ауфи, — и расплавить их в горне духа мудрецов, то медь сольется с золотом и прелесть стиха победит мерзость лжи».

Совершенно очевидно, что и Ауфи, и автор упомянутой арабской поговорки, и, конечно, сам Низами 'Арузи, в мировоззрении которого, как будет показано ниже, немало прекрасных, передовых для своего времени черт, полностью отдают себе отчет в том, что ложь, искажение и обман вообще мерзки, отаратительны, аморальны. Чем же тогда объяснить оправдание лжи в искусстве, само утверждение понятия «прекрасной, художественной лжи» как нормы высокой поэзии? Следует думать, что ответ кроется в самих условиях жизни общества, в реальной действительности, породившей и саму антиреалистическую поэзию и ее теоретическое обоснование.

XII век является периодом расцвета феодального строя в Иране и Средней Азии. В руках многочисленных феодальных династических группировок сосредоточивалась полнота необузданной власти, огромные богатства — продукт хищнической эксплуатации народа и военного разбоя. Власть феодала простиралась даже на город, который на Ближнем и Среднем Востоке так и не успел до гибели своей под ударами монгольского нашествия накопить достаточно силы для начала антифеодальной борьбы.

Вспомним хотя бы Низами Ганджави — великого тезку Низами 'Арузи, автора бессмертной «Пятерницы», первая поэма которого появилась на свет через двадцать лет после окончания «Собрания редкостей». Творчество Низами Ганджави — высшее проявление передовой мысли эпохи, в его поэмах — гуманистическая вера в разум, призыв к человеколюбию, к счастью для всех людей на земле. Низами Ганджави никогда не жил при дворах, не знал прямой феодальной зависимости. Тем

не менее все его поэмы посвящены тому или иному — более или менее жестокому и тупому — правителю из окрестных князей, содержат раболепные и гиперболические их восхваления, наполненные духом и буквой той самой «красивой лжи», которую проповедовал Низами 'Арузи. Здесь, в сопоставлении с подлинной красотой поэм «Пятерицы», она звучит особенно отвратительно.

Такова была неизбежная дань самого независимого, самого нефеодалного поэта эпохи, дань деспотизму за право писать.

Следы трагической раздвоенности несет творчество многих поэтов XII в., но наиболее яркое и наиболее осознанное выражение ее мы наблюдаем в произведениях 'Али Анвари (умер между 1070 и 1090 гг.). Когда Низами 'Арузи писал «Собрание редкостей» в далеком Бамийане, Анвари был главным панегиристом при султани Санджаре, верховном правителе Ирана и Средней Азии. Хвалебные оды Анвари в честь Санджара и его приближенных считались вершиной панегирической поэзии. Действительно, главные признаки жанра — витиеватая гиперболичность, формальная изысканность — разработаны в касыдах Анвари с виртуозным мастерством, или, по собственному его выражению, «с таким красноречием, что их увидит слепой, с такими метафорами, что их услышит глухой».

До нас дошло около двухсот касыд Анвари, которые составляют преобладающую часть его литературного наследия. Всю свою долгую жизнь восхвалял Анвари султанов и вельмож, посвятив этому делу две сотни касыд, содержащих примерно 7500 бейтов (при переводе на русский язык это составило бы 15 тысяч стихов).

Однако наряду с этими парадными произведениями в рукописях дивана Анвари сохранились другие стихотворения, так называемые «отрывки». Это поэтическая лирика поэта. В этих «отрывках» мы неожиданно обнаруживаем отрицание и разоблачение придворной поэзии, настолько гневное и страстное, что у читателя не остается никаких сомнений в искренности поэта: да, это и есть его подлинное отношение к придворному славосло-

вию, и всю свою жизнь он занимался делом, которое презирал и ненавидел.

В этих же лирических «отрывках» Анвари выступает убежденным последователем философии Авиценны, которая, как известно, является наиболее прогрессивной из всех гносеологических систем, созданных в условиях мусульманского средневековья.

Аналогичная двойственность отчетливо наблюдается и в мировоззрении Низами 'Арузи. Правда, Низами 'Арузи в отличие от Анвари не сумел подняться до отрицания придворной панегирической литературы. Более того, он выступает в качестве своеобразного идеолога этой литературы, утверждая принцип «сознательной лживости» как основной ее движущей силы. Однако наряду с такой явно реакционной тенденцией в мировоззрении Низами 'Арузи обнаруживаются черты иного — несомненно передового для своего времени — характера.

Такой чертой прежде всего является отношение Низами 'Арузи к 'Омару Хайаму, поэтическое творчество которого, как известно, являлось наиболее дерзким вызовом ортодоксальному исламу. Низами 'Арузи говорит о Хайаме с глубочайшим уважением, называет его своим учителем и наставником (см. ниже, перевод, стр. 97). Особенно подчеркивает Низами 'Арузи рационалистически отрицательное отношение Хайама к астрологии, целиком разделяя это отношение (см. ниже, перевод, стр. 98), хотя сам, подобно Хайаму, нередко был вынужден выступать в качестве астролога. В связи с этим необходимо указать и на положительное отношение Низами 'Арузи к Авиценне, которого он также глубоко чтит, правда в отличие от Анвари скорее как врача, чем как философа (см. ниже, перевод, стр. 106 и сл.). Преклонение перед 'Омаром Хайамом и Авиценой — двумя величайшими поборниками разума и правды — выдвигает Низами 'Арузи в число передовых людей своего времени.

Гуманной и передовой является несомненно и основная идея книги Низами 'Арузи «Собрание редкостей» — идея защиты лепившейся у подножия тронов интеллигенции от произвола всемогущих и темных, «сжигающих

мир» тиранов. С искренним возмущением рассказывает Низами 'Арузи своему царственному воспитаннику о печальной судьбе поэта Мас'уда сына Са'да сына Салмана, проведшего восемнадцать лет в узилище по прихоти своих злобных повелителей — газнийских султанов (глава вторая, рассказ 7). Настойчиво и упорно внушает Низами 'Арузи своему воспитаннику на протяжении всей книги, что негоже сажать своих поэтов и ученых в темницу, больше того, их следует сносно кормить, уважать и лелеять.

Такие советы и наставления были вполне актуальны для среды и эпохи Низами 'Арузи. Исторически его гуманная проповедь могла лишь содействовать сохранению культурной верхушки общества.

Литературная ценность книги Низами 'Арузи сосредоточена в многочисленных рассказах, которыми он иллюстрирует теоретические положения ее четырех глав. Низами 'Арузи был очень посредственным поэтом, как можно судить по нескольким его стихотворениям, сохранным в одной почтенной антологии XIII в. В «Собрании редкостей» немало автобиографического материала; но среди него мы находим лишь одно стихотворение, которое автор приводит в качестве едва ли не самого удачного примера своей способности к поэтическим экспромтам (см. ниже, перевод, стр. 85—86). Но и этот пример не свидетельствует о высокой поэтической одаренности автора. Зато Низами 'Арузи нашел себя в прозе.

В четырех главах «Собрания редкостей» содержатся 42 рассказа, к ним присоединяется и первый рассказ (о «наснасе») в космогоническом предисловии автора. В основном это исторические анекдоты развернутого плана. Многие из них имеют значительную историко-литературную ценность, как, например, рассказы о Рудаки, о Фирдауси, об 'Омаре Хайаме, которые являются наиболее старыми дошедшими до нас сведениями об этих авторах. Особенно ценным представляется рассказ об 'Омаре Хайаме, с которым Низами 'Арузи неоднократно встречался.

Вместе с тем современные исследователи обнаруживают во многих других рассказах Низами 'Арузи боль-

шое число исторических ошибок — анахронизмов, путаницы в событиях, именах и т. п., иногда очень грубых. Наличие их объясняется, конечно, тем, что Низами 'Арузи писал свою книгу вдалеке от культурных центров, т. е. от книг и от знающих людей, которые могли бы ему помочь или его изобличить, писал, вероятно, по памяти.

Однако в обобщенном, типическом показе человеческих отношений своего времени, в живых картинах быта и нравов, в живом рисунке литературных портретов книга Низами 'Арузи является ярким, правдивым и едва ли не единственным в своем роде литературным документом эпохи.

В центре внимания Низами 'Арузи стоит человек в его стремлении к интеллектуальной деятельности, к просвещению, к правде. Автор любит своих героев, он хочет их оправдать, защитить от зла и насилия. Восхваляя царей и вельмож (что было неизбежно), он в действительности создал величайшее славословие разумному знанию и светлым его носителям. Образы этих людей, как и образы многих других персонажей — царей, воинов, купцов и рабов, даны конкретно и жизненно, с подкупающей теплотой и непосредственностью, иногда наивно смешной, но всегда искренней и правдивой.

Несмотря на всю сложную противоречивость во взглядах Низами 'Арузи, основная его тенденция нам ясна и понятна, а книга его имеет для нас большую познавательную ценность.

* * *

Книга Низами 'Арузи «Собрание редкостей» получила широкое распространение вскоре после своего появления в свет, как можно судить по многочисленным заимствованиям из нее у многих средневековых авторов и по сравнительно большому количеству дошедших до нас ее списков.

Первое по времени заимствование обнаруживается в «Истории Табаристана», составленной примерно через шестьдесят лет после «Собрания редкостей». Автор

«Истории Табаристана» Ибн Исфандийар целиком выписал из «Собрания редкостей» рассказ о Фирдауси, не указывая, однако, своего источника. В дальнейшем книгой Низами 'Арузи пользовались многие авторы различных историографических сочинений и литературных антологий вплоть до конца XVII в. Они включали в свои труды более или менее пространные выписки из «Собрания редкостей», рассматривая эту книгу в качестве одного из наиболее авторитетных первоисточников классического периода.

Книга Низами 'Арузи дошла до нас в двенадцати списках, из которых два наиболее старых относятся к XIV в. Остальные возникли позже — в XVII—XIX вв. Наличие этих поздних списков, а также литографированного иранского издания 1887—8 г. документирует возрождение интереса к книге Низами 'Арузи в Иране начала нынешнего столетия.

Европейский читатель впервые познакомился с книгой Низами 'Арузи благодаря английскому переводу, изданному в 1899 г. известным историком персидской литературы Эдуардом Брауном. Перевод этот весьма далек от совершенства. Одной из важных причин его неудачи явилось и то, что он был сделан с непроверенного рукописного текста.

Сложная и ответственная задача подготовки научного критического текста «Собрания редкостей» была выполнена в два этапа иранскими учеными М. Казвини и М. Му'ином.

Первым этапом явилось критическое издание 1909 г., выполненное М. Казвини на основе трех доступных ему списков². Издание сопровождалось исследовательским предисловием и обширными примечаниями. Это издание без преувеличения может быть названо образцовой филологической работой. Оно дало нам впервые надежный текст книги Низами 'Арузи и первую его научную биографию. В частности, М. Казвини бесспорно установил, что подлинное, авторское название книги было

² Chahār Maqāla, Persian text, ed. and annotated by Mīrzā Muḥammad ibn 'Abd al-Wahhāb of Qazwīn, Cairo and Leyden, 1910 (GMS, XI).

Маджма ан-навадир («Собрание редкостей»), а название *Чахар макала* («Четыре беседы») появилось позже в качестве некоей обиходной читательской «клички» (несомненно, более выразительной и удобной). Большой заслугой М. Казвини явилось и установление упомянутых выше допущенных Низами 'Арузи фактических ошибок.

Издание М. Казвини имело большой успех. В последующие годы оно неоднократно переиздавалось в Иране. На его основе были выпущены переводы на язык урду и на турецкий язык, а упомянутый Э. Браун переработал и исправил (1921 г.) свой первый, неудачный английский перевод.

После смерти М. Казвини исследование книги Низами 'Арузи было продолжено другим выдающимся иранским филологом, М. Му'ином, который на протяжении четырех лет дал четыре последовательных переиздания труда М. Казвини с существенными дополнениями исследовательского и текстологического характера, в частности с привлечением оставшихся неизвестными для М. Казвини рукописей «Собрания редкостей».

С последнего, наиболее полного, издания М. Му'ина (1957 г.) и сделан данный перевод³. Цитаты из Корана даны в переводе И. Ю. Крачковского⁴.

«Собрание редкостей» Низами 'Арузи переводится на русский язык впервые. Это полный перевод, без каких-либо сокращений. Сопровождающие его примечания имеют целью разъяснить русскому читателю некоторые особенности оригинала.

А. Н. Болдырев

³ چهار مقاله تالیف نظامی عروضی سمرقندی بکوشش دکتر محمد معین چاپ سوم از انتشارات کتابفروشی زوّار تهران [1957]

⁴ Коран, пер. и прим. И. Ю. Крачковского, М., 1962.

ВВЕДЕНИЕ

1

*Во имя Аллаха, всемилосердного, всемилостивого!*¹

Слава, хвала и восхваление тому падишаху, который через посредство ангельских духов и небесных сил сотворил * мир возвращения и будущей жизни, и через посредство того мира явил в бытие * мир становления и гибели, и привел его в порядок приказом и запретом пророков и святых, и охранял мечом и пером царей и везиров.

И благословение * господину обоих миров, который является наипревосходнейшим из пророков. И восхваление дому и сподвижникам его, кои были мудрейшими среди святых.

И хвала падишаху [нашего] времени, властителю мудрому, справедливому, *богом воспособляемому и победо|носному*, * Хусам ад-Даула ва-д-Дину — [Мечу государства и веры], *победе ислама и мусульман, искоренителю неверных и многобожников, покорителю еретиков и дерзостных, опоре праведных войск на этом и на том свете, гордости царей и султанов, покровителю [наших] дней, защитнику человеческого рода, мышце халифства, красе народа, величию общины, устройтелю арабов и персов, благороднейшему во вселенной, солнцу небес, царю эмиров * Абу-л-Хасану 'Али ибн Мас'уду, помощнику эмира правоверных, — да будет жизнь его*

¹ Здесь и далее курсивом выделяются арабские выражения, встречающиеся в тексте «Собрания редкостей». Слова и выражения, вынесенные в примечания, имеют перед собой звездочку, а в примечаниях располагаются в алфавитном порядке.

в соответствии с его желанием, и да будет большая часть мира отмечена его именем, и устройство человеческого рода да будет на его попечении!

Он сегодня — превосходнейший из падишахов времени по роду [своему] и происхождению, по мнению и совету, справедливости и правосудию, храбрости и щедрости, украшению царства и устройению власти, покровительству друзьям и покорению врагов, поддержке войск и охране подданных, безопасности путей и спокойствию стран — благодаря своему справедливому суждению и светлому разуму, твердой решимости и благородной осмотрительности. Великолепием его династия * рода Шансаба связана в единую цель, и совершенством его укреплена и безопасна рука могущества этого дома.

И да пошлет творец всевышний ему и другим царям этого дома полной мерой власти и имуществу, трон и благоденствие, претворение желаний и славу, приказ и запрет — *благодатью своей и всеобщим милосердием своим!*||

3

РАЗДЕЛ (ПЕРВЫЙ)

Таков древний обычай, что, с тех пор как принят этот обычай, автор и составитель во вступлении к сочинению или в предисловии к книге воздает дань восхвалению господина и молитве во славу покровителя.

Однако я, искренний раб, вместо восхваления и хвалы сему падишаху упомяну в этой книге о милостях, коими творец всевышний и пресвятой удостоил и пожаловал сего падишаха, падишахом рожденного, дабы уразумел он его украшающее мир суждение и усердствовал в благодарности за благодеяние, как повелевает он в * Нерукотворной книге и Неизреченном слове: * *«Если возблагодарите, я умножу вам»*, ибо благодарность раба — это лучшая из милостей великодушного создателя.

Одним словом, подобает знать сему падишаху великому и государю знаменитому, || что на поверхности сего зеленого шара и под сводом сего * зеленого шатра нет

днесь ни одного царя, процветающего более, нежели этот государь, и нет ни одного вельможи, убогатворенного более, нежели этот правитель. Дар юности [у него], и богатство здоровья, здравствующие родители, справа и слева согласные братья, такой отец, как царь-государь великий, богом воспособляемый, победоносный, охраняемый божьим покровительством * Фахр ад-Даула ва-д-Дин [Гордость власти и веры], повелитель Ирана, * Властитель Джабала — *да продлит Аллах его жизнь и возвышение его да обратит к величию!* — который является величайшим из царей времени и превосходнейшим из государей века. Суждением [своим] и советом, знанием и мудростью, мечом и могуществом, сокровищницами и казною и с десятью тысячами воинов, вооруженных пиками и натянувших поводья, встал он шитом пред своими сыновьями, дабы и зефир, волнуясь, не коснулся и одного из его подданных.

А за завесой возвышенности и за покрывалом недоступности — *да сделает Аллах вечным ее величие!* — * та молещница, каждый возглас которой, воссылаемый поутру к божьему чертогу, равносителен целому войску и атакующей армии.

А брат, такой, как государь, рожденный государем, * Шамс ад-Даула ва-д-Дин [Величие власти и веры], сияние ислама и мусульман — *да будет победа его великой!* — который на службе сему государю — *да сделает Аллах вечным его возвышение!* — достигает высшей границы и предела. И благодарение Аллаху, что наш государь ничего не жалеет в своих милостях и благодеяниях к нему и видит свет мира в его лице, и в красоте его находит усладу [своей] жизни.

А еще большее счастье, || что * Совершенный благодетель и незаходящее великодушие одарило его дядей, таким, как государь мира, султан Востока, * 'Ала ад-Дунйа ва-д-Дин Абу 'Али ал-Хусайн ибн Хусайн, избранник повелителя правоверных, — *да продлит Аллах его жизнь и царство его сделает вечным!* — с его пятьюдесятью тысячами воинов, одетых в броню, ревностных, сокрушивший всех воинов мира и покоривший всех царей века.

Господь — *пресвятой и всевышний* — да сохранит их всех друг для друга, и убоготворит их одним другого, и да наполнит мир светом их деяний — *всепрощением своим, милостью и великодушием!*

НАЧАЛО КНИГИ

Преданный раб и доверенный слуга Ахмад ибн 'Омар ибн 'Али ан-Низами ал-'Арузи ас-Самарканди, который вот уже сорок пять лет как значится на службе сему дому и вписан в реестр рабства сей династии, пожелал сделать высокому царскому собранию — *да возвысит его Аллах!* — некое подношение в соответствии с канонам мудрости, украсив его ясными доводами и очевидными доказательствами. И раскрыть в нем, что такое царство, и кто такой падишах, и откуда пошло сие возвышение, и кому оказано сие предпочтение, и каким образом следует помнить об этом благодеянии, и как должно принять эту милость, дабы стать вторым после * Сейида || рода адамова и третьим после создателя мира, согласно тому, что в * Неоспоримой книге и Вечном слове жемчужины этих трех имен нанизаны на одну нить и сверкают в едином ожерелье. Говорит он — *велик он и славен!* — * *«Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас»*. Ибо на ступенях сущего и на лестнице мыслимого после пророческого сана, который есть предел человеческих степеней, нет степени выше царственности, и это есть не что иное, как дар божий.

Господь — *преславный и всевышний* — пожаловал падишаху [нашего] времени сие достоинство и счел сию степень [ему] приличествующей, дабы следовал он путем прежних правителей и держал паству по установлению прошлых веков.

РАЗДЕЛ [ВТОРОЙ]

* Августейшее мнение — *да возвеличит его Аллах!* — соизволит знать, что творения, кои существуют, не выходят [за пределы] двух категорий: || либо творения, которые существуют сами собой, либо творения, которые существуют через посредство других. Творение, которое существует само собой, называют необходимо-сущим, и это — творец всевышний и святой, который существует посредством самого себя. Следовательно, он постоянно был, ибо он не пребывал в ожидании другого, и постоянно будет, ибо он вечен сам по себе, а не через посредство другого.

А то творение, которое существует через посредство другого, называют возможно-сущим. И возможно-сущие — это такие, как мы, существование коих — от семени, а существование семени — от крови, а существование крови — от пищи, а существование пищи — от воды, земли и солнца. А существование последних еще от чего-то другого, и все это такое, что вчера не существовало и завтра не будет существовать. И если так рассуждать до крайнего предела, то эта цепь причин доходит до такой причины, у которой не было происхождения от чего-либо другого, и бытием своим она обязана сама себе. Следовательно, она и есть создатель всего этого, от нее все вошло в бытие и благодаря ей существует. И если на этой мысли несколько остановиться, само собой станет ясно, что все творения суть бытие, отведавшее небытия. А он — бытие, украшенное вечностью без начала и конца. И поскольку начало творений в небытии, легко допустить, что они снова станут небытием. И наиболее проницательные из числа людей говорили: *«Каждая вещь к началу своему вернется»*, особенно в * мире становления и гибели.

Итак, мы суть возможно-сущие, начало наше — небытие. А он — необходимо-сущий, источник его — бытие. И сам он — *велика хвала ему и высоко его достоинство!* — соизволит говорить в * Слове ясном и договоре твердом: * *«Всякая вещь гибнет, кроме Его лика»*.

Надлежит знать еще, что этот мир, который находит-

8 ся в пространстве лунного неба и в орбите сей первоначальной сферы, назван || «миром становления и гибели».

И вот как следует представить себе: в глубине лунной сферы находится огонь, его окружает сфера луны; внутри сферы огня — воздух, его окружает огонь; внутри воздуха — вода, ее окружает воздух; и внутри воды — земля, ее окружает вода. И посреди земли есть воображаемая точка, такая, что все линии, идущие от нее к лунной сфере, равны между собой.

И когда мы говорим «низ», то мы имеем в виду эту точку или то, что к ней ближе всего. А когда мы говорим «верх», то мы имеем в виду наиболее отдаленную сферу или то, что к ней ближе всего.

А эта сфера [расположена] над сферой знаков Зодиака, и за нею ничего нет, и мир вещественный ею ограничивается, т. е. завершается.

Когда Аллах — святой и всевышний — возжелал в [своей] совершенной мудрости, чтобы в этом мире появились металлы, растения и животные, он сотворил звезды, в первую очередь Солнце и Луну, и рост и ущерб их поставил в связь с их движением. А свойство Солнца таково, что оно нагревает [своим] отражением предметы, противостоящие ему, и посредством теплоты подымает их, т. е. притягивает.

Воду противостоянием [своим] оно нагрело и в течение длительного времени притягивало [к себе], так что земля на одну четверть обнажилась по причине большого количества пара, поднявшегося с этой четверти и ушедшего вверх.

И природа воды такова, что допускает ее превращаться в камень, как это известно для некоторых мест и наблюдением свидетельствуется. Следовательно, горы появились из воды с помощью солнечного жара.

И земля, что там была, несколько приподнялась, вода с нее сбегала, и она просохла, подобно тому как мы это обычно видим. По этой причине ее называют обнажившейся четвертью земного круга. А * Обитаемой четвертью называют ее по той причине, что для живых существ на ней обиталище. ||

РАЗДЕЛ [ТРЕТИЙ] 9

Когда влияние тех светил воздействовало на края тех [сфер]-элементов и отразилось от той воображаемой точки, из земли и воды с помощью ветра и огня возникло неорганическое, как горы и рудники, тучи и снег, гром и молния, падающие звезды, кометы, метеоры, палковидные кометы, лунный ореол, пламя, вулканы, землетрясения и различные источники, согласно тому как это объяснено на своем месте в *«Действиях небесных тел». А в этом кратком перечне объяснять и [подробно] толковать это было бы неуместным.

Когда прошло некоторое время и обрели последовательность орбиты небес, природа низкого мира достигла зрелости и для того зияния, что находится между водой и воздухом, настал черед испытать воздействие, — возник мир растений.

Затем господь, святой и всевышний, наделил ту сущность, из коей возникли растения, четырьмя содействующими силами и тремя свойствами. Из этих четырех содействующих сил одна такая, которая привлекает в него все, что ему соответствует, — и ее называют привлечением.

Вторая такая, которая удерживает все то, что привлечено, — и ее называют удержанием.

Третья такая, которая усваивает это привлеченное, видоизменяет его в качестве, ему свойственном, и уподобляет себе, — и ее называют усвоением.

И четвертая такая, которая устраняет то, что бывает непригодно, — и ее называют устранением.

Что касается этих трех свойств [растения], то первое среди них — свойство увеличиваться в размерах посредством того, что пища распределяется в нем || распределением пропорциональным и соразмерным. И второе свойство — проводить эту пищу, с тем чтобы она достигла всех оконечностей. И третье свойство такое: когда [растение] достигло совершенства и готово обратиться к ущербу, оно проявляет это третье свойство и дает семена, с тем что, если для него в этом мире наступит тление, сия замена останется ему заместником, дабы уст-

ройство мира было защищено от разрушения и род не прервался. И его называют производящим свойством.

Следовательно, этот мир произрос из мира неорганического посредством тех путей, кои упомянуты.

И совершенная мудрость творца так определила, чтобы эти миры были связаны между собой последовательно и неразрывно, дабы глина, которая была первым веществом в мире неорганическом, развивалась и совершенствовалась, пока не достигнет [степени] марджана, то есть коралла, который является конечным веществом в мире неорганическом, примыкающим к первому веществу мира растений. А * первое в мире растений — терновник, а последнее — финиковая пальма и виноград, кои уподобляются миру животных: эта требует оплодотворения, чтобы плодоносить, а тот убегает от врага, так как виноградные лозы отстраняются от плюща, а это такое растение, которое высушивает виноградную лозу, если обовьется вокруг нее, и лоза от него отстраняется.

Итак, в мире растений нет ничего выше виноградной лозы и финиковой пальмы, ибо они уподобились тому, что стоит выше их мира, изволили преступить сферу своего мира и продвинулись к более [чем они] благородному. ||

11

РАЗДЕЛ [ЧЕТВЕРТЫЙ]

Однако когда этот мир достиг совершенства, и * влияние отцов мира высшего проявилось в матерях мира низкого, и настал черед для [того] зияния, [что находится] между воздухом и огнем, явился более благородный отпрыск: возник мир животных.

И те свойства, кои имели растения, он принес с собой, а две способности у него прибавилось. Одна — распознавательная способность, которую называют восприятием; при помощи ее животное распознает вещи. Вторая — двигательная способность, при помощи которой животное может передвигаться, приближаться к тому, что ему приятно, и удаляться от того, что ему несообразно; ее называют движением.

Кроме того, способность восприятия разделяется на десять ветвей: пять из них называют внешними чувствами и пять внутренними чувствами. Внешние чувства суть осязание, вкус, зрение, слух и обоняние.

Способность осязания — это такая способность, которая || рассеяна в коже и мясе животного, для того чтобы нервы его могли познать вещь, которая его касается, и различить: сухость или влажность, теплота или холод, твердость или мягкость, шероховатость или гладкость. 12

И вкус — это способность, расположенная в том нерве, что простирается на поверхности языка; он распознает растворенные яства по тем веществам, которые с ним соприкасаются, и различает между сладким и горьким, едким и кислым и тому подобным.

А слух — это способность, расположенная в разветвленном нерве, что находится на поверхности ушной перегородки. Он распознает тот шум, который достигает уха в результате приливов и отливов воздуха, попавшего между двумя сталкивающимися телами, то есть двумя телами, ударяющими друг о друга. От столкновения их воздух приходит в движение и становится причиной [возникновения] звука, передает это воздуху, который находится в углублении уха, касается [ушной перегородки], приходит в связь с нервом, и [животное] слышит.

А зрение — способность, расположенная в полом нерве, который воспринимает изображения как очертаний, так и объемных тел, различно окрашенных, кои запечатлеваются || в кристаллической жидкости [глаза] 13 при посредстве прозрачной среды, расположенной между этой жидкостью и поверхностью отражающих свет предметов.

А обоняние — это способность, расположенная в том выступе, что возвышается на передней части мозга, подобно соску на женской груди. Он распознает то, что сообщает ему вдыхаемый воздух из запахов, смешанных с испарениями, которые принесены [ему] ветром или запечатлеваются в нем посредством диффузии пахнущего тела.

РАЗДЕЛ [ПЯТЫЙ]

Что касается внутренних чувств, [то] некоторые воспринимают формы ощущений и некоторые воспринимают смыслы ощущений.

Первое — это чувство-посредник, и оно представляет собой способность, расположенную в первом углублении мозга, предназначенную по своей природе к восприятию всех образов, которые приняты внешними чувствами и запечатлены ими для передачи ему. И ощущение тогда становится ощущением, когда воспринято им.

Второе — это представление. Эта способность расположена в конце переднего углубления мозга. То, что чувство-посредник приняло от чувств внешних, оно удерживает и хранит в себе по прекращении чувственного восприятия.

Третья способность — воображение. И когда о ней говорят применительно к человеку, называют размышлением. Эта способность расположена в среднем углублении мозга. И назначение ее такое: те отдельные части, которые имеются в представлении, составлять одну с другой волею помышления или отделять одну от другой.

14 Четвертая способность — умозаключение. Эта способность расположена в конце срединного углубления || мозга. И назначение ее — познавать понятия, чувственно не воспринимаемые, но существующие в частных ощущениях, подобно тому как козленок способен различать между своей матерью и волком, а дитя — между пестрой веревкой и змеей.

Пятая способность — память, ее также называют способностью запоминания. Эта способность расположена в последнем углублении мозга. Она сохраняет то, что способность умозаключения воспринимает из чувственно не воспринимаемых понятий. И соотношение ее со способностью умозаключения такое же, как соотношение способности представления с чувством-посредником, только та запечатлевает форму, а эта — понятие.

Однако все это — слуги живой души, а она — вещество, источник которого — сердце. И когда она действу-

ет в сердце, ее называют живым духом, а когда действует в мозгу, ее называют духовным духом, а когда действует в печени, ее называют природным духом. И она — это прекрасный пар, который подымается из крови, проникает в отдаленные артерии, и по святости подобна солнцу. И каждое животное, у которого есть эти две способности — распознавательная и двигательная — и те десять, кои от них ответвляются, называют совершенным животным. А каждое, у которого [их] меньше, бывает неполноценным, как, например, муравей, у которого нет глаз, и змея, у которой нет ушей. — ее называют глухой змеей.

Однако нет никого более неполноценного, чем червь харатин. Это червь красного цвета, который водится в иле ручьев, и его называют гил харе — «грязеед», а в *Мавераннахре называют хак-кирме — «земляной червь». И первичное животное — он, а последнее — *наснас. Это — животное, которое обитает в пустынях Туркестана, у него || вертикально поставленное туловище, прямой рост и широкие ногти. И человека он крайне любит. Где бы он ни увидел людей, он выходит на их путь и наблюдает за ними. А если увидит одинокого человека, похищает его и, говорят, способен зачать от него. 15

Итак, после человека он — самый благородный среди животных, сходный с человеком в нескольких отношениях: первое — прямизной стана, второе — шириной ногтей и третье — волосами на голове.

РАССКАЗ

Слышал я от Абу Ризы ибн 'Абд ас-Салама ан-Нисабури в году пятьсот десятом [1116/17] в Нишапуре, в соборной мечети, как он сказал: «Мы шли по направлению к *Тамгачу, и караван [наш] был в несколько тысяч верблюдов. Однажды двигались мы полуденной порой. На одном из песчаных холмов мы увидели женщину. Она стояла — простоволосая и нагая, необычайно прекрасная, со станом, как кипарис, лицом, как луна, и с длинными волосами — и смотрела на нас. Сколько

мы с ней ни заговаривали, она не отвечала и, когда мы направились к ней, убежала. И в беге она так быстро удалялась, что, верно, ни один конь не смог бы ее нагнать. И наши погонщики — они были турки — сказали: „Это дикий человек, его зовут * наснас“».

16 И следует знать, что он — самое благородное среди животных в тех трех отношениях, о коих сказано. ||

Однако с течением времени и в ходе дней благотворность естества увеличилась и настал черед для того зияния, что находится между элементами и небесами. В бытие вступил человек, и приобщил себе все, что было в неорганическом мире, мире растений и мире животных, и прибавил к этому способность постигать [вещи] разумом. И [силою] разума стал царем над всеми живыми, и все привел в подчинение своему владычеству.

Из неорганического мира — драгоценных камней, золота и серебра — сделал себе украшения, а из железа, бронзы, меди, свинца и олова изготовил для себя утварь и орудия. А из мира растений изготовил пищу, одежду и ковры. А из мира животных приспособил для себя верховых коней и вьючный скот. И из всех трех миров выбрал снадобья и ими себя пользовал.

К чему же привело его это превосходство? К тому, что он познал постижимое разумом и через посредство постижимого разумом познал господа. А для чего познал господа? Для того чтобы познать себя: *тот, кто постиг себя самого, постиг и творца своего.*

Затем мир [человеческий] разделился на три категории.

Одна категория та, что близка к миру животных, наподобие обитателей пустынь и жителей гор, у коих весь их помысел не идет далее того, чтобы найти пропитание, извлечь пользу и устранить вред.

Вторая категория — это жители стран и городов, у которых есть общины, и взаимопомощь, и проникновение в ремесла и искусства. Но познания их ограничены устройством того сообщества, что существует между ними, дабы разные группы, [его составляющие], могли продолжить существование

И еще категория — это те, что отрешены от всего этого ночью и днем, тайно и явно. И их призвание — познать, кто мы, ради чего вошли в бытие, и кто наш создатель. То есть рассуждают они об истинности вещей, || обсуждают приход свой и размышляют об уходе: каким образом мы появились и куда уйдем?

17

И опять-таки в этой категории есть две группы. Первая группа — это те, что приближаются к желаемой сути с помощью наставников, накопления знаний, прилежного труда, чтения и письма. И эту группу называют учеными. И вторая группа — те, что без наставников и книг достигают крайнего предела этого помышления, и их называют пророками.

А у пророка три свойства: первое — то, что он постигает науки не учась, второе — то, что он получает откровение о вчерашнем и завтрашнем дне, не прибегая к аналогии и сопоставлению, и третье — то, что душа его наделена такой силой, что каждое тело, если пожелает, он может лишить формы и облечь его в иную форму. И на это способен только тот, кто имеет подобие с миром ангелов. Следовательно, в человеческом мире нет никого превыше его.

И веление его влияет на дела мира, ибо все, что у людей есть, есть и у него, но у него есть и свыше того, чего у людей нет, — то есть связь с миром ангелов. Это превосходство коротко называют пророческой миссией, а подробно это то, что мы изложили.

И пока сей человек среди живых, он являет народу дела обоих миров по указанию господа — *да славится имя его!* — и через посредство ангелов. А когда по естественному разложению он обращает лицо к тому миру, изволением господа — *да славится имя его!* — и в собственных словах он оставляет преемником себе *Руководство.

И у него всегда должен быть наместник, дабы поддерживать законы его и обычаи. И это должен быть человек мудрейший среди общины и совершеннейший [своего] времени, затем чтобы эти законы восстанавливать и эти обычаи скреплять. И его называют *имам.

И этот имам не охватит горизонтов Востока, Запада,

Севера и Юга, пока воздействие покровительства его не достигнет дальнего и близкого, а повеление и запрет — разумного и невежды.

- 18 По необходимости и у него || должен быть наместник, дабы осуществлять это покровительство во всех частях света. И ни у одного из них не достанет силы утвердить эту толпу в строгости — непременно нужен какой-то правитель и необходим какой-то завоеватель. Того правителя и завоевателя называют * маликом, то есть падишахом, а это наместничество — падишахством. Следовательно, падишах — наместник имама, имам — наместник пророка, а пророк — наместник господя великого, славного. И хорошо сказал об этом * Фирдауси:

* Пророчество и шахство рядом, без сомненья,
Как в перстне рядом драгоценные каменья ¹.

Сам * Сейид сынов человеческих изволил молвить: *религия и власть — близнецы*, то есть вера и царство — два брата-близнеца, кои и в форме и в сути не имеют друг перед другом ни избытка, ни недостатка.

Итак, по указу сего предопределения после пророческой миссии нет бремени тяжелее падишахства и нет занятия доблестней правления.

Затем подобает, чтобы у [царя] были приближенные из таких людей, советом, суждением и мнением коих решались бы дела мирские, благополучие и бедствие рабов божиих. Подобает, чтобы каждый из них был мудрейшим и совершеннейшим [своего] времени.

А * дабир, поэт, астролог и врач суть ближние люди царя, и обойтись без них ему невозможно. На дабуре — крепость правления, на поэте — вечная слава, на астрологе — благое устроение дел, на враче — здоровье телесное.

- 19 И это — четыре тяжких дела и благородных науки из ветвей || науки философии: дабирство и поэзия — из ветвей логики, астрология — ветвь математики и меди-

¹ Здесь и далее стихи в переводе Г. И. Алексева.

цина — ветвь естествознания. Посему и книга эта состоит из четырех глав:

Первая — о сущности науки дабирства и свойствах дабира совершенного в красноречии.

Вторая — о сущности науки стихосложения и о достоинствах поэта.

Третья — о сущности науки о звездах и о познаниях астролога в этой науке.

Четвертая — о сущности науки медицины, о руководительстве врача и свойствах его.

Затем в начале каждой главы приведено то из философии, что подобает сей книге. А после этого следуют десять занимательных рассказов из диковинных случаев и удивительных происшествий в каждой главе, кои случились в данном сословии, дабы падишаху стало ясно и было понятно, что дабирство — не малое дело, и сложение стихов — не пустое занятие, и астрология — нужная наука, и медицина — необходимое искусство. И рассудительному падишаху нельзя обойтись без этих четырех человек: дабира, поэта, астролога и врача.

О СУЩНОСТИ ДАБИРСТВА,
И О КАЧЕСТВАХ СОВЕРШЕННОГО
ДАБИРА, И О ТОМ, ЧТО С ЭТИМ
СВЯЗАНО

абирство — это искусство полемической и риторической аргументации, применение в речах, || кои ведут между собой люди путем беседы, рассуждения или спора, в целях восхваления и поношения, обмана, обольщения и в подстрекательство, в превознесение или в преуменьшение дел, в представление разного рода извинений и упреков, в подтверждение верности, в напоминание о прошлом; [это искусство] выявления порядка и размещения слов сообразно каждому случаю, дабы было оно выражено способом наилучшим и наименее пригодным.

А * дабиру надлежит быть [человеком] чистого происхождения, честного имени, тонкой провицательности, глубокой мысли, острого суждения. И наука со всеми ее плодами должна стать его уделом в большей своей части и обширнейшей доле. И не следует ему чуждаться и сторониться логических суждений. И должно ему знать обстоятельства сынов своего века и разбираться в судьбах современников. И не подобает, чтобы он занимал себя презренными мелочами мира и суетой его, склонялся к лести и хуле людей злонамеренных и обольщавших ими. И в любом из своих письмоводительских дел должен охранять он честь господина от недостойных положений и низких приемов. И, ведя переписку и направляя послания, не пристало ему дерзить уважаемым людям и вельможным господам. А ежели меж господином его и тем, кому он пишет, случилась распря, 21 пусть || он не чернит его репутации, умерив свое перо, разве только по отношению к тому, кто сам преступил

границы и ногу достоинства перенес за круг благородства, ибо [сказано]: *«Слово за слово, а начавший — виновнее».*

И в обращениях пусть держится срединного пути и каждому то пишет, что определяется родством его и происхождением, именем и страной, войском и казной, исключая тех, кто в этом отношении приbedняется или хвастает, преуменьшает или преувеличивает в такой мере, что разум уже не приемлет. Тогда секретарю дозволено, взявшись за перо, поступать смелее и следовать этим путем до крайних границ и дальних пределов, ибо * Совершеннейший из людей и превосходнейший из них — *да благословит его Аллах и да приветствует!* — изволил сказать: * *«Гордыня против гордеца — милостыня».* Конечно, дабир не должен допустить, чтобы хоть малейшая пыль из атмосферы посланий коснулась на небе перелиски полы чести его господина.

И в построении речи пусть такого способа держится, чтобы слово подчинялось смыслу, а речь была краткой. Как сказано у арабских риториков: *«Лучшая из речей — та, что коротка и ведет к цели».* Ибо везде, где смысл подчиняется слову, речь удлинится и автора назовут болтуном, а *«болтун — это пустослов».*

Но слово секретаря не достигнет такой степени, прежде чем не будет у него доли от каждой науки и не запомнит он по одному искусному выражению от каждого мастера, не услышит по одному афоризму от каждого мудреца и не позаимствует по одному редкостному приему от каждого писателя.

Затем || должно войти у него в обычай читать * Слово божие, и предания о * Мустафе, и писания сподвижников его, арабские пословицы и персидские речения, книги древних и их преемников, такие, как: послания * Сахиба, * Саби' и * Кабуса, сочинения Хумади, Имами и * Кудама ибн Джафара, «Макамы» Бади', Харири и * Хамида, указы * Бал'ами, * Ахмад-и Хасана и * Абу Насра Кундури, письма * Мухаммада 'Абдаха, * 'Абд ал-Хамида и * Сейида ар-Ру'аса, собрания * Мухаммада ибн Мансура, Ибн 'Аббади и Ибн ан-Нассаба, потомка * 'Али. А из арабских * диванов — диваны * Му-

танабби, * Абиварди и * Газзи. А из персидских стихов — стихи * Рудаки, и месневи * Фирдауси, и оды * Унсури. И каждое из тех [произведений], что я перечислил, бесподобное в своем роде и уникальное для своего времени.

И каждый дабир, у которого есть сии книги и который не уклоняется от прилежного их чтения, оттачивает [свою] мысль, шлифует мозг, разжигает талант и возвышает слово. Так становится дабир знаменитым. А ежели он хорошо знает * Коран, то, может статься, одним стихом [из него] решит судьбу целой страны, как * Искафи.

РАССКАЗ [ПЕРВЫЙ]

* Искафи был одним из дабиров при [дворе] * Саманидов — *да будет над ними милость Аллаха!* — и он превосходно владел этим искусством, успешно преодолевал вершины и легко выбирался из теснин. Он вел 23 дела в || посольском * диване * Нуха ибн Мансура. Но [там] не знали ему настоящей цены и не лелеяли как должно его талант.

Из Бухары он перешел в Герат, к * Алптегину. А Алптегин, тюрк, был человек умный и понимающий. Он обласкал его и поручил ему посольский диван, и дела Искафи расцвели.

А было так, что в столице к власти поднялась новая знать, которая попирала прежних. Алптегин поначалу все это терпел, но в конце концов дошло до того, что он поднял восстание, и причиной того было какое-то оскорбление, нанесенное ему по подстрекательству той новой знати. И эмир Нух написал из Бухары в * Забулистан, чтобы * Сабуктегин выступил [оттуда] с войском, а * Симджуриды выступили бы из * Нишапура, дабы противодействовать Алптегину и сразиться с ним. А война эта чрезвычайно известна, и горестное сие событие знаменито.

И вот, после того как войска достигли Герата, эмир Нух послал к Алптегину 'Али ибн Мухтаджа ал-Куша-

ни, главного * хаджиба, с письмом, [складным], как [текучая] вода, и [жалящим], как огонь. И смысл письма — одно устрашение, и все содержание его — угрозы. Примирению не оставлено было места, и к согласию не показаны пути, как только и может писать разъяренный господин непокорному рабу своему в подобном случае и при подобных тягостных обстоятельствах. Все письмо было полно такими словами, как «приду», «схвачу», «убью».

Когда хаджиб Абу-л-Хасан 'Али Мухтадж ал-Кушани изложил письмо, исполнив поручение, и ничего от него не преуменьшил, Алптегин, который и без того был оскорблен, оскорбился еще больше, вознегодовал и сказал: «Я — раб его отца. И в то время, когда господин мой уходил из мира бренного в мир вечный, он его поручил мне, а не меня ему. И хотя для вида мне и положено быть под его приказом, но если ты обстоятельно рассудишь это дело, то || вывод будет обратный, 24 ибо я уже спускаюсь к последнему привалу, а он — еще на перегонах юности. И те, что подстрекали его к этому, — губители сей благоденствующей династии, а не советники, разрушители они этого дома, а не слуги».

И в крайнем возмущении указал Исафи: «Когда станешь отвечать на письмо, не воздерживайся от оскорблений и напиши ответ — я так хочу — на обороте этого письма».

Исафи тут же, не задумываясь, составил ответ и вначале написал: *«Во имя Аллаха, всемилосердного, всемилостивого! * О Нух, ты препирался с нами и умножил спор с нами; приведи же нам то, что ты обещаешь, если ты из правдивых».*

Когда письмо прибыло в Хорасан к эмиру Нуху ибн Мансуру, он прочел его и дался диву и все вельможи двора поверглись в изумление, а дабиры прикусили зубами палец [в удивлении].

Когда дело Алптегина пошло прахом, Исафи скрылся и пребывал в страхе и трепете до тех пор, пока Нух не послал за ним и призвал его к себе и поручил ему канцелярию. И дело его пошло вверх, и среди людей пера известен он и знаменит. И если бы он не знал

хорошо Коран, то не прибег был тогда к этому стиху Корана и дело его не возвысилось бы от той степени до сего предела.

РАССКАЗ [ВТОРОЙ]

Когда положение *Искафи возвысилось и он на службе у эмира *Нуха ибн Мансура набрал силу, в *Рее и *Кухистане начал бунтовать *Макан ибн Какуйи. Он сбросил ярмо повиновения, послал своих ставленников в Хар и Симнак, захватил несколько городов
25 из [области] Кумиш || и перестал считаться с *Саманидами.

Нух ибн Мансур испугался, ибо Макан был человек опасный и на все способный, и стал готовиться к борьбе с ним. Он назначил для сражения с Маканом Таша, главного военачальника, с восемью тысячами всадников, дабы он пошел и смуту эту подавил и покончил с этим тяжким делом так, как [сам] сочтет ко благу, ибо Таш был мудр и здравомыслящ, был изворотлив и знал все ходы и выходы. Ни одного дела не кончал он, не добившись цели, и ни разу не ушел с поля брани побежденным. И покуда он был жив, династия *Саманидов обладала полным великолепием и процветала во всех делах.

Эмир был крайне озабочен и расстроен этим событием; он послал за Искафи, уединился с ним и сказал: «Я очень страшусь этого дела, ведь Макан — человек храбрый и дерзкий, наделен большой отвагой да еще изобретательностью. Среди дейлемитов мало было таких, как он. Следует тебе отправиться вместе с ним и сообщать мне обо всем, что произойдет с ним из ратных дел, рассказывая о нем. А я буду стоять в Нишапуре, чтобы согревалась мною спина войска, а противник падал духом. Необходимо, чтобы каждый день ко мне прибывал [срочный] гонец с письмом от тебя: что бы ни произошло, подробно разбери и в письме том опиши, дабы [мог я] успокоить душу». Искафи поклонился
26 и сказал: «Повинуюсь». ||

И вот на другой день Таш развернул знамена, ударил в барабаны, выступил авангардом из Бухары и с семью тысячами всадников пересек * Джейхун. А эмир с остальным войском следом за ним прибыл в Нишапур. Затем эмир пожаловал Ташу и войску почетные халаты. Таш выступил, и вошел в * Байхак, и вышел к [области] Кумиш, и обратил лицо к * Рею в полной решимости и с совершенной твердостью. А Макан с десятью тысячами одетых в кольчугу воинов встал у ворот Рея, имея опорой за собой Рей.

Подошел Таш, миновал город и встал перед ним лицом к лицу. Начали сновать туда и обратно послы, но ни на чем не сошлись, ибо Макан был обуян гордыней по причине того радующего сердце войска, которое он собрал со всех сторон. Решили начать сражение. А Таш был старый волк, уже сорок лет держал военачалие и много видел всякого в этом роде. И он так устроил, что когда оба войска сошлись лицом к лицу и богатыри и силачи войска * Мавераннахра и Хорасана выступили вперед из центра, || то только половина Ма-²⁷ канова войска стала сражаться, а остальная часть не приняла участия в битве, и Макан был убит.

Таш хватал, вязал и убивал, а когда освободился, обратился к Искафи и сказал: «Надо послать сначала голубя, пока вслед ему не будет выслан гонец. И надлежит изложить все это событие таким оборотом, дабы и на все обстоятельства было указано, и голубь смог бы донести. Тогда цель будет достигнута».

Искафи взял кусок бумаги, пальца в два, и написал: *«Амма макана фа сара касмихи. * Вассалам!»*, имея в виду, что *ма* — [по-арабски] частица отрицания, а *кана* — глагол «быть» в прошедшем времени, так что по-персидски будет так: «Макан стал подобен своему имени», то есть не стало его.

Когда этот голубь долетел до эмира Нуха ибн Мансура, он не так подивился этой победе, как этому изречению. Он заново пожаловал Искафи все необходимое для спокойной жизни и сказал: «Такому человеку следует быть свободным от всех забот, дабы смог он постигать [искусство] таких тонких речений»

РАССКАЗ [ТРЕТИЙ]

Любое дело, связанное с мышлением, требует, чтобы человек, им занимающийся, был спокоен сердцем и свободен от забот, а в противном случае стрелы его мыслей рассеиваются втуне и не сходятся в единой цели, знаменующей успех. Ибо только при собранности мысли можно найти нужные слова.

28 Рассказывают, что один из * дабиров при * аббасидских халифах — *да будет доволен ими Аллах!* — составлял как-то письмо правителю * Мисра. Он был сосредоточен и || полностью погружен в море размышлений и ставил слова драгоценные, как жемчужины, и плавные, как текучая вода. Тут вдруг пришла его служанка и сказала: «Вышла вся мука». Дабир так огорчился и встревожился, что выпустил из рук нить изложения, и до того смешался, что написал в письме: «Вышла вся мука». Так это письмо закончил и отослал халифу. И не подозревал о тех словах, которые туда вставил.

Письмо прибыло к халифу, он его прочитал и, когда дошел до тех слов, дался диву. И ни с чем не мог их связать, ибо уж очень они были несообразны! Он послал человека, и призвал дабира, и спросил его, в чем тут дело. Дабир устыдился и рассказал правдиво, как это случилось. Халиф был крайне поражен. Он сказал: «Начало этого письма настолько же совершеннее и превосходнее конца, насколько * [сура] * „Скажи: Он — Аллах — един“ [совершеннее суры] *, „Пусть пропадут обе руки Абу Лахаба““. Грешно предавать дух таких, как вы, красноречивцев рукам суеты мирских нужд.

И велел предоставить ему все необходимое для спокойной жизни, так что никогда подобные слова не касались более его ушей. И в конце концов он так преуспел, что умел выразить в двух словах смысл обоих миров.

РАССКАЗ [ЧЕТВЕРТЫЙ]

* Сахиб Кафи Исма'ил ибн 'Аббад ар-Рази был везиром шахиншаха. В учености он достиг полного со-

вершенства, и переписка и стихи его — двое справедливых судий и два беспристрастных свидетеля истинности этого утверждения. Кроме того, Сахиб был * му'тазилитом, а му'тазилиты крайне богобоязненны и благочестивы. Они исповедуют, что || верующий навеки ²⁹ пребудет в аду за одно ячменное зернышко неправедности. И слуги, и челядь, и наместники его по большей части были той же веры, что и он.

И был один судья в * Куме, поставленный Сахибом. И Сахиб твердо верил в благочестие его и воздержание. Но вот время от времени стали доходить о нем слухи, противоречащие этому. Доверия Сахиба ничто не могло поколебать, пока два человека из жителей Кума, люди доверенные и честные, не сказали ему, что во время распри, которая была между таким-то и таким-то, судья принял взятку в пятьсот * динаров. Это до крайности огорчило Сахиба по двум причинам: первое — большой размер взятки и второе — дерзость и неблагочестие судьи. Тотчас же он взял перо и написал: *«Во имя Аллаха, всемилосердного, всемилостивого! * О судья Кума! Мы отстранили тебя — уйди!»*

Люди знающие и красноречивые понимают, какой [высокой] степени достигли эти слова в краткости своей и выразительности. Посему люди, знающие цену красивому слову и тонкому речению, запишут это речение в своих сердцах и запечатлеют в душах.

РАССКАЗ [ПЯТЫЙ]

* Ламган — город в одной из земель Синда — относится к [области] * Газны. И посейчас жителей [Ламгана] отделяют от неверных высокие горы, и постоянно живут они в страхе перед набегом и нападением неверных. А ламганяне — люди независимые, ловкие, и предприимчивые, и при своей ловкости до крайности зловредны, так что им || ничего не стоит бить челом ³⁰ перед правителями ради одного * мана соломы или одного яйца и в обыкновении у них за каждой малостью ходить с жалобой в Газну: и один месяц, и другой

месяц там проведут, а назад не вернутся, не добившись своего. Короче говоря, знают толк и в том, как затеять тяжбу, и в том, как защититься от нее.

И вот, во время *Ямин ад-Даула султана Махмуда — да вложит Аллах в уста его доказательство! — как-то ночью напали на них неверные, и случилось им большое разорение, пришлось им туго. Когда это случилось, несколько именитых и знатных собрались и прибыли в Газну. Разорвали на себе одежды, обнажили головы и явились с воплями на базар Газны, и пришли во дворец к султану, стонали и жаловались, и так расписали этот случай, что расплакался бы и камень. Такой зловредности и изворотливости, обмана и лжи еще от них не исходило. Великий ходжа *Ахмад ибн Хасан Майманди пожалел их, и простил им *харадж за тот год, и оградил их от [других] поборов. И сказал: «Ступайте трудитесь и не расточайте, дабы к началу следующего года вернуться вам к прежнему положению».

31 То посольство ламганян в сильном веселии и совершенном ликовании || вернулось назад, и весь тот год пребывали они в благоденствии, не отдав никому [из своих доходов] и единой капли.

А когда год подошел к концу, то же посольство снова явилось к султану и принесло челобитную, и суть ее вкратце была такой: «Господин великий ходжа одарил нашу область в прошлом году состраданием своим и милосердием и защитил охранением своим и покровительством. И жители Ламгана щедростью сей и милостью вернулись к прошлому своему положению и того достигли, что могут уже удержаться в этих узких пределах, но [неустойчивы] еще, как испытывшие землетрясение. И боимся мы: ежели в этом году потребуют условленные [налоги], многие будут подкошены под корень и в итоге ущерб сей отразится и на процветающей казне».

Ходжа Ахмад снова пожалел их и простил налог и за другой год.

За эти два года жители Ламгана разбогатели, но тем не удовольствовались. На третий год пожадничали:

не простит ли снова? То посольство опять явилось в *диван и доложило челобитную. А всему миру уже стало известно, что ламганяне — обманщики.

Великий ходжа перевернул их челобитную и [на обороте] написал: «Ал-харадж — хураджун, адауху — давауху», то есть: «Харадж — это нарыв с глубоким корнем. Отторжение его — избавление от него».

И со времени того великого выражение это стало пословицей и во многих случаях применялось. Да будет земля ему пухом! ||

РАССКАЗ [ШЕСТОЙ] 32

Великие были вельможи во время правления *Аббасидов — да будет доволен ими Аллах! [Так] хорошо известны и знамениты дела *Бармакидов: каких только подарков и вознаграждений они не получали!

И вот Хасан ибн Сахл, [прозванный] Зу-л-Рийасатайн, и брат его *Фазл поднялись выше небес; дело дошло до того, что *Ма'мун посватался к дочери Фазла и просил ее руки. А девушка эта была совершенна красотой и бесподобна образованием. И уговор был такой, что Ма'мун придет в дом невесты и пробудет там месяц. А когда минует месяц, вернется с новобрачной в свой дом.

В тот день, когда настал черед его отъезда, Ма'мун пожелал — как это было в обычае — надеть лучшие одежды. А Ма'мун всегда одевался в черное, и люди думали, что он потому так одевается, что *знамя *Аббасидов черного цвета. Но вот однажды Яхйа Аксам спросил его: «Отчего это повелитель правоверных отдает предпочтение черным одеждам?» || Ма'мун ответил 33 *кази-имаму: «Черное — это одежда мужей и одежда живых, ибо ни одну женщину не выдают замуж в черном и ни одного покойника не погребают в черном». Яхйа подивился этим словам.

А в тот день Ма'мун пожелал осмотреть все свои одежды и среди тысяч *каба разных атласов, [называемых] ма адани, малики и тамим, и парчовых, и златотканых, и макразийской ткани, || и тонкого шел- 34

ка, ни одного не одобрил. Облачился в черное, сел на коня и направился к дому невесты.

А Фазл в тот день так разукрасил свой дворец, что вельможи только диву дались — столько было собрано драгоценных вещей, что слова были бы бессильны в описании их и перечислении.

Когда Ма'мун приблизился к дворцовым воротам, увидел занавес цветистее китайской весны и драгоценнее знамени истинной веры. Узор его запечатлевался в сердце, и цвет его проникал в самую душу. [Ма'мун] повернулся к * надимам и сказал: «В любой из той тысячи каба, какую бы из них я ни выбрал, предстал бы я здесь опозоренным. *Хвала господу и благодарение ему*, что я удовлетворялся этой черной одеждой».

И из множества затей, которые устроил в тот день Фазл, одна была такая. Когда Ма'мун достиг внутренних покоев дворца, к ногам его высыпали целое блюдо, наполненное восковыми орешками, с виду похожими на жемчужины, в каждом из которых был вложен листок бумаги с написанным на нем названием одной из деревьев. И каждому из свиты Ма'муна, кому достался тот кусочек воска, была вручена дарственная грамота на ту деревню.

35 А когда Ма'мун вошел в покои невесты, он увидел жилище, украшенное резным алебастром, и настенную живописью, и цветными изразцами, и было оно прелестнее восточного [края неба] во время рассвета || и пленительнее сада в пору цветения роз. И во всю комнату был разостлан ковер, усеянный золотыми блестками и расшитый жемчугами, рубинами и бирюзой. И на ковре лежали шесть таких же подушек. На самом почетном месте сидела красавица, что была сладостнее жизни и земного существования и милее юности и целомудрия. С таким станом, что в рабстве ему расписался бы сам * гатфарский кипарис, и с такими ланитами, что само сияющее солнце назвало бы их своим господином. Кудри ее рождали ревность мускуса и амбры, а глаза были завистью оникса и нарцисса. Она поднялась, точно кипарис, и, грациозно ступая, подошла к Ма'муну. Отвесила низкий поклон. и тепло приветствовала, и

взяла за руку; повела и посадила на самое почетное место. И встала перед ним для услуг.

Ма'мун велел ей сесть. Она опустилась на колена, склонила голову и устремила глаза на ковер.

Ма'мун был сражен. Он потерял сердце, а в сердце вложил и душу. Он поднял руку и достал из кармана каба восемнадцать жемчужных зерен, каждое размером в воробьиное яйцо. Они сверкали ярче небесных светил || и сияли больше, чем зубы кумиров, были не только 36 круглее Юпитера и Сатурна, но и лучистее их. Упав на ковер, они завертелись, и из-за гладкости ковра и силы вращения движение это продолжалось и не могло остановиться. Но девушка не обратила внимания на те жемчуга и не подняла головы.

Еще сильнее воспылал Ма'мун, он протянул руки, чтоб, распахнув двери радости, заключить ее в объятия. Но тут повелителем выступил стыд, и та прелестная была так потрясена, что случилось с ней то, что свойственно только женщинам, и следы стыда и смущения проступили на ее ланитах. Тотчас она произнесла: *«О повелитель правоверных! * Пришло повеление Аллаха, не торопите же Его!»*

У Ма'муна опустились руки, и он едва не лишился чувств от крайней красноречивости сего * айата и прелести цитирования его в этом положении.

Больше он уже не мог оторвать от нее глаз, и восемнадцать дней не покидал тех покоев, и ничем не занимался, помимо нее. А дело Фазла возвысилось и достигло той степени, коей достигло

РАССКАЗ [СЕДЬМОЙ]

А также и в наши дни один из * аббасидских халифов ал-* Мустаршид-би-л-лах ибн ал-Мустахир, повелитель правоверных, — *да сделает Аллах прах его чистым и да возвысит место его в раю!* — выступил из города Багдада на * Хорасан со снаряженным войском, во всем великолепии, с несметными сокровищами и бесчисленным оружием. Причиной похода была непокор-

ность султана мира *Санджара. А смута сия была
37 затеяна || и состряпана подстрекателями и злодеями, которые довели дело до такой степени.

Халиф прибыл в Керманшахан и в день пятницы провозгласил такую *хутбу, которая превзошла в красноречии вершину солнечного апогея и достигла в восхвалениях райских эмпиреев. И во время этой хутбы в великой скорби и крайнем отчаянии вознес он хулу на род *Сельджукидов. И как признали арабские риторы и персидские мастера словес, после сподвижников пророка — *да будет божий рай их уделом!* — которые усвоили самую суть пророческой миссии и были толкователями кратких и многомудрых изречений пророка, никто и никогда не нанизал слов столь законченных и красноречивых.

Говорит повелитель правоверных ал-Мустаршид: «Мы вверились народу Сельджукидов, а они восстали против нас. *Затянулся над ними рок, и ожесточились их сердца, и многие из них распутны», то есть преступили они законы наши в вере и мусульманстве.

РАССКАЗ [ВОСЬМОЙ]

* Гурхан Хитая сразился с султаном мира *Санджаром ибн Малик-шахом, у ворот Самарканда, и мусульманскому войску был нанесен такой роковой удар, что невозможно описать. И *Мавераннахр перешел к нему, после того как был убит имам Востока Хисам ад-Дин — *да вложит Аллах в уста ему его доказательство и да раскроет пред ним свой рай!* Затем Бухару Гурхан передал Атмтегину, сыну эмира Бийабани, племяннику хорезмшаха Атсиза. || И поручил его на время своего отъезда [попечению] ходжа имама Тадж ал-Ислам Ахмада ибн 'Абд ал-'Азиза, который был имамом Бухары из рода Бурхана, с тем, что все, что ни делает [Атмтегин], он сделает по его указанию, и без его изволения не начнет никакого дела, и в отсутствие его не сделает ни шага. И Гурхан уехал и возвратился в *Барсхан. А справедливость его не знала меры, и

38

действенность приказа не имела границ. А воистину суть царствования не что иное, как эти две [вещи].

Атмтегин, оставшись на ристалище один, начал чинить притеснения и грабить Бухару. Жители Бухары, несколько человек в виде посольства, отправились в * Барсхан и пожаловались на притеснение. Гурхан, услышав это, написал Атмтегину письмо, как это в обычае у мусульман: *«Во имя Аллаха, всемилосердного, всемилостивого! Да будет известно Атмтегину, что, хотя между нами и дальнейшее расстояние, одобрение и неудовольствие наше подле него. Пусть то делает Атмтегин, что прикажет Ахмад, а Ахмад прикажет то, что приказал Мухаммад. * Вассалам!»*

Много размышляли мы над этим письмом и обсуждали его. Тысячу томов толкований содержит это письмо, и еще более. А смысл письма предельно очевиден и не нуждается в толковании. И мало я видел подобного сему!

РАССКАЗ [ДЕВЯТЫЙ]

Высший предел красноречия, который являет собой * Коран, заключается в кратости слов и дивности смыслов. И всякий раз, когда риторам и красноречивцам || 39 случалось вводить в свои произведения слова из Корана, получалось нечто такое, что потрясает и выводит из равновесия человека понимающего и красноречивого. И это решающий довод и ясное доказательство того, что слово сие — не изречено дыханием хотя бы единого из человеческих созданий и не сошло оно ни с каких уст и ни с какого языка. И подтверждается это еще древними формами в начертании знаков его и [построении] выражений.

Рассказывают, что некий мусульманин читал пред Валидом ибн ал-Мугире такой * аят: *«И сказано было: „О земля, поглоти твою воду!” и „О небо! Удержись!” И спала вода, свершилось дело, и стал он [ковчег] на [горе] Джуди». И тогда сказал Валид ибн Мугире: «Клянусь богом, красота и превосходство у слова*

сега и сладость у него. Вершина его плодоносна, а низ в цвету. И слово сие — не человечесье».

Коли противники дошли до такой черты на ристалищах признания красоты и дивности Корана, то сам суди, до чего же доходят друзья?! * *Вассалим!*

РАССКАЗ [ДЕСЯТЫЙ]

Некогда, в давние времена, среди царей и правителей — таких, как * *пишдаиды*, * *кийаниды*, * *цари* рода Хусраева и халифы, — было в обычае состязаться между собой в справедливости и просвещенности. ||
40 И когда, бывало, отправляли посла, снаряжали его искусными вопросами, загадками и шарадами. И у царя посему была нужда в людях умных и проницательных и в мужах, [сильных] советом и суждением. И бывало, не один раз сядут * *маджлисом* и встанут, прежде чем в решении тех вопросов не сойдутся на одном и те загадки и шарады не станут явными и очевидными. И тогда посла отправляли.

И порядок этот держался до времени султана справедливого * *Ямин ад-Даула ва-д-Дин Махмуда ибн Сабуктегина* — *да помилует его Аллах!* А после него, когда пришли * *Сельджуки* — а то были жители пустынь и не ведали они установленных распорядков и высокого наследия венценосцев, — большая часть августейших обычаев во время их правления пропала и многое из того, что надлежит государству, было утеряно. Одна из таких вещей — почтовое управление, а по этому можно судить и об остальном.

Рассказывают, что султан * *Ямин ад-Даула Махмуд* — *да помилует его Аллах!* — отправил однажды посла в * *Мавераннахр*, к * *Бугра-хану*, и в письме, что было составлено, стоял такой раздел: «*Говорит всевышний Аллах: * „Ведь самый благородный из вас пред Аллахом — самый благочестивый“*. Людьями сведущими и проницательными установлено, что сим предостерегает он от невежества, ибо нет ущерба душе человечесьей хуже ущерба невежества и нет порока презреннее не-

знания. И * Неизреченное слово свидетельствует верность сего послания и истинность сей вести: * „Возвышает Аллах тех из вас, которые уверовали, и тех, кому дано знание, на высокие степени”. Поэтому желаем, чтобы * имамы области * Мавераннахр, и * улемы земель Востока, и ученые двора * Хакана изъяснялись по таким вот основным понятиям: Что такое пророческая миссия? Что такое святость? Что такое религия? Что такое ислам? Что такое согласие? Что такое благодеяние? Что такое праведность? Что || такое призыв ко благу? Что 41
такое запрет непотребного? Что такое праведный путь? Что такое милосердие? Что такое сострадание? Что такое справедливость? Что такое добродетель?»

Когда это письмо прибыло ко двору Бугра-хана и он уразумел содержание его и смысл, он со всех областей и городов призвал * имамов Мавераннахра и держал с ними совет по этим вопросам. И многие из самых великих и знаменитых имамов Мавераннахра согласились на том, что каждый из них напишет на эту тему книгу и по мере изложения ее ответит на те вопросы. И просили на это четыре месяца сроку. А промедление это во многих отношениях было нежелательным, но что было всего хуже, так это издержки казны на послов и гонцов и на содержание имамов. И вот Мухаммад ибн 'Абдах ал-Катиб, который был * дабиром Бугра-хана и обладал глубиной в познаниях и совершенством в премудрости, и в поэзии имел достаток и в прозе, один из мудрецов и красноречивцев ислама, сказал: «Я на эти вопросы отвечу в двух словах, и так, что, когда ученейшие ислама и благороднейшие Востока увидят [ответ], согласятся с ним и одобряют его».

Затем взял * калам и внизу, под вопросами, написал в виде * фетвы: «Говорит посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует: „Почитание приказа господина и любовь к твари его!»»

Все имамы Мавераннахра прикусили зубами палец удивления, застыли в изумлении и сказали: «Вот это совершенный ответ и вот это всеобъемлющее изречение!» А хакан великий возликовал, что удалось обойтись дабиром и не стало нужды в имамах.

И когда ответ прибыл в Газну, все [его] одобрили.

И вот из всех этих происшествий такой вывод следует, что разумный и образованный дабир — это одно из великих украшений царского великолепия и одна из лучших опор державного возвышения. Засим рассказом 42 этим и закончим эту главу. * *Вассалам!* ||

О ПРИРОДЕ НАУКИ О СТИХЕ И О ДОСТОИНСТВАХ ПОЭТА

Поэзия — это искусство, при помощи которого поэт располагает возбуждающие представления и соединяет действенные суждения таким образом, что малое обращает в великое, а великое — в малое. И красивое облачает в безобразные одежды, а безобразное заставляет сиять в красивом обличье. И внушением силы гнева и чувственности так подстрекает, что благодаря этому внушению темпераменты [людей] повергаются то в экстаз, то в депрессию, и это становится причиной важных дел в устройстве мира.

Вот как рассказывают.

РАССКАЗ [ПЕРВЫЙ]

У *Ахмада ибн 'Абдаллаха ал-Худжастанани спросили: «Ты ведь был простым погонщиком ослов, как же ты стал эмиром Хорасана?»

Он ответил: «В *Бадгисе, в *Худжастане, читал я однажды *диван *Ханзале Бадгисского и дошел до этих двух *бейтов:

* Если в пасти у льва твой слава и власть,
Не страшись их добыть, разорви ему пасть.
Обретешь ты иль почести, богу служа.

Или смерть, как оно подобает мужам. ||

43

В глубине души у меня пробудилось стремление никак не мириться с тем положением, в котором я [тогда] находился. Я продал ослов, купил коня и покинул родные места. И поступил на службу к 'Али ибн Лайсу,

брату * Якуба ибн Лайса и * 'Амра ибн Лайса. Сокол могущества * Саффарилов парил в это время в апогее седьмого неба. 'Али был самым младшим братом, и Якуб и 'Амр оказывали ему полное покровительство.

Когда Якуб прибыл из Хорасана в Газну, перейдя через горы, 'Али ибн Лайс вызвал меня из Рибат-и Сангина и послал в Хорасан управителем своих поместий. Я взял с собой с сотню всадников из его войска, и всадников двадцать было у меня своих. А из поместий 'Али ибн Лайса одно было * Карух близ * Герата, а другое — * Хиваф близ * Нишапура.

Когда я прибыл в Карух и предъявил * фирман, все, что ко мне поступило, я отдал войску и разделил среди солдат. Стало у меня уже триста всадников. Когда прибыл в Хиваф и предъявил фирман, знатные люди Хивафа не приняли его и сказали: „Нам нужен управитель с охраной [не более] десяти человек“.

Тогда я порешил выйти из повиновения Саффаридам. Разграбил Хиваф, продвинулся к деревне * Пушт и занял * Байхак. Собралась у меня уже тысяча всадников. Я выступил и взял Нишапур. И дело мое пошло вверх и преуспело до такой степени, что я подчинил себе весь Хорасан. И причиной всего этого были два бейта из стихотворения».

* Суллами в летописи своей замечает, что дела Ахмада ибн 'Абдаллаха достигли такой степени, что как-то в Нишапуре за одну ночь он раздарил триста тысяч * динаров, пятьсот коней и тысячу халатов. До сего дня он остается в истории одним из победоносных государей, и началом для этого послужили два стиха. У арабов || и персов много тому примеров, но мы ограничимся этим одним.

Итак, царю необходим хороший поэт, который бы увековечил имя царя и закрепил память о нем в * диванах и тетрадах. Ибо когда падишах подчинится тому приказу, который неизбежен, от войск, казны и сокровищ его не останется и следа, и только имя его благодаря творениям поэтов обретает вечность. * Шариф Муджаллади Гурганский говорит:

* Кто помнит сейчас * Сасанидов дела, * Саманидов дела?
Их славные рёды давно уж исчезли, сгорели дотла.
Живут только оды нетленные * Рудаки,
И песни * Барбада живут: лишь они велики.

Имена царей века и вождей времени увековечены в прекрасных строках и известных стихах таких поэтов:

Имена рода Саманидов [увековечили] * устэд * Абу 'Абдаллах Джа'фар ибн Мухаммад ар-Рудаки, * Абу 'Аббас ар-Рабианджани, Абу Мусал ал-Бухари, Абу Исхак Джуйбари, * Абу-л-Хасан Агаджи, Тахави, * Хаббази Нишапури и * Абу-л-Хасан ал-Киса'и.

Имена царей рода Насир ад-Дина увековечили * 'Унсури, * 'Асджади, * Фаррухи, Бахрами, * Зиннати, * Бузурджмихр Кайни, Музаффари, Маншури, * Минучихри, * Мас'уди, * Кассар-и Амми, * Абу Ханифе-йи Искаф, Рашиди, * Абу-л-Фарадж Руни, * Мас'уд-и Са'д-и Салман, * Мухаммад-и Насир, * Шах Абу Риджа, Ахмад-и Хилаф, * 'Усман Мухтари и * Мадждуд Сана'и.

Имена царей рода хакана увековечили Лу'лу'и, Кулаби, * Наджиби Фаргани, * 'Ам'ак Бухари, * Рашиди || Самарканди, Наджар Сагирджи, 'Али Баниси, Пи-сар-и Даргуш, 'Али Сипахри, * Джаухари, Сугди, Пи-сар-и Тише и * 'Али Шатранджи. 45

Имена рода * Буидов увековечили устэд * Мантики, * Кийа Газа'ири и * Бундар.

Имена рода * Сельджукидов увековечили * Фаррухи Гургани, * Лами'и Дихистани, Джа'фар Хамадани, Дарфируз Фахри, * Бурхани, Эмир * Му'иззи, * Абу-л-Ма'али Рази, * 'Амид Камали и * Шихаби.

Имена царей * Табаристана увековечили * Камари Гургани, Рафи'и Нишапури, Кифа'и Ганджави, Кусе Фали и Пур-и Калле.

Имена царей * Гура из * рода Шансаб — *да продолжит Аллах навечно их царство!* — увековечили Абу-л-Касим Рафи'и, Абу Бакр Джаухари, нижайший раб Низами 'Арузи и 'Али Суфи.

* Диваны этих поэтов вещают о совершенстве и кра-

соте, оснащенной и вооруженности, справедливости и щедрости, благородстве и просвещенности, здравомыслии и рассудительности, действенности и влиянии этих усопших падишахов и этих правителей прошлого — да осветит Аллах их могилы и да сделает просторными места их упокоения! Сколь много знаменитых правителей, что владели всем великолепием царей и этим искусным поэтам подносили ценные дары, а ныне от них не осталось и следа и из слуг и приближенных их нет ни одного в живых! Сколь много прекрасных дворцов и пленительных садов, которые [для них когда-то] воз-
46 водили и украшали, а ныне они || сровнялись с землей и не отыщешь их среди долин и пустынь!

* Много башен высоких * Махмуд построил.

До луны возносились они порою.

Кирпичи их разыщешь теперь едва ли,

А стихи * Унсурн стоят, как стояли

[Когда] государь мира султан * 'Ала-ад-Дунья ва-Дин 'Али ал-Хусайн ибн ал-Хусайн, избранник повелителя правоверных, — да будет жизнь его долгой и * чатр власти его победоносен! — прибыл в Газну, * дабы отомстить за тех двух царей, праведников и мучеников, султан Бахрам-шах бежал раньше. В горе по этим двум мученикам, которые вели себя [там] дерзко и пустословили, город Газну он повелел разграбить и строения * Махмуда, * Мас'уда и * Ибрахима сокрушил. А хвалебные оды, [что были сложены] для них, купил на золото и укрыл в сокровищнице.

Ни у кого не было смелости, чтобы в том войске или в том городе назвать их султанами, а падишах сам читал то, что написал Абу-л-Касим * Фирдауси:

* Едва лишь младенец свой рот материнским смочил молоком
Лепечет он имя «Махмуд» непокорным еще языком.

Подобен Махмуд своим духом архангелу Гавриилу,
Весеннему облаку — дланью, а сердцем — широкому Нилу.
Владеет всем миром Махмуд и одною тропой
Приводит он волка с овцой на один водопой.

Все разумные люди знают, что от восхищения перед Махмудом ничего не осталось, — слава Фирдауси сохранилась и стихи его! И если бы султан Махмуд это знал, он не оставил бы этого благородного человека обездоленным и в таком отчаянии! ||

О КАЧЕСТВАХ ПОЭТА И ЕГО СТИХОВ 47

Поэт должен быть чист духом, великодушен, прямодушен и пронизателен. Он должен быть разнообразно осведомлен во всякого рода науках и всесторонне знаком с разного рода обычаями, ибо как стих в каждой науке может быть полезен, так и каждая наука может найти в стихе применение.

И поэту подобает в собрании беседующих быть красноречивым, а в дружеском кругу — приятным. И стихи его должны достигнуть такой степени, чтобы запечатлелись на страницах времени и не сходили с уст у знатных господ, чтобы в тетрадах их писали и в столицах бы читали. Ибо наиболее совершенный жребий и самое превосходное назначение стиха — это увековечивание имени, а пока стихи не станут читать и переписывать, эта цель не осуществится.

И покуда стих не достигнет этой степени, он не обладает силой воздействия и умирает ранее своего автора. А ежели [автор] и в собственном увековечивании бессилен, то в увековечивании имени другого какой может быть от него прок?

Но поэт никогда не достигнет этой степени, если в ранней юности и в дни молодости не заучит наизусть двадцать тысяч стихов предшественников и не прочтет десять тысяч строк из произведений современников, если он не будет постоянно читать диваны великих мастеров и постигать, каким образом они превзошли и разрешили все трудности и тонкости слова, с тем чтобы все виды и возможности поэзии запечатлелись в его естестве, а недостатки и достоинства стиха обрисовались на страницах его разума, дабы слово его устремилось

к возвышению и талант приобрел склонность к совершенствованию.

48 Тот, у кого || талант в сложении стихов окреп и стихи его стали гладкими, должен обратиться к науке о стихе, и изучить просодию, и не отступать от сочинений * устада * Абу-л-Хасана ас-Сарахси ал-Бахрами, таких, как: «Предел двух просодий», «Клад рифм», «Чистоган образов», «Чистоган фразеологии», и «Плагиа-ты», и «Биографии».

И все эти науки разного рода должен он постигать с помощью какого-нибудь сведущего мастера, до тех пор пока сам не заслужит звания мастера и имя его не появится на страницах времени, подобно именам других мастеров, коих мы упомянули. Дабы за все то, что он получит от восхваляемого властелина, он смог бы отплатить ему увековечиванием имени. А падишаху подобает заботиться о таком поэте и печься о нем, пока тот не проявит себя у него на службе и восхвалениями своими не прославит его имя.

А ежели поэт мало преуспеет в достижении этой степени, то не следует тратить на него деньги и стихам его уделять внимание, в особенности если он стар. Я в этом разобрался досконально: в целом свете я не нашел ничего хуже старого поэта. И нет денег, потраченных более напрасно, чем те, которые дают ему. Низкий человек, который и в пятьдесят лет не постиг того, о чем я говорю, ни на что не годен: когда же постигнет?

Что касается молодого человека, обладающего истинным талантом, то, ежели стихи его нехороши, остается надежда, что станут хорошими. И в соответствии с законом благородства попечение о нем обязательно, заботы о нем необходимы и богоугодны.

А в служении падишаху нет ничего лучшего, чем составление экспромтов, так как стихом, сказанным к случаю, увеселяется дух падишаха и оживляются соборания, а поэт достигает желаемого.

И того счастья, какое увидел * Рудаки в [царствование] рода * Саманидов благодаря своему умению составлять экспромты и быстро импровизировать стихами, не довелось видеть никому другому. ||

РАЗДЕЛ [ВТОРОЙ] 49

Рассказывают, что * Наср ибн Ахмад был лучшей жемчужиной в ожерелье рода * Саманидов. Дни его власти были апогеем благоденствия этого рода, когда все потребное для величия и силы наличествовало в крайней степени изобилия: сокровищницы полны, войско боеспособно, рабы послушны. Зиму проводил он в столице Бухаре, а на лето переезжал в Самарканд или один из городов Хорасана. И вот, в какой-то из годов настала очередь Герата. Сезон весны он провел в * Бадгисе, а Бадгис — прекраснейшее пастбище среди пастбищ Хорасана и Ирака. Там около тысячи полноводных речек с травой, каждой из которых хватило бы на целое войско.

Когда верховые животные, вволю за весну отъевшись, вошли в тело и стали пригодными для битвы и ристалища, Наср ибн Ахмад направился в * Герат. Он остановился у ворот города в местности Марг-и Саид и разбил там лагерь. Время стояло весеннее. Дул прохладный ветер, и как раз поспели фрукты * Малина и * Каруха, подобных которым не достанешь в других местах, а если и достанешь, то не по такой дешевке.

Войско встало на отдых. Климат там был прекрасный, прохладный ветерок, изобильный хлеб, избыток фруктов и напоенный ароматом воздух, так что весну и лето войны полностью насладились жизнью. А когда наступил * михраган, и подспело молодое вино, и расцвели королевский базилик, мята и ромашка, они по справедливости вкусили от блаженной поры молодости и отдали дань || весне жизни.

Осень настала поздно, холода все не вступали в силу. Виноград достиг поразительной сладости. А в окрестностях Герата можно насчитать сто двадцать сортов винограда, один другого слаще и приятнее. И среди них есть два сорта, которые нельзя найти во всей * Обитаемой четверти земного круга: первый — это парний-ан, а другой — к а л и н д ж а р и: тонкокожий, с мелкой косточкой, сочный, так что в нем, казалось бы, нет и частицы земной природы. Бывает, что у калинджари

51 одна гроздь весит пять * манов и каждая || ягода — драхму. Черный он, как смола, и сладкий, как сахар. И его благодаря сочности можно съесть много. И разные сорта других фруктов там самые наилучшие.

Когда эмир Наср ибн Ахмад увидел такую осень с ее фруктами, она крайне пришлась ему по душе. Тут начали распускаться нарциссы. В Малине обработали кишмиш и коринку, развесили виноград на веревках и наполнили все амбары.

Эмир со своим войском передвинулся в те два поселения, что носят название Гуре и Дарвазе. Там они увидели дома, из которых любой был подобен высокому раю, и возле каждого дома — сад и * бустан с подветренной стороны. Здесь они остановились на зиму. Из * Сиджистана стали поступать мандарины, а из * Мазандарана — апельсины, так что зиму они прожили в совершенном благоденствии.

Наступила весна. Лошадей отправили в Бадгис, а лагерь разбили в Малине, посреди двух речек. И когда снова пришло лето, эмир Наср ибн Ахмад сказал: «Куда нам ехать летом? Ведь лучше этого места и быть не может! Поедем осенью». А когда пришла осень, сказал: «Осень проведем в Герате || и поедем». И так сезон за сезоном он все откладывал, пока не прошло четыре года, ибо то было лучшее время благоденствия Саманидов, мир процветал, государь не знал врагов, войско было покорным, а судьба — благосклонной. При всем этом люди истомились и подступила к сердцу тоска по родине. В падишахе они не видели желанья трогаться с места: в голове его — только климат Герата и в сердце — любовь к Герату. В разговоре он сравнивал Герат с раем и превозносил его больше, чем китайских кумиров. Они знали, что у него в мыслях и эту весну провести здесь.

52 Тогда начальники войска и вельможи государства пришли к * устату Абу 'Абдаллаху * Рудаки. А для падишаха среди его приближенных не было никого влиятельнее и приятнее для беседы. Сказали: «Мы дадим тебе пять тысяч * динаров, если ты придумаешь средство, чтобы падишах сдвинулся с этой земли. Пото-

му что сердца наши наполнила тоска по детям, и души наши готовы покинуть тело от страстного желания увидеть Бухару».

Рудаки согласился, ибо он постиг биение пульса эмира и изучил его темперамент; поэтому знал, что прозой на него не повлияет, и обратился к поэзии. Он сочинил * касыду и утром, когда эмир опохмелялся, вошел к нему и сел на свое место. И когда музыканты умолкли, он взял * чанг и в ладу * ушшак запел эту * касыду:

* Мулийаном вдруг пахнуло на меня.
Верный друг, далекий друг зовет меня.

Потом берет ниже и поет: ||

Шелком стелется сухой песок * Аму,
Под копытом осмываясь и звеня.
Волны пенные * Джейхува рады нам,
Волны крупы лизжут взмыленным коням.
Мир тебе, навеки мир, о Бухара!
Князь торопится к тебе, коня гоня.
Бухара небесный свод, а месяц — князь.
Он восходит, красотой нас маня.
Бухара — цветущий сад, князь — кипарис.
Кипарис вернется в сад к исходу дня.

Когда Рудаки дошел до этого бейта, эмир почувствовал такое волнение, что поднялся с трона, как был без сапог, вложил ноги в стремяна скакуна, приготовленного у ворот, и помчался в Бухару. Так что шальвары и сапоги почти два * фарсанга везли за эмиром следом, до Буруна, и только там он надел их на ноги и ни разу не натянул поводьев до самой Бухары.

А Рудаки эти пять тысяч динаров получил от войска в двойном размере.

И слышал я в Самарканде в году пятьсот четвертом [1110/11] от * дехкана Абу Риджа Ахмада ибн 'Абд-ас-Самада ал-'Абиди, который сказал: «Дед мой Абу Риджа рассказывал, что, когда Рудаки в этот раз был в Самарканд, || четыреста верблюдов шли под его вьюком». Понистине тот великий был достоин подобного

великолепия, потому что до сих пор * никто не сумел сочинить «ответа» на эту касыду и не было таланта, который с такой легкостью мог бы обойти все возникающие здесь трудности. А одним из красноречивцев и пленительных талантов * 'Аджама был эмир поэтов * Му'иззи, стихи которого достигли предела красоты, и сочности, и крайности в плавности и сладости.

* Зайн ал-Мулк Абу Са'д Хинду ибн Мухаммад ибн Хинду ал-Исфахани предложил ему: «Сложи на эту касыду „ответ“». Му'иззи сказал: «Не могу». Тот настаивал. И Му'иззи сложил несколько бейтов, и один из этих бейтов такой:

Рустам из Мазандарана едет,
Зайн Мулик же из Исфахана едет.

Все понимающие люди видят, какая разница между теми и другими стихами. Да и кто еще может сказать с таким красноречием, как Рудаки говорит в этой касыде, в той части, что отведена восхвалению:

* Воспевать тогда лишь прибыльно владык.
Коль убыток для казны будет велик.

Красоту этого бейта составляют семь искусных приемов: первый м у т а б и к — уподобление, второй — м у т а з а д — противопоставление, третий — м у р а д д а ф — введение рефрена, четвертый — б а й а н-и м у с а в а т — изъяснение общности, пятый — а з у б а т — лаконичность, шестой — ф а с а х а т — красноречие, седьмой — д ж а з а л а т — законченность.

И каждый мастер, сведущий в искусстве стихосложения, когда немного поразмыслит, убедится, что я в этом прав. * *Вассалам!* ||.

Известна и знаменита любовь, которую питал султан * Ямин ад-Даула Махмуд к турчонку * Айазу. Рассказывают, что тот даже не отличался большой красотой, но был смугл и миловиден лицом, соразмерен в членах.

изящен в движениях, умен и кроток. И одарен любовью к твари божией — в этом он был просто одним из чудес своего времени. А это такие качества, которые возбуждают любовь и укрепляют дружеское расположение.

Султан Ямин ад-Даула был человеком благочестивым и набожным и с любовью к Айазу долго боролся, дабы не уклониться в сторону с пути божеского закона и прямой стези добродетели.

Однажды вечером в увеселительном собрании, когда вино уже оказало на султана свое действие и пробудилась страсть, он остановил свой взгнок на Айаза. Что он увидел? Амбру, падающую завитками над челом луны, гиацинты, вьющиеся кольцами вокруг лика солнца. Завиток за завитком, как кольчуга, кольцо за кольцом, словно цепь: в каждом завитке — тысяча [пленных] сердец, в каждом кольце — сто тысяч душ.

Любовь вырвала поводья самообладания из рук терпения султана и обняла его точно любовник. * Мухтасиб [священных слов]: «*Мы уверовали и тверды в этом*» — поднял голову из воротника * шарната, предстал перед султаном Ямин ад-Даула и сказал: «Эй, Махмуд! Не смешивай любовь с распутством, а правду — с ложью! Ибо из-за этого греха восстанет против тебя [вся] страна любви. И, подобно праотцу своему, выпадешь ты из рая любви и пребудешь навеки в скорбях мира || порока».

56

Ухо его счастья было наделено совершенным слухом. Он внял этим речам. И, устранившись, что войско его терпения не устоит перед армией локонов Айаза, взял нож и протянул его Айазу [со словами]: «На, возьми и обрежь свои кудри!» Айаз поклонился, принял нож из его рук и спросил: «Сколько резать?» [Махмуд] сказал: «Пополам». Айаз собрал кудри, сложил пополам и исполнил приказание. И два локона положил перед Махмудом. Говорят, что эта кротость еще усилила любовь. Махмуд велел подать золота и драгоценных камней и одарил Айаза больше, чем это было положено обычаем и порядком. И в крайней степени о пьянения ушел спать.

Когда утренний ветерок коснулся его лица, он взошел после сна на шахский трон и вспомнил [все], что было сделано [накануне]. Он позвал Айаза и увидел его

обрезанные кудри. И войско раскаяния вторглось в его сердце. Похмелье дурного настроения овладело его разумом, он не находил себе места, и ни у кого из приближенных и дворцовых сановников не было смелости, чтобы спросить, что тому причиной. В конце концов * хаджиб * 'Али Кариб, который был его главным хаджибом, обратился к * 'Унсури и сказал: «Ступай к султану, покажись ему и изыщи какой-нибудь способ вернуть султану хорошее расположение духа».

'Унсури дрифтал в исполнение приказ главного хаджиба, явил^{ся} султану и склонился в приветствии.

57 Султан Ямин ад-Даула поднял голову || и сказал: «Эй, 'Унсури! Мы как раз сейчас о тебе вспоминали. Взгляни-ка, что у нас произошло. Скажи что-нибудь соответствующее обстоятельствам».

'Унсури поклонился и экспромтом прочитал:

* Кудри кумира ведь могут быть чуть покороче.
Кроме длины у них много достоинств и прочих.
Развеселяйтесь же, пейте вино золотистое!
Тем кипарис и красив, что стригут его истоиво.

Султану Ямин ад-Даула это четверостишие крайне понравилось. Он приказал, чтобы принесли драгоценных камней и трижды наполнил ими рот 'Унсури, и позвал музыкантов. И весь тот день до самой ночи пили вино [под пение] этих стихов. Все огорчения его рассеялись и сменились совершенным довольством благодаря одному четверостишию. *Вассалам!*

Следует знать, что сочинение экспромтов — это краеугольный камень поэтического искусства. Святая обязанность поэта — довести упражнениями свой талант до такой степени, чтобы творить экспромтом, ибо серебро из казны извлекается именно через посредство экспромтов. Только экспромт приводит падишаха в настроение, и все это нужно ради угождения сердцу господина и настроению восхваляемого.

Все, что когда-либо доставалось в руки поэтов из великих даров, они заслужили именно экспромтом и импровизацией. ||

РАССКАЗ [ЧЕТВЕРТЫЙ] 58

* Фаррухи [происходил] из * Систана, и был он сыном Джулуга, * гулама, [принадлежащего] эмиру * Халафу ибн Бану. Поэтическим талантом он был одарен в высшей степени, сочинял прекрасные стихи и играл на * чанге. А служил одному из систанских * дехкан. И этот дехкан платил ему каждый год двести мер по пять * манов зерна и сто * дирхемов серебра, [отчеканенного] при * Нухе. Ему этого хватало.

Но вот он женился на одной из служанок Халафа, и расходы его возросли, и прибавилось у него посуды и корзин. Фаррухи оскудел. А в Систане не было других господ, кроме его эмиров.

Фаррухи подал дехкану прошение: «Расходы мои увеличились. Не может ли господин — если будет на того соизволение — повесить выдачу мне зерна до трехсот мер, а серебра до ста пятидесяти дирхемов? Это, быть может, уравновесит мои расходы».

Дехкан написал на обороте прошения: «В прежнем количестве тебе не отказывается, а для большего возможности нет».

Фаррухи, когда это услышал, пришел в отчаяние. И у всех, кто заходил в те места, осведомлялся, не слышали ли они в других странах и частях света о каком-нибудь * мамдухе, к которому можно было бы направиться. Наконец ему сообщили об эмире * Абу Музаффар Чагани в * Чаганийане, который покровительствует [людям] такого рода и одаривает их [за стихи] ценными подарками и наградами. И равного ему в этом отношении нет сегодня среди царей века и эмиров времени.

Фаррухи собрался в ту сторону и сочинил * касыду:

* Из Систана ушел я с караваном одежды, спеша.

Сердце — пряжа одежды, ткань же ее — душа. ||

59

Поистине это прекрасная касыда, в которой он до крайности красиво воспел поэзию, да и сам * мадх бесподобен.

Затем собрал дорожные припасы и отправился в Чаганийан. Когда он прибыл к Чаганийанскому двору, стояла пора весны и эмир находился на месте клеймения. А я слышал, что у него было восемнадцать тысяч кобылиц и у каждой за хвостом жеребенок. И всякий год, по обыкновению, он отправлялся и изволил клеймить жеребят. А * 'амид Асад, который был * кедхудой у эмира, оставался в ставке и готовил провиант, чтобы потом доставлять его эмиру.

Фаррухи пришел к нему и прочел ему касыду и доложил стихи, которые сочинил для эмира. Ходжа Асад был человеком образованным и любил поэтов. Видит: стихи Фаррухи свежи и сладостны, красивы и искусны, а сам Фаррухи — нескладный * сигзиец, в халате, рваном спереди и сзади, с огромной сигзийской чалмой на голове, грязными ногами и башмаками, — а * стихи словно с седьмого неба! Он не поверил, что подобные стихи мог написать такой сигзиец. Чтобы его испытать, он сказал: «Эмир сейчас на месте клеймения. Я к нему поеду и тебя возьму с собою. Место клеймения — это зрелище необыкновенное по своему великолепию. Ты увидишь [там] особый мир в целом мире зелени со множеством павильонов и светильников, напоминающих собою звезды. И сидят там в доброй компании люди, и пьют вино, и веселятся. А у входа во дворец эмира разожжен огонь [высотой] в несколько гор, и там клеймят жеребят. И падишах, с вином в одной руке и с арканом в другой, пьет вино и дарит коней. Сложи касыду соответственно этим обстоятельствам и опиши в ней клеймение. И тогда я тебя представлю эмиру».

Фаррухи в тот вечер ушел и сочинил касыду, необыкновенно красивую, и на заре принес ходжа * 'амиду Асаду. И вот эта касыда:

* Той порой, когда лужайки спрячут лица в шелк зеленый

И ларча цветная скроет гор взломанные склоны,

Выступает пряный мускус у газелей торопливых

И, как перья полугаи, распускают листья ивы.

На заре весенний запах нам принес в ладонях ветер.

Как он сладок, этот запах! Как нежны ладони эти!

Ты сказал бы: третий мускус в рукаве припрятал ветер,
Ты сказал бы: пестрых кукол там, в саду, забыли дети.
Как жемчужины, росинки, — их так много утром рано.
Бадахшанские рубины рдеют в серьгах * артавана.

Ветки розы держат чаши — все с вином густым и алым.
Как рука у человека, лист чинары лятипалый. ||

И везде рассыпан жемчуг, всюду жемчуг, жемчуг, жемчуг!
И в воде — оживший жемчуг, и на небе — тоже жемчуг!

И как будто бы халаты разноцветные надели

Все деревья, будто праздник и они не проглядели.

То же место, где свершится торжество сегодня это,

Удивительнее сказки, многоцветнее рассвета,

Небо синее над нами, луг зеленый перед нами.

Как серебряные замки, на лугу шатры рядами.

А в шатрах идет веселье, каждый пьет за счастье друга,

Чтобы не было несчастий, огорчений и недуга.

На лужайке звуки * чангов — музыканты так искусны.

Виночерпии усердны — и нигде не видно грустных.

У влюбленных — поцелуй, ласки, нежности, упреки,

У веселых — смех и песни, а у пьяных — сон глубокий.

У шатра, где государю на ковре лежать удобно,

Развели огонь великий, солнцу яркому подобный.

Взвился он, как будто знамя, золотого шелка знамя, —

Словно юноша горячий, непокорю это пламя.

Тут же клейма, будто ветви густо-красного коралла,

Будто зерна у гранатов, хоть пора их не настала.

Скачут юноши рядами — все отважны и красивы,

Подгоняют к государю табуны коней пугливых.

Шах верхом уже, он в море; спины конские, как волны, —

Он плывет по ним с арканом, наслаждением ловли полный.

А аркан его послушный многолетней дружбы крепче,

Вьется он, как вьются кудри, мягко падая на плечи.

В окруженьи приближенных шах великий и могучий —

Как он радостен сегодня! Сколько солнца! Скрылись тучи!

И, поймав коня арканом, нрав его смиряя гордый,

Ставит он клеймо умело на лопатку, круп и морду.

Он клеймит коней без счета, он и дарит их при этом:

Всем пришельцам — с недоуздом и с уздечкой

— всем поэтам...

Когда ходжа 'амид Асад услышал эту касыду, он застыл в изумлении, ибо [ничего] подобного ей еще не доходило до его ушей. Он оставил все дела, усадил Фаррухи на коня и направился к эмиру. На закате он прибыл к эмиру и сказал: «О господин! Я привез к тебе такого поэта, равного которому никто не видел с тех пор, как * Дакики закрыл лицо свое покрывалом земли».

И рассказал все, что произошло. Тогда эмир пожаловал Фаррухи аудиенцию. Тот вошел и поклонился. Эмир протянул ему руку (для поцелуя) и указал хорошее почетное место, расспросил, и обласкал, и обнадежил своей благосклонностью. И когда чаша с вином обошла [собравшихся] несколько раз, Фаррухи встал с места и голосом грустным и приятным прочел эту касыду:

Из Систана ушел я с караваном одежды, спеша...

Когда он кончил, эмир — а он был знатоком поэзии и сам писал стихи — много дивился этой касыде. 'Амид Асад сказал: «О господин! Подожди, то ли еще увидишь!»

64 Затем Фаррухи || умолк и не сказал ни слова до полного опьянения эмира. Тогда он поднялся и прочел касыду о месте клеймения. Эмир изумился. Затем в том же изумлении обратил лицо к Фаррухи и сказал: «Сюда привели тысячу голов жеребят, все с белыми мордами и белыми ногами, * хатланской породы. Вот тебе полная воля! Ты — сигзиец и человек [бывалый]: сколько сможешь захватить, бери! Будет твое!»

А вино [к этому времени] уже полностью овладело Фаррухи и оказало на него свое действие. Он выскочил, сорвал с головы чалму, бросился в середину косяка и погнал перед собою в степь целый табунок. Он забегал то слева, то справа — со всех сторон, но не смог поймать ни одного жеребенка.

В конце концов в стороне, на краю лагеря, показался какой-то разрушенный * рибат и жеребята вошли в этот рибат. Фаррухи был в полном изнеможении, в сенях

рибата он подложил под голову чалму и тотчас же заснул от крайнего опьянения и усталости.

Пересчитали жеребят, их оказалось сорок два; но-шли и доложили обо всем эмиру. Эмир очень смеялся и удивлялся и говорил: «Это удачливый человек! Дело его пойдет вверх. Посторожите его и жеребят и, когда он || проснется, разбудите и меня». Приказу падишаха повиновались.

65

На другой день, с восходом солнца, Фаррухи под-нялся. А сам эмир уже встал и совершил * намаз. Он дал Фаррухи аудиенцию и обласкал его. Тех жеребят вручили его людям, а Фаррухи он пожаловал коня с царским убранством, и две палатки, и три мула, и и пять невольников, и одежды, и ковры. И дело Фарру-хи на службе у него пошло вверх и достигло предельно-го великолепия.

Затем он поступил на службу к султану * Ямин ад-Даула Махмуду. И султан Махмуд, увидев его в таком великолепии, обходился с ним соответственным обра-зом. И он до того преуспел в своих делах, что за ним выезжали верхами двадцать * гуламов с серебряными поясами. * *Вассалам!*

РАССКАЗ [ПЯТЫЙ]

В году пятьсот десятом {1116/17} * падишах ислама * Санджар ибн Малик-шах — *да продлит Аллах его жизнь и возвышение его в сторону достоинства да сде-лает постоянным!* — проводил весну: с войском в степи Турук, на границе с * Тусом, и прожил там два месяца. А я, уйдя из Герата в поисках пропитания, примкнул к той ставке, и не было при мне никаких запасов и подобающей одежды. Я сложил касыду, пошел к эмиру поэтов * Му'иззи и показал ему. Он посмотрел мои стихи, испытал меня разными способами — я пришелся ему по душе. Он проявил ко мне великодушные и ми-лость.

Однажды в его присутствии я сетовал на судьбу, притязая на большее, чем имел. Он утешил меня и ска-зал: «Ты [немало] потрудился в этом искусстве и пол-

ностью овладел им; это непременно принесет свои плоды. И со мной было так же. Хорошее стихотворение никогда не пропадало зря. Ты в этом искусстве умудрен, [стих твой] чрезвычайно плавен и красив и совершен-
 66 ствуется все более и более. || Подожди! Придет время, и ты еще увидишь от своего искусства [всевозможные] блага! И если вначале судьба обходится с тобой сурово, потом она обратится навстречу твоим желаниям. Отец мой, эмир поэтов * Бурхани, — *да помилует его Аллах!* — в начале царствования * Малик-шаха в городе Казвине переселился из мира тленного в мир вечный, препоручив меня султану Малик-шаху в такой строке своего весьма известного стихотворения:

* Я ушел навсегда, мое честное имя носить будет сын.

Поручаю тебе его, господи, и тебе, мой земной господин.

После этого жалованье и довольствие отца перевели на меня и я стал поэтом Малик-шаха. [Но вот] я провел на службе у падишаха целый год и за все это время видел его только один раз издали, а из жалованья и довольствия не получил ни одного * мана и ни одного * динара. Расходы мои возросли, и уже долг лег на мои плечи, и голова у меня шла кругом...

Великий ходжа * Низам ал-Мулк — *да помилует его Аллах!* — не придавал большого значения поэзии, ибо не имел склонности к стихам и не общался ни с кем из * имамов и * суфиев.

Однажды, а было это в канун * рамазана, не оказалось у меня и одного * данга из того, что потребно израсходовать к празднику рамазана.

В удрученном состоянии пришел я к 'Ала ад-Даула эмиру 'Али Фарамурзу, принцу крови, большому любителю поэзии, который был избранным * надимом султана и его зятем. Он пользовался всеми почестями, позволял себе многое и занимал в этом государстве высокое положение. А мне он оказывал покровительство.

Я сказал: «Да будет жизнь господина долгой! Не
 67 всякое дело, которое делал отец, может делать сын. || И не все [из того], что подходило отцу, подходит сыну.

Отец мой был человеком ловким и сильным и был сыт от этого искусства. И господин мира султан * Алларслан жаловал его своим вниманием. То, что получалось у него, не получается у меня. Мне мешает робость, да к тому же еще и чувствительность природы. Я прослужил год, нажил тысячу динаров долга и не получил ни одного * данга. Испросите разрешения, чтобы мне, рабу, вернуться, в Нишапур, уплатить долги и, удовольствовавшись тем, что останется, молиться за победоносную державу».

Эмир 'Али сказал: «Слова твои справедливы. Мы все допустили ошибку. Больше этого не сделаем. Султан выйдет к вечернему * намазу встречать месяц — тебе следует быть где-нибудь поблизости. Может быть, судьба что-нибудь и пошлет».

Тут же он пожаловал мне сто динаров, чтобы я смог купить то, что нужно к рамазану. Запечатанный мешочек с сотней нишапурских динаров тотчас принесли и положили передо мной. Я возвратился в величайшей радости и справил все издержки по рамазану. И к полуденному намазу я уже был у дверей царского шатра. Случайно в то же время прибыл и 'Ала ад-Даула. Я поклонился. Он сказал: «Прекрасно сделал и явился вовремя». Затем спешился и вошел к султану.

На заходе солнца султан вышел из шатра с курухским луком в руках, и справа от него [был] 'Ала ад-Даула. Я подбежал и поклонился. Эмир 'Али выказал ко мне благорасположение, и все стали глядеть на небо, ожидая появления месяца. И первым, кто увидел месяц, оказался султан. || Он был крайне доволен. 'Ала ад-Даула сказал мне: «Сын Бурхани! Скажи что-нибудь об этой молодой луне!» И я тут же сказал эти два бейта:

* О месяц, я знаю, ты брови друга, изогнутые дугой!
Нет, нет! Я ошибся. Ты лук моего государя тугой!
Подковой из чистого золота всегда тебя величали.
Серьбою в ухе у неба качаешься ты ночами.

Когда я кончил, эмир 'Али стал горячо меня восхвалять. Султан сказал: «Ступай возьми из конюшни лю-

бого коня!» А мы в это время находились возле конюшни. Эмир 'Али назвал такого-то коня, его привели и людям моим отдали. Стоил конь триста нишапурских динаров.

Султан взошел на молитвенный коврик, а я встал тут же, в услужении. Справили вечерний намаз и пошли к столу. За столом эмир 'Али сказал: «Сын Бурхани! Ты еще ничего не сказал об этом почетном подарке, что пожаловал тебе владыка мира. Скажи-ка сейчас бейтага два». Я встал, поклонился и тут же сказал эти два бейта:

* Шах увидел, что мудростью мысли мои полны,
И вознес в похвалах меня лестных до самой луны,
На стихи же певучие щедростью царской ответил:
Подарил скакуна — он обгонит легко даже ветер.

Когда я произнес это четверостишие, 'Ала ад-Даула рассыпался в похвалах. И благодаря его похвалам султан пожаловал мне тысячу динаров. 'Ала ад-Даула сказал: «Он еще не получил жалованье свое и довольствие. Завтра я не отступлюсь от ходжи до тех пор, пока он не выдаст ему из казны жалованье и не выпишет его довольствие на * Исфахан». [Султан] сказал: «Может быть, ты сам это сделаешь, раз у других нет об этом заботы? И зовите его по моему * лакабу».

А лакаб султана был Му'из ад-Дун'а ва-д-Дин. Эмир 'Али обратился ко мне: «Ходжа Му'иззи!» Султан сказал: «Эмир Му'иззи».

69 И этот великий, сын великого, так все устроил, || что на другой день, к утреннему намазу, принесли мне тысячу динаров и тысячу двести динаров жалованья и еще выдали мне * берат на получение тысячи * манов зерна.

А когда месяц рамазан окончился, он пригласил меня в * маджлис, сделал * надимом султана и счастье мое пошло вверх. И впоследствии [эмир 'Али] постоянно обо мне заботился. Все, что у меня сегодня есть, — все это благодаря покровительству этого рожденного от падишаха. Бог, святой и всевышний, да осветит прах его сиянием своей милости во всепрощении своем и мудрости!»

РАССКАЗ [ШЕСТОЙ]

В роду Сельджукидов все были любителями поэзии, но не было никого, кто любил бы стихи больше, чем * Туган-шах ибн Алпарслан. Всякому другому обществу он предпочитал общество поэтов, и * надимами при нем были сплошь поэты, такие, как эмир Абу 'Абдаллах Кураши, * Абу Бакр Азраки, * Абу Мансур ибн Абу Юсуф, Шуджа'-и Насави, Ахмад Бадиhi, Хакики и Насими. Это те, что состояли на [постоянной] службе, а много было еще всяких приходящих и уходящих, и все им одарены и убоготорены.

Однажды эмир играл в * нарды с Ахмадом || Бади-70
 хи. И игра, со счетом в десять тысяч, уже подходила к концу. У эмира три шашки были в шестой клетке, а у Ахмада Бадиhi три шашки — в первой клетке. Очередь бросать кости была за эмиром. Он тщательно изготовился и бросил кости с расчетом выбить три шестерки. Выпало три единицы! Он крайне разгневался и вышел из себя — да ведь и было от чего! — и ярость овладела им до такой степени, что он то и дело хватался за меч. Надимы дрожали, словно листья на дереве, — ведь то был царь, да юнец, да проигравший на таком ходу!

Абу Бакр Азраки встал с места, подошел к музыкантам и прочел эти два бейта: || 71

* Если шах пожелал три шестерки, а выпало три единицы,
 Не считай, что игральные кости посмели не подчиниться.
 Цифры те, что задумать изволил сейчас шахиншах,
 Перед шахом трепещут и ладают ниц, не дыша.

* Абу Мансур ибн Абу Юсуф в году пятьсот девятом [1115/16], когда я попал в * Герат, рассказал мне, что от этих двух бейтов эмир Туган-шах так развеселился и взыграл духом, что расцеловал Азраки в глаза, велел подать пятьсот * динаров золота и совал их ему в рот, пока не осталось ни одной монеты. И причиной этого ликования и милостей было одно-единственное четверостишие. Господь, пресвятой и всевышней, да осенит их обоим *милостью своей и великодушием!*

РАССКАЗ [СЕДЬМОЙ]

В месяцах четырехста семьдесят второго года [1079/80] один злодей донес султану *Ибрахиму, что сын его Сайф ад-Даула эмир Махмуд таит намерение перейти в Ирак, на службу к *Малик-шаху. Он подстрекал султана и так его настроил, что тот схватил внезапно [Сайф ад-Даула], заковал его и отослал в крепость. И *надимов его заковали и заключили в разные крепости. Одним из них был *Мас'уд-и Са'д-и Салман; его отправили в Ваджиристан, в Найскую цитадель.

Из Найской цитадели он послал султану такое четверостишие: ||

* Врага опасного, о шах, карай сурово:
Пусть ноги Малик-шаха трут оковы.
А тот, кто был рожден на свет Саадом,
Не повредит тебе, хоть станет он и ядом.

'Али Хас доставил султану это четверостишие. Но оно не произвело [на султана] никакого впечатления. А мудрые и беспристрастные люди знают, какой степени великолепия достигли тюремные элегии Мас'уда и как они были красноречивы!

Иной раз, когда я читаю что-нибудь из его стихов, волосы встают у меня на теле дыбом и слезы застилают мои глаза. Все эти стихи прочитали падишаху. Он выслушал, и ничто в них не тронуло [его сердце]. Так он и ушел из жизни, оставив в заточении этого благородного человека.

Срок заключения его по причине близости к Сайф ад-Даула продолжался двенадцать лет и [затем] еще восемь лет во время [царствования] султана *Мас'уда ибн Ибрахима по причине его дружбы с *Абу Насром Парси. И сколько блестящих *касыд — бесценных жемчужин [поэзии] — родилось за эти годы от его пылающего таланта! И не одна из них не была услышана!

Его выпустил спустя восемь лет *Сикат ал-Мулк Тахир 'Али Мишкан. В итоге вся жизнь сего благородного человека во время царствования тех [двух правителей]

прошла в заточении. И это налагает позор на ту великую династию. А я, ничтожный раб, не знаю, чем объяснить это обстоятельство: упрямством ли в отстаивании своего мнения, беспечностью ли характера, жестокосердием или подозрительностью? Как бы то ни было, это не похвально. И я не видел ни одного рассудительного человека, который одобрил бы эту династию за такую подозрительность и осторожность.

И слышал я от султана мира * Гийас ад-Дунйа ва-д-Дин Мухаммада ибн Малик-шаха, [как сказал он однажды] у ворот * Хамадана по поводу случая с Шихаб ад-Дином Кутулмишем 'Али Гази, зятем его по сестре, — *да освятит Аллах прах их обоих и да возвысит степень их в раю!* — {такие слова}: «Держать противника в заточении — проявление малодушия, ибо здесь всегда только одно из двух: || либо он безвинный, либо зловредный. Если безвинный, держать его в заключении — несправедливо, а если зловредный, то оставлять зловредного в живых — тоже несправедливо».

В конце концов для Мас'уда все это уже прошло, а позор {содеянного над ним} останется за тем родом до дня воскресения из мертвых!

РАССКАЗ (ВОСЬМОЙ)

Власть * Хаканидов во времена султана * Хизра ибн Ибрахима достигла такого великого расцвета, крепкой силы и могущества, какого до того не бывало. А он был падишахом мудрым и справедливым и устройтелем государства. * Мавераннахр и Туркестан ему повиновались, а со стороны Хорасана были ему полное спокойствие, родственные связи и дружба, прочный договор и союз. И из числа великолепий его державы одно было то, что, когда выезжал он верхом, впереди его коня несли семьсот золотых и серебряных палиц, не считая другого оружия. И он был величайшим любителем поэтов.

* Устад * Рашиди, Эмир * Ам'ак, * Наджиби Фаргани, Наджар Сагирджи, 'Али Банизи, Писар-и Даргуш, Писар-и Исфараини, 'Али Сипахри на службе у него получали ценные дары и снискали высокие почести. А

Эмир 'Ам'ак был эмиром поэтов. При этой династии он получил полную долю жизненных благ и обрел величайшую роскошь: тюркских гуламов и красивых невольниц, коней-иноходцев с золотым убранством, ценные одежды и бессчетное количество всякой собственности, одушевленной и неодушевленной. И на собраниях падишаха он был весьма почитаем. И другим поэтам волей-неволей приходилось ему прислуживать. По отношению к * устеду Рашиди он проявлял те же честолюбивые притязания, что и к прочим. Но это не удавалось. Рашиди || хотя и был молод, но опытен, и * восхваляемой его в том искусстве была Ситти Зайнаб. Весь гарем Хизр-хана был в ее власти, и она пользовалась близким доверием падишаха. Она хвалила Рашиди [царю] и твердила о его достоинствах, так что дело его пошло вверх: он получил титул «Сейида поэтов», и у падишаха появилось доверие к Рашиди, и он жаловал ему ценные подарки.

Однажды, в отсутствие Рашиди, падишах спросил у 'Ам'ака: «Как ты смотришь на стихи 'Абд ас-Сейида Рашиди?» Тот ответил: «Стихи у него безукоризненные и хорошо отделанные, но не мешало бы добавить в них немного соли».

Спустя некоторое время, когда Рашиди пришел, поклонился и хотел сесть, падишах его подозвал и с подстрекательством, как это в обычае у царей, сказал: «Я спросил у эмира поэтов: „Каковы стихи Рашиди?“ Он сказал: „Хороши, но без соли“. Следует тебе по этому случаю сказать бейта два».

Рашиди поклонился, пошел на свое место, сел и экспромтом прочитал этот отрывок:

* Ты говоришь, мои стихи без соли? —
 В твоих словах нет ни крупинки лжи.
 В моих стихах есть только мед и сахар,
 Ну кто же сахар с солью ест, — скажи?!
 Твои же вирши, сводник, словно репа,
 Их только с солью есть и надлежит.

Когда он это прочел, падишаху чрезвычайно понравилось. А в Мавераннахре существует такой обычай, что

в * маджлисе падишаха и в других собраниях кладут на блюда, как угощение, золото и серебро. И это называют * «деньги чет и нечет». И в маджлисе Хизр-хана насыпали обычно для раздавания четыре блюда || 75 красного золота. И в каждом — двести пятьдесят * динаров. И он пригоршнями это раздавал. В этот день [все] четыре блюда он пожаловал Рашиди. Ему были оказаны всевозможные почести, и он прославился. Ибо восхваляемый прославляется хорошим стихом поэта, а поэт прославляется богатым подарком падишаха, и оба эти явления взаимообусловлены.

РАССКАЗ (ДЕВЯТЫЙ)

Великий поэт Абу-л-Касим * Фирдауси был из * дехкан * Туса, из деревни, которую называют Баж, * Табаранской области. Это большая деревня, с нее набирают тысячу воинов. Фирдауси пользовался в этой деревне полным достатком и благодаря доходам со [своих] земельных участков не зависел ни от кого из подобных себе. А из детей у него была только одна дочь. Он сложил стихами «Шах-наме» — «Книгу о царях», и была у него надежда, что на подарок за эту книгу он справит приданое для дочери.

Двадцать пять лет он занимался этой книгой, прежде чем довел ее до конца. И поистине ничего не осталось несказанным, и молитву вознес он к высокому небу. И в чистоте стиха он достиг чистоты текущей воды. И есть ли у какого другого таланта подобная сила, || 76 чтобы поднять слово на такую высоту, как это сделал он в [том] послании, что * Зал пишет * Саму Нариману, где [сообщает] о своем желании вступить в союз с Рудабе, дочерью шаха Кабула:

* И было Саму, как и повелел он,
Письмо хвалебное написано умело.
Создатель упомянут был сначала —
Сам справедлив он, справедливости уча нас.
Создатель Сама да благословит!

И меч его, и палицу, и щит!
 На белом скакуне по полю боя
 Ведет отважных он бесстрашно за собою.
 Рассеивает вмиг он вражьи тучи,
 Стервятникам оставив трупов кучи,
 Добыв победу, презирая рок,
 Дав мужественным доблести урок.

Я нигде не вижу в персидской поэзии такого красно-речия, да и в большей части арабской поэзии тоже!

77 Когда || Фирдауси кончил «Шах-наме», переписчиком у него был 'Али Дайлам, * декламатором — Абу Дулаф, а покровителем — могущественный Хуйайи Кутайба, который был управителем Туса и благоволил к Фирдауси. Фирдауси упоминает имена всех трех:

* В этой книге есть доля труда Бу-Дулафа немалая
 И Дайлама 'Али — имсна их и раньше слышал я.
 Столько лестного мне говорили они, что уверен я —
 Чуть не лопнул мой желчный пузырь от похвал неумеренных.
 Благодороден Хуйайи Кутайба поистине кстати:
 Не пишу я ни строчки задаром — он щедро мне платит.
 78 Что такое * харадж, я давно позабыл, и весь день я
 Среди мягких подушек валяюсь в блаженном безделье.

Хуйайи Кутайба, правитель Туса, обходился с ним в высшей степени справедливо и снял с него все налоги, — посему имя его да останется до дня воскресения мертвых и пусть читают [о нем] цари!

Затем 'Али Дайлам переписал «Шах-наме» в восьми томах. Фирдауси захватил Абу Дулафа и направился к газнийскому двору и доложил о себе через великого ходжу * Ахмада-и Хасана Катиба, и поступило согласие на аудиенцию. Султан * Махмуд питал к ходже расположение, однако у великого ходжи были противники, которые постоянно бросали пыль смущения в чашу его величия. Махмуд с этими людьми держал совет: «Что нам следует дать Фирдауси?» Они сказали: «Пятьдесят тысяч * динаров. Да и того слишком много, ибо он ере-

тик-* рафизит и сторонник безбожного * му'тазилитского толка. И этот бейт свидетельствует о его неверии:

* Не утруждай глаза свои нектати —
Он никому не видим, наш Создатель.

А о ереси его свидетельствуют такие бейты, когда он говорит: ||

79

* Премудрый создал мир — одно сплошное море.
На море волны он большие поднял вскоре,
Семьсот судов построил тут же сам
И распустил на них все паруса.
Один корабль, как невеста, разнаряжен,
Как петушинный глаз, он радужен и важен.
На нем пророк и вместе с ним 'Али.
И домочадцы все пророка и 'Али.
Тебе ведь в рай попасть необходимо, —
Займи же место поскорее рядом с ними.
Коль будет плохо — я тому виною,
Путь этот мой, и ты в пути со мною.
Умру, как жил, с одною только верой —
У ног пророка прах я только серый.

А султан Махмуд был фанатик, эти [слова] навели на него сомнения, и он вял им. В итоге он послал Фирдауси двадцать тысяч * дирхемов.

Фирдауси до крайности огорчился. Он пошел в баню, || выпил там пива и все это серебро разделил между банщиком и продавцом пива.

Он хорошо знал жестокость Махмуда: ночью из * Газны ушел и остановился в * Герате, в лавке Исма'ила Варрака, отца * Азраки. И шесть месяцев в доме его скрывался; пока посланцы Махмуда не достигли Туса и не вернулись обратно.

Когда Фирдауси оказался в безопасности, он направился из Герата в Тус. Он захватил с собой «Шах-наме» и отправился в * Табаристан, к * испахбаду Шахрийару, который был падишахом Табаристана из рода Бавенд. Это великий род, связанный родством с * Яздигардом Шахрийаром.

Затем он написал на Махмуда сатиру, в предисловие [к своей книге], * бейтов в сто. Прочел ее Шахрийару и сказал: «Эту книгу, посвященную Махмуду, хочу я посвятить тебе, ибо вся эта книга — предания и дела твоих дедов».

Шахрийар его обласкал, утешил своими милостями и сказал: «О мастер! Махмуда так настроили, книгу твою подобающим образом не доложили и тебя опорочили. И помимо всего, ты ведь * шиит, а каждый, кто предан роду пророка, не преуспевает в мирских делах, как и они сами в этом || не преуспели. Махмуд — мой повелитель. Ты оставь «Шах-наме» посвященным ему. А сатиру на него дай мне, я ее уничтожу, а тебе за это что-нибудь дам. Махмуд сам еще позовет тебя и будет тебя ублажать, и труд твой в создании подобной книги не пройдет даром».

На другой день он прислал ему сто тысяч дирхемов и сказал: «Я купил каждый бейт за тысячу дирхемов. Отдай мне эти сто бейтов, и примири свое сердце с Махмудом». Фирдауси отослал [ему] эти бейты, и тот повелел их уничтожить. Фирдауси уничтожил черновик, и эта сатира исчезла, сохранились из нее всего только шесть бейтов:

* Горько услышать на старости лет про себя клевету:

Слишком-де любит халифа 'Али этот старый болтун.

Если бы мною об этой любви было что-нибудь сказано,

Сотни таких, как Махмуд, мне бы были обязаны.

Можно ли ждать от рожденного в рабстве иного приветствия,

Если отцу даже выпало счастье царем стать впоследствии.

Долго твердил я об этом, твердил без конца —

Морю корабль иногда не находит конца.

Если бы истинно добрым делам посвятил себя шах,

Не отпуская бы от трона меня он всю жизнь ни на шаг.

Но ведь к величию рода дела его не привели —

Мог ли терпеть он того, кто по праву велик!

Воистину большую услугу оказал Шахрийар Махмуду, и Махмуд был ему очень обязан.

В году пятьсот четырнадцатом [1120/21] слышал я в

Нишапуре от эмира * Му'иззи, как он говорил: «От эмира 'Абд ар-Раззака слышал я в Тусе, как он сказал: „Некоторое время Махмуд находился в Хиндустане и, || воз- 82
вращаясь оттуда, держал путь в Газну. Случайно на его пути оказался какой-то мятежник, засевший в сильной крепости. А у Махмуда на следующий день рассчитано было сделать привал у дверей его крепости.

Он послал к нему гонца: «Явись завтра с подношением и послужи на приеме. Получишь почетные одежды и вернешься».

На другой день Махмуд сидел на троне, а великому ходжа велел стоять по правую руку, когда посланец возвратился и предстал пред султаном. Султан спросил у ходжа: «Какой будет ответ?» Ходжа прочел этот бейт Фирдауси:

* Коль держок будет сей ответ, то говорю я всем заране:
„Отыщет палица моя * Афрасийаба на * майдане“.

Султан спросил: «Чей это стих, от которого умножается мужество?» Ходжа ответил: «Несчастливого Абу-л-Касима Фирдауси, который двадцать пять лет трудился, прежде чем закончил такую книгу, и не увидел никакой награды!» Махмуд сказал: «Ты хорошо сделал, что напомнил мне об этом, ибо я уже в этом покаялся. Сей благородный человек понес от меня обиду. Напомни мне в Газне, я ему что-нибудь пошлю».

Когда прибыли в Газну, ходжа напомнил Махмуду. Султан сказал: «Прикажи выделить для Абу-л-Касима Фирдауси на шестьдесят тысяч динаров * индиго — пусть отвезут на султанских верблюдах в Тус и попросят у него извинения».

Уже много лет ходжа стремился к этому делу и наконец || выполнил его превосходным образом. Отправил 83
верблюдов, и тот [груз] индиго благополучно прибыл в *Табаран. Верблюды вошли через ворота Рудбар, а [в это время] через ворота Разан выносили носилки с телом Фирдауси.

В Табаране в это время находился один ученый богослов. Он проявил фанатическое рвение и сказал: «Я

не позволю, чтобы его тело несли на мусульманское кладбище, потому что он был еретиком-**рафизитом*. И сколько люди ни спорили с этим богословом, тот не внял им. За воротами был сад, из земель, [принадлежащих] Фирдауси. В этом саду его и похоронили. Он и теперь там. И я в году пятьсот десятом [1116/17] ходил на поклонение этому праху.

Говорят, после Фирдауси осталась дочь, чрезвычайно достойная. Дары султана хотели вручить ей. Она не приняла и сказала: «Мне этого не нужно». Посланец написал [своему] господину, и султану доложили. Он дал повеление: «Пусть тот богослов покинет Табаран за неуместное вмешательство, которое он учинил, а имущество свое оставит. А те дары пусть передадут ходже **Абу Бакру Исхаку Каррами*, дабы он возобновил мечеть Рибат-и Чахе, что на пути из **Нишапура* в Мерв, возле **Туса*».

После того как это повеление дошло до Туса, приказ исполнили. А мечеть Рибат-и Чахе отстроена на те деньги”.

РАССКАЗ (ДЕСЯТЫЙ)

В то время, когда я, ничтожный раб, находился на службе у господина моего ** царя Джабала* — *да освятит 84 Аллах его могилу и да || возвысит его место в раю!* — и этот великий на меня, ничтожного, возлагал большие надежды и к воспитанию моему проявлял высокое благоволение, прибыл однажды к этому двору, в праздник Завершения поста, один из потомственных вельмож города Балха — *да охранит Аллах его процветание!* — эмир ** 'амид Сафи ад-Дин Абу Бакр Мухаммад ибн Хусайн Раваншахи*.

Это был юноша известный своей ученостью, хороший ** дабир* и превосходный ** мустауфи*, наделенный вежеством и всеми его плодами, угодный для всех сердец и восхваляемый всеми языками. А меня в ту пору не было при господине.

Во время приема падишах между прочим сказал: «Позовите Низами!» Эмир ** 'амид Сафи ад-Дин* спро-

сил: «[Разве] Низами здесь?» Ответили: «Да». А он подумал, что это Низами Мунири. Сказал: «Браво! Это хороший поэт и человек известный!»

Когда посыльный пришел за мной, я натянул на ноги сапоги и, войдя в * маджлис, поклонился и сел на свое место. И когда чаша с вином обошла [собравшихся] несколько раз, эмир 'амид сказал: «Низами не пришел». * Малик ал-Джабал возразил: «Пришел. Вот он сидит». Эмир 'амид сказал: «Я говорю не об этом Низами. Тот — другой Низами, а этого я не знаю».

Я тотчас же заметил, что падишах помрачнел. Он обратился ко мне лицом и спросил: «Так кроме тебя есть еще где-то Низами?» Я сказал: «Да, о господин! Есть еще два Низами: один — самаркандский и его называют Низами Мунири, и другой — нишапурский, его зовут Низами Асири. А меня, раба, зовут Низами 'Арузи». Он спросил: «И кто же лучше, ты или они?»

Эмир 'амид понял, что выразился || неудачно, и, 85 видя падишаха помрачневшим, сказал: «О господин! Оба те Низами смутьяны и легко своим смутьянством нарушают и портят собрание». Царь примирительно сказал: «Постой! Ты посмотри прежде на этого: вот он выпьет чаш пять вина и перевернет весь маджлис! Однако из этих трех Низами кто же лучший поэт?»

Эмир 'амид сказал: «Тех двоих я видел и хорошо знаю. А этого я никогда [раньше] не видел, и стихов его не слышал. Вот если он скажет * бейта два о том, что здесь произошло, я и о таланте его смогу судить и стихи его услышу. И скажу, кто из этих трех лучше».

Царь обратился ко мне лицом и сказал: «Смотри, о Низами! Не осрами нас. И когда будешь говорить, скажи так, как желает эмир 'амид».

У меня в ту пору, когда я служил падишаху, был бьющий через край талант и пламенный дух. А милости и дары падишаха так окрылили меня, что экспромты вошли у меня в обыкновение. Я взял перо и, прежде чем чаша с вином сделала два круга, сложил эти пять бейтов:

* В мире, о шах, — три Низами.

Трех Низами знает весь мир.

В * Варсаде у шахского трона — первый,
И двое — у трона султана в Мерве.

Те двое на славу имеют право,
Каждый из них — Хорасана слава.

Трогают душу стихи их сразу
И услаждают нередко разум.

Мои же стихи, как вино, о шах!
Покорны и разум ему, и душа! ||

86

Когда я эти бейты прочел, эмир 'амид Сафи ад-Дин поклонился и сказал: «О падишах! Оставь тех Низами! Из всех поэтов Мавераннахра, Хорасана и Ирака я никого не знаю с таким талантом, чтоб был способен экспромтом сложить подобные пять бейтов, особенно с такой глубиной замысла, совершенством и красотой, воплощенных в пленительных словах и наполненных девственными образами. Радуйся, Низами! Тебе нет равного на всем протяжении земли. О падишах! У него прекрасный талант, сильный дух и совершенное мастерство. А покровительство падишаха времени и милость его — *да возвысит Аллах то и другое!* — еще преумножат их. Он станет редкостью [своего времени] и преусеет еще больше, чем сейчас, ибо он молод и на подъеме».

Лицо падишаха, великого властелина, просияло, и радость проявилась в его великодушной натуре. Он меня похвалил и сказал: «Жалую тебе [доходы] со свинцовых рудников Варсада, [начиная] с этого праздника до * Праздника заклания баранов. Пошли туда доверенного».

Я так и сделал и послал Исхака-иудея. Лето было в разгаре — самое время работ, руды выплавляли много: в течение семидесяти дней двенадцать тысяч * манов свинца, из них пятая часть мне досталась. А вера падишаха в отношении меня, раба, преумножилась в тысячу раз.

Господь, святой и всевышний, да осветит почитаемый прах его свечою благоволения и да обрадует благородную душу его всеми благами *по милости своей и вели-*

О НАУКЕ О ЗВЕЗДАХ
И ПОЗНАНИЯХ АСТРОЛОГА
В ЭТОЙ НАУКЕ

бу Райхан Бируни в книге «Разъяснение искусства предсказания по звездам», в первой главе, говорит, что человек не заслуживает звания астролога, пока у него не будет в достатке познаний в четырех науках: первая — геометрия, вторая — счет, третья — космография, четвертая — предсказание по звездам.

А геометрия — это наука, которая познает положения линий, формы плоскостей и твердых тел, и те общие соотношения, которые существуют между количествами и тем, что обладает количеством, и те соотношения, которые существуют между последними и тем, что обладает положением и формой. Основы ее содержит книга Ивклида-Плотника, которую переработал * Сабит ибн Курре.

А счет — это наука, которая дает определение разного рода чисел и особенностей каждого рода их в собственной сущности. И соотношения между числами, и происхождение их — одного от другого, и действия с ними, как-то: деление надвое и удвоение, и умножение и деление, и сложение, и вычитание, и алгебра. Основы ее содержит книга «Арифметика», а развитие их — «Дополнения» * Абу Мансура Багдади или || «Сто глав» * Саджизи. 88

А космография — это [наука], которая дает определение частиц мира высокого и мира низкого, форм их; и положения, и соотношений среди них, и величин, и расстояний, которые между ними есть. И определение того движения, которое существует у звезд и небес, и

точность кругов и частей орбит, по которым это всеобщее движение осуществляется. И изложена эта наука в книге * «Алмагест». И наилучшие комментарии и наилучшие толкования к ней — это комментарии * Найризи и «Алмагест» в [книге] * «Исцеление». И ответвление этой науки — это наука об астрономических таблицах и календарях.

А наука предсказания — ответвление науки о природе, и суть ее — предугадание. И цель ее — на основании путей светил в сравнении одних с другими и соотношений градусов и знаков Зодиака предсказать возникновение тех событий, которые возникают в соответствии с их движением в круговращении мира, царств, стран, городов, животного, растительного и минерального царства, [в] перемещениях, взаимовлияниях, определениях благоприятного часа и прочее. И содержится все то, что мы перечислили, || в сочинениях * Абу Ма'шара Балхи, * Ахмада 'Абд ал-Джалила Саджизи, * Абу Райхана Бируни и * Гушйара Джили.

Подобает затем, чтобы астролог был человеком благочестивого духа и благочестивого нрава, и можно добавить, пожалуй, что одержимость и ясновидение — одно из условий этого дела и непрменных требований этого искусства.

И надлежит, чтобы у астролога, который будет давать предсказания, в гороскопе или в добром месте гороскопа стоял * «жребий сокровенного», или властелин дома «жребия сокровенного» был бы благоприятен и стоял бы на хорошем месте, дабы то, что он будет говорить по части предсказаний, было близко к истине.

Необходимым условием для астролога является то, чтобы он запомнил наизусть «Собрание основ» * Гушйара, постоянно изучал * «Великий опыт» и просматривал * «Канон Мас'уда» и * «Шахский свод», дабы познания и представления его пребывали в свежести. ||

РАССКАЗ [ПЕРВЫЙ] 90

*Якуб ибн Исхак Кинди был иудей. Однако он был философом своего времени и мудрецом эпохи и, служа *Ма'муну, обрел близость к нему.

Однажды он вошел к Ма'муну и занял место выше одного из *имамов ислама. Тот имам сказал: «Ты — иноверец, почему ты садишься выше имама ислама?» Якуб ответил: «Потому что все, что знаешь ты, знаю и я, но не все из того, что знаю я, знаешь ты».

Тот имам знал его как астролога, а о других [его] познаниях не ведал. Сказал: «Я сейчас напишу кое-что на листке бумаги. Если ты узнаешь, что я написал, я тебя признаю». Тогда они побились об заклад: со стороны имама — плащ, а со стороны Якуба ибн Исхака — мул со всем снаряжением; мул этот стоил тысячу динаров и стоял у дверей дворца.

После этого [имам] велел принести чернильницу и перо, написал что-то на листке бумаги, положил под ковер халифа и сказал: «Давай!»

Якуб ибн Исхак потребовал доску с землей, встал, определил высоту [солнца], установил положение звезд и начертил на земле гороскоп. Потом отметил звезды, определил их положение относительно знаков Зодиака, выявил тайное и сокровенное и сказал: «О эмир правоверных! Здесь написано что-то такое, что сначала было растением, но в конце концов стало животным».

Ма'мун протянул под ковер руку, захватил тот листок и вынул его: у того имама было написано: «Посох Моисея». Ма'мун || крайне изумился, и тот имам [тоже] 91 выказал удивление. Тогда Якуб взял его плащ, разорвал его надвое на глазах у Ма'муна и сказал: «Я сделаю из него портянки».

Эти слова стали известны в Багдаде, оттуда перешли в Ирак и Хорасан и распространились в народе.

Некий *факих из факихов Балха по причине исступления, свойственного ученым богословам, взял нож и вложил его в книгу по астрологии с намерением идти в Багдад, начать брать уроки у Якуба ибн Исхака Кинди и заниматься астрологией, а потом найти удобный

случай и внезапно его убить. С этим намерением он продвигался перегон за перегонем, пока не достиг Багдада, и там пошел в баню. Выйдя оттуда, он надел чистую одежду, положил в рукав книгу и направился к дому Якуба ибн Исхака.

Когда он подошел к дому, он увидел, что у дверей дома стоит много лошадей в золотом убранстве, [принадлежащих] как * хашимитам, так и другим именитым и достойным людям Багдада.

Он вошел без спросу, вступил в кружок, [собранный] перед Якубом, обратился к нему с приветствием и сказал: «Я хочу поучиться у * мавланы чему-нибудь из науки астрологии». Якуб сказал: «Ты прибыл из восточных краев для того, чтобы убить меня, а не ради науки астрологии. Но ты откажешься от этого [намерения], будешь изучать астрологию, достигнешь в этой науке совершенства и станешь в общине Мухаммада — *да благословит его Аллах и да приветствует!* — единственным среди великих астрологов».

Все вельможи, которые сидели тут же, подивились его словам. А * Абу Ма'шар подтвердил это, вытащил нож из середины книги, сломал его, и выбросил, и склонил колени. И обучался пятнадцать лет, пока не достиг в науке о звездах той степени, коей достиг.

РАССКАЗ [ВТОРОЙ]

Рассказывают, что * Ямин ад-Даула султан Махмуд ибн Насир ад-Дин сидел [как-то] в павильоне о четырех 92 дверях на крыше || дворца в городе Газне, в саду Тысячи деревьев. Он обратил лицо к * Абу Райхану и спросил: «В которую из этих четырех дверей я выйду? Предскажи. Напиши [свое] решение на листке бумаги и положи мне под ковер». И все эти двери вели на выход.

Абу Райхан попросил астроложию, определил высоту солнца, начертил гороскоп, подумал немного, написал что-то на листке бумаги и положил под ковер.

Махмуд спросил: «Предсказал?» Ответил: «Предсказал». Махмуд приказал, чтобы позвали мастеров и

принесли топоры и лопаты. В стене, обращенной на восток, они пробили пятую дверь, и через эту дверь он вышел. И сказал, чтобы ему подали тот листок бумаги. А у Абу Райхана было на нем написано: «Не выйдет ни в одну из этих четырех дверей. В восточной стене пробьют еще одну дверь, и он через нее выйдет».

Когда Махмуд это прочел, он разгневался и приказал, чтобы Абу Райхана сбросили во двор. Так и сделали, но только у средней крыши был натянут тент. Абу Райхан упал на этот тент, прорвал его и тихонько опустился на землю, без единого повреждения.

Махмуд сказал: «Приведите его». [Его] привели. Сказал: «О Абу Райхан! А этого происшествия ты не предвидел?» Сказал: «О государь! Предвидел». Махмуд спросил: «Где доказательство?» [Абу Райхан] позвал *гулама, взял от гулама календарь и вытащил из середины календаря свой гороскоп. В предсказании на этот день было написано: «Меня сбросят с высокого места. Однако я невредимым достигну земли и встану здоровым». Эти слова также не пришлись Махмуду по вкусу. Он разгневался еще больше. Приказал: || «От- 93
ведите его в крепость и закройте там!» Его заперли в Газнийской крепости, и шесть месяцев он провел в заточении.

РАССКАЗ [ТРЕТИЙ]

Рассказывают, что в эти шесть месяцев никто не смел напомнить Махмуду о случае с Абу Райханом. А из его *гуламов был назначен один гулам, который его обслуживал и по надобностям его выходил и приходил. Однажды этот гулам проходил по газнийскому лугу. Его окликнул какой-то предсказатель и сказал: «В гороскопе твоём я вижу несколько слов, которые следует [тебе] сказать. Пожалуй мне что-нибудь, и я скажу». Гулам дал ему два *дирхема. Предсказатель сказал: «Дорогой тебе человек находится в какой-то печали. В течение трех дней, считая с нынешнего, он избавится от этой печали, облачится в халат и почетное платье и снова станет уважаемым и любимым».

Гулам отправился в крепость и рассказал это, как добрую весть, хозяину. Абу Райхан рассмеялся и сказал: «О глупец! [Разве] ты не знаешь, что такими делами не надо заниматься? Два дирхема ты выбросил на ветер!»

Говорят, что великий ходжа * Ахмад ибн Хасан ибн Маймун все эти шесть месяцев искал удобного случая, чтобы заговорить [с Махмудом] об Абу Райхане. Наконец [как-то] на охоте он увидел султана в хорошем настроении и слово за слово навел речь на науку астрологию. [И] тогда сказал: «Несчастный Абу Райхан! Он так прекрасно сделал два предсказания — и вместо халата и почетного дара получил оковы и тюрьму!»

Махмуд сказал: «Ходжа понимает, что я сам это знаю. И говорят, что этому человеку нет в мире равного, разве только что * 'Али ибн Сина. Однако оба его предсказания шли наперекор моему желанию. А цари что малые дети: надо говорить слова сообразно их желаниям, чтобы быть им угодными. В тот день, когда он сделал эти два предсказания, если бы || в одном из двух он ошибся, для него было бы лучше. Завтра распорядись, пусть его выпустят и дадут ему коня в золотой сбруе, и царский халат, и парчовую чалму, и еще тысячу * динаров, пулама и невольницу».

Итак, в тот самый день, о котором говорил предсказатель, Абу Райхана выпустили, и все почетные дары, как они перечислены, были ему доставлены. И султан попросил у него прощения и сказал: «О Абу Райхан! Если ты хочешь быть мне слугой, говори сообразно моему желанию, а не так, как повелевает тебе твоя наука».

Абу Райхан после этого изменил своему обыкновению. И это одно из условий служения царю: быть с ним заодно и в правде и во лжи и поддерживать правоту его дела.

Когда Абу Райхан вернулся домой, знатные люди пришли его поздравить. Он рассказал им случай с предсказателем. Они подивились. Послали кого-то и позвали того предсказателя. Он оказался невеждой, не знал ровно ничего. Абу Райхан спросил: «У тебя есть гороскоп [твоего] рождения?» [Тот] ответил: «Есть».

Принес свой гороскоп рождения, и Абу Райхан увидел: * «жребий сокровенного» пришелся как раз на середину его гороскопа, поэтому все, что он говорил вслепую, было близко к истине.

РАССКАЗ [ЧЕТВЕРТЫЙ]

Была у меня дочь; родилась она двадцать восьмого * сафара пятьсот десятого года [12 июля 1116 г.]. Луна находилась тогда в соединении с Солнцем, и между ними не было никакого интервала, поэтому || * «жребий счастья» и * «жребий сокровенного» пришлись оба на один и тот же градус [ее] гороскопа. 95

И когда возраст ее достиг пятнадцати лет, я ее обучил науке астрологии. И дело здесь дошло до того, что она могла [уже] разрешать сложные вопросы этой науки и предсказания ее были чрезвычайно близки к истине. Почтенные женщины приходили к ней и задавали ей вопросы, и все, что она говорила, по большей части выходило согласно с судьбой.

Однажды пришла к ней некая старая женщина и сказала: «Вот уже четыре года, как сын мой в отъезде. Я не имею о нем никаких вестей: ни о жизни его, ни о смерти. Взгляни, среди живых он или среди мертвых? Как бы там ни было, осведоми меня о его положении!»

Предсказательница встала, определила высоту [солнца], высчитала градус гороскопа, начертила таблицы, установила расположение звезд и первым словом ей сказала: «Сын твой возвратился!» Старая женщина рассердилась и сказала: «О дитя! На его возвращение я и не надеюсь, скажи только: жив он или нет?» [Предсказательница] сказала: «Я говорю, что сын твой вернулся. Ступай и, если он не вернулся, приходи снова. Тогда я скажу, что с ним».

Старая женщина пришла домой, а сын вернулся, и вещи его уже сгружали с осла. [Она] обняла сына, [потом] взяла два женских покрывала, || пришла к ней и сказала: «Ты верно сказала, сын ко мне приехал». И, одарив, благословляла ее. 96

В тот вечер, когда я вернулся домой и услышал эту весть, я у нее спросил: «На основании чего ты сказала и по какому светилу сделала предсказание?» [Она] ответила: «Я до этого и не дошла. Как только я кончила чертить гороскоп, откуда ни возьмись прилетела муха и села на букву одного из градусов гороскопа. По этой причине в глубине души мне так представилось, что этот юноша вернулся. И за то время, пока я сказала об этом, а его мать пустилась в рассуждения, возвращение его стало для меня таким достоверным, словно я [своими глазами] увидела, как он сгружает вещи с осла».

Для меня стало ясно, что это все [действие] «жребия сокровенного» на градусе ее гороскопа, и ничего более.

РАССКАЗ (ПЯТЫЙ)

Махмуд Давуди Писар-и Абу-л-Касим Давуди был тяжело скорбен главой, даже бесноват, и в науке о звездах не имел больших познаний. Из толкования звезд он знал только гороскоп рождения, и предсказания его к календарю были двух видов: «есть» или «нет». И служил он у эмира Дада Абу Бакра ибн Мас'уда в * Пандждихе. Однако предсказания его в большинстве случаев бывали близкими к истине.

И в юродивости своей он дошел до такой степени, что, когда господин мой *Малик ал-Джабал послал эмиру Даду пару гурийских собак, необычайно больших в свирепых, он по собственному почину вступил с этими собаками в драку и ушел от них невредимым.

97 Спустя много лет сидели мы в обществе просвещенных людей возле лавки Мукри, кузнеца и знахаря, на базаре парфюмеров, в * Герате, || говорили о разных вещах. Вдруг один из этих ученых мужей сказал к слову: «О как велик был этот человек — * Абу 'Али [ибн] Сина!»

Я увидел, как [Давуди] рассердился. Жилы на шее его напряглись и застыли, и [в облике] его объявились все признаки гнева. Он сказал: «О такой-то! Кто был Абу 'Али [ибн] Сина? Я стою тысячу таких, как Абу

'Али: ведь Абу 'Али не боролся никогда [даже] ни с одной кошкой, а я боролся перед эмиром Дадам с двумя гурийскими псами!» В тот день для меня стало ясно, что он помешан.

Однако при всей этой юродивости [вот что] я увидел. В году пятьсот пятом [1111/12], когда султан * Санджар остановился в степи * Хузан на пути к Мавераннахру в войне с Мухаммад-ханом, эмир Дад оказал ему в Панджидхе гостеприимство, в высшей степени великолепное. На третий день султан пришел к берегу реки, сел в лодку и услаждал себя рыбной ловлей. И в лодку к себе он позвал Давуди, чтобы тот говорил по этому поводу разные нелепые слова; и смешил бы его и поносил бы без стеснения эмира Дада. И вот султан сказал Давуди: «Предскажи-ка, та рыба, которую я на этот раз вытащу, сколько манов она потянет?» [Тот] сказал: «Подыми сеть!» Султан поднял сеть. Давуди определил высоту [солнца], выждал немного и сказал: «Теперь бросай». Султан закинул сеть. Давуди сказал: «Предсказываю: то, что ты сейчас вытащишь, будет пяти * манов». Эмир Дад сказал: «О глупец! Откуда в этой реке возьмется рыба в пять манов?» Давуди сказал: «Помолчи! Что ты знаешь?» Эмир Дад замолчал, устранившись, что если продолжит спор, то наслушается бранных слов.

Прошло некоторое время, и сеть отяжелела, и стали явными признаки, что попалась рыба. Когда вытащили, оказалась шести манов. Все были поражены. Султан мира выявил знаки своего удивления, и поистине это удивление было уместным. || Сказал: «Давуди, что ты желаешь?» [Тот] поклонился и сказал: «О падишах всея земли! Я желаю кольчугу, щит и копье, чтобы сразиться с Баварди».

А этот Баварди был военачальник, находящийся на службе при дворе эмира Дада. А Давуди относился к нему с враждебностью по причине * лакаба, так как у того лакаб писали Шуджа' ал-Мулк [«храбрец державы»], а у Давуди — Шуджа' ал-Хукама [«храбрец мудрецов»]. И Давуди всегда выходил из себя: зачем того пишут Шуджа'? Эмир Дад это знал и постоянно Даву-

ди с ним сталкивал. И тот добрый мусульманин был беспомощен в его руках.

Короче говоря, в безумии Махмуда Давуди не было никакого сомнения. И эту главу я для того привел, дабы падишаху стало ясно, что в предсказании по звездам одержимость и юродивость — одно из условий успеха.

РАССКАЗ [ШЕСТОЙ]

Хаким Маусили был одним из астрологов в * Нишапуре и служил у великого ходжи * Низам ал-Мулка Туси. И в серьезных делах ходжа держал с ним совет и спрашивал его мнения и решения. Но вот Маусили достиг преклонного возраста, и стала сильно одолевать его дряхлость, появилась слабость тела, и он уже не мог совершать долгих переездов. Тогда он попросил у ходжи отставку, с тем, что он поедет в Нишапур, и будет там жить, и на каждый год будет присылать календарь и свод предсказаний.

А ходжа был уже в конце земного пути и на последнем перегоне жизни. [Он] сказал: «Определи влияния 99 звезд и посмотри, || когда проявится слабость моей природы и когда снизойдет на меня тот неотвратимый рок и то неизбежное повеление?» Хаким Маусили сказал: «Спустя шесть месяцев после моей смерти».

Ходжа пожаловал ему все необходимое для спокойной жизни, и Маусили удалился в Нишапур и спокойно в Нишапуре проживал. И каждый год посылал календарь и свод предсказаний. Однако всякий раз, когда к ходже приезжал кто-нибудь из Нишапура, ходжа прежде всего спрашивал: «Как Маусили?» И все время, пока получал известия о его благополучии и здравии, был доволен и пребывал в веселии. До тех пор, пока в году четыреста восемьдесят пятом [1092/93] не прибыл один приехавший из Нишапура. И ходжа спросил о Маусили.

Тот человек отвесил поклон и сказал: «Да будет глава ислама наследником [его] жизни! Маусили покинул свою земную плоть». [Ходжа] спросил: «Когда?»

[Тот] ответил: «В середине месяца * раби' первого передал [он] свою жизнь главе ислама».

Ходжа сильно опечалился, и пробудился [душой], и обратил взор на свои [земные] дела. Он заверил * вакфные распоряжения, и скрепил печатью пожалования, и написал завешание. И рабов, которые успели себя обеспечить, освободил, и долги, кои имел, вернул, и сделал всех, кого только мог, довольными, и врагам своим простил. И стал жить в ожидании своего часа, пока не настал месяц * рамазан и он не * принял смерть от рук той секты — || *бог да вложит ему в уста его доказательство и да сделает для него просторным место в раю!* 100

Но поскольку наблюдаемые гороскопы рождения, бракосочетания и материального тела были верными, а астролог был проницательным и просвещенным, это предсказание во всяком случае сбылось. *А Он знает лучше!*

РАССКАЗ [СЕДЬМОЙ]

В году пятьсот шестом [1112/13] в Балхе, на улице Работорговцев, в доме эмира Абу Са'да Джарре остановились ходжа имам 'Омар Хайам и ходжа имам * Музаффар Исфизари, а я присоединился к услужению им. Во время пиршества я услышал, как * Доказательство Истины 'Омар сказал: «Могилка моя будет расположена в таком месте, где каждую весну ветерок будет осыпать меня цветами». Меня эти слова удивили, но я знал, что такой человек не станет говорить пустых слов.

Когда в году пятьсот тридцатом [1135/36] я приехал в Нишалур, прошло уже четыре года, с тех пор как тот великий закрыл лицо [свое] покрывалом земли и низкий мир осиротел без него. И для меня был он наставником.

В пятницу я пошел поклониться его [праху] и взял с собой одного человека, чтобы он указал мне его могилу. Он привел меня на кладбище * Хире. Я повернулся налево и у подножия стены, огораживающей сад, увидел его могилу. Грушевые и абрикосовые деревья || *свесились из этого сада и, распростерши над могилой цветущие ветви, всю могилу его скрыли под цветами.* И мне 101

пришли на память те слова, что я слышал от него в Балхе, и я разрыдался, ибо на всей поверхности земли и в странах * Обитаемой четверти я не увидел бы для него более подходящего места. Бог, святой и всевышний, да уготовит ему место в райских кущах *милостью своей и щедростью!*

РАССКАЗ (ВОСЬМОЙ)

Хотя я был свидетелем предсказания * Доказательства Истины 'Омара, однако в нем самом я не видел никакой веры в предсказания по звездам. И среди великих людей никого не видел и не слышал, кто бы доверял предсказаниям.

Зимой пятьсот восьмого года [1114/15] в городе Мерве султан послал человека к великому ходже * Садр ад-Дин Мухаммаду ибн Музаффару — *да помилует его Аллах!* — [с поручением]: «Скажи ходже имаму 'Омару, пусть он определит [благоприятный момент] для выезда на охоту, так чтобы в эти несколько дней не было ни дождя, ни снега».

А ходжа имам 'Омар общался с ходжой и бывал в его доме. Ходжа послал человека, позвал его и рассказал ему о происшедшем. ['Омар] удалился, два дня потратил на это дело и определил благоприятный момент. Сам отправился [к султану] и в соответствии с этим определением усадил султана [на коня]. И когда султан сел и проехал расстояние в один петушиный крик, набежала туча, и налетел ветер, и поднялся снежный вихрь. Все засмеялись, и султан хотел уже повернуть. Ходжа имам сказал: «Пусть || султан 102 успокоит сердце: туча сейчас разойдется, и в эти пять дней не будет никакой влаги».

Султан поехал [далее], и туча разошлась, и в эти пять дней не было никакой влаги, и никто не видел ни облачка.

Хотя предсказание по звездам — признанное искусство — уповать на него не следует. А астрологу надлежит далеко в этой вере не идти и каждое предсказание, кое он делает, поручать судьбе.

РАССКАЗ (ДЕВЯТЫЙ)

Для падишаха обязательно, где бы он ни был, испытывать приближенного или слугу, который при нем есть, и, если тот следует божескому закону, прилежно исполняет религиозные обязанности и предписания и принимает их, приблизить его к себе, обласкать и довериться ему.

А ежели он идет наперекор этому, отстранить его [от себя] и ковровые дорожки своего собрания уберечь от его тени, ибо каждый, кто в господа — *велик он и славен!* — и в закон Мухаммада * Мустафы — *да благословит его Аллах и да приветствует!* — не имеет веры, и по отношению к нему ни у кого не должно быть веры, и пребудет он [вовсеки] злосчастливым для себя самого и для господина.

В начале царствования султана * Гийас ад-Дунйа ва-д-Дин Мухаммада ибн Малик-шаха, [прозванного] сподвижником эмира правоверных, — *да освятит Аллах его могилу!* — предводитель арабов * Садаке поднял восстание, сбросил ярмо повиновения и с пятьюдесятью тысячами арабов * выступил из Хилле к Багдаду.

Эмир правоверных * Мустахир-би-л-лах слал в Исфахан письмо за письмом и гонца за гонцом, призывая султана [на помощь]. А султан требовал от астрологов выбора благоприятного момента. И никакого выбора не представлялось, ибо * владыка гороскопа султана был возвращающимся. Сказали: «О повелитель! Не можем выбрать благоприятного момента!» [Султан] сказал: «Ищите!», и настаивал, и предался печали. Астрологи разбежались.

Был некий газниец, который || на улице Куполов ¹⁰³ имел лавку и занимался предсказаниями. К нему ходили женщины, и он писал любовные амулеты. И в познаниях его не было глубины. Благодаря знакомству с одним из * гуламов, принадлежащих султану, он явился пред султаном и сказал: «Я выберу благоприятный момент. Выступи согласно этому выбору и, если не станешь победителем, отсеки мне голову!»

Султан сразу же повеселел, дал ему двести нишапурских *динаров, сел согласно его выбору [на коня] и выехал. Сразился с Садаке, разбил его войско, а самого Садаке захватил и убил. И когда победителем возвратился в Исфахан, обласкал предсказателя, одарил его дорогими почетными одеждами и приблизил к себе.

И позвал астрологов и сказал: «Вы не сделали выбора, а этот газниец сделал. И мы выступили, и господь — велик он и славен! — оправдал его. Почему вы так поступили? Похоже на то, что Садаке прислал вам какую-нибудь взятку, чтобы вы не назначили благоприятного момента».

Те упали на землю, зарыдали и сказали: «С таким выбором не согласился бы ни один астролог! Если [султан] желает, пусть напишут и пошлют [кого-нибудь] в Хорасан, к великому * 'Омару Хайаму, — что он скажет?»

Султан понял, что эти несчастные говорят правду. Из *надимов своих он позвал одного просвещенного и сказал: «Устрой завтра у себя дома винопитие и пригласи астролога-газнийца. Дай ему вина и, когда он будет в крайнем опьянении, спроси у него: «Это предсказание, что ты сделал, [всё] не было правильным, астрологи его порицают. Поведай мне эту тайну!»

Этот надим так и сделал и во время опьянения у него спросил. Газниец сказал: «Я знал, что будет только одно из двух: || либо то войско будет разбито, либо это. Если будет разбито то войско — я обрету почет, а если это — кто станет с меня спрашивать?»

На другой день надим рассказал это султану. Султан распорядился, чтобы того прорицателя изгнали, и сказал: «Человек, который так относится к мусульманам, гнусен!»

И астрологов своих позвал, и выразил им свое доверие, и сказал: «Тот прорицатель мне враг, ибо он не совершил ни одного намаза. А кто не по божескому закону, тот не по нам».

РАССКАЗ [ДЕСЯТЫЙ]

В году пятьсот сорок седьмом [1152/53] между султаном мира * Санджаром ибн Малик-шахом и владыкой султаном * 'Ала ад-Дин ва-д-Дуи'а случилось сражение у ворот * Аубе и войска * Гура были разбиты. И владыка, султан Востока, — *да сделает Аллах вечным его царство!* — попал в плен. И сын [моего] господина, справедливый царь мира * Шамс ад-Даула ва-д-Дик Мухаммад ибн Мас'уд, оказался пленником в руках эмира * испахсалара * Яранкуша Хурайве. [Выкуп] был назначен в пятьдесят тысяч * динаров, и человек его должен был отправиться к * бамийанскому двору и собрать эту сумму, с тем что, как только деньги будут доставлены в Герат, сына господина освободят, сам султан мира Санджар дарует ему независимость и со всеми почестями проводит из * Герата.

А я, раб, прибыл к нему тогда в услужение. Однажды в крайней тоске он обратился ко мне [со словами]: «Когда наступит развязка || и * когда же до- 105
ставят обоз?» В тот же день я определил высоту [солнца], составил гороскоп, приложив все старания: вышло так, что развязка должна наступить на третий день.

На другой день я пришел и сказал: «Завтра к полуденному * намазу явится человек». Сын падишаха весь тот день был в мыслях об этом. На другой день я пришел в его присутствие, он спросил: «На сегодня это обещано?» Я сказал: «Да». Я оставался при нем до полуденного намаза. Когда послышался призыв к намазу, он в раздражении сказал: «Видишь, уже полуденный намаз, а никакой вести не прибыло!»

Не успел царевич это сказать, как подъехал гонец и привез добрую весть, что обоз доставлен: пятьдесят тысяч динаров, овцы и другое. И начальник обоза 'Изз ад-Дин Махмуд-хаджи — * кедхуда царевича * Хусам ад-Даула ва-д-Дина. И на другой день царевич Шамс ад-Даула ва-д-Дин был облачен в почетный халат султаном мира [Санджаром] и освобожден. В самое короткое время обратил он лицо к месту своего величия, и с каждым днем дела его идут вверх и да будут идти вверх!

На днях как-то вечером было так, что он меня обласкал и сказал: «Низами! Помнишь, как ты в Герате сделал то предсказание и как оно правильно сбылось? Я желая [тогда] наполнить рот твой золотом, но там у меня золота не было, а здесь есть». Он велел подать золота и дважды наполнил мой рот. И сказал: «Больше не лезет. Подыми рукав!» Я поднял рукав — он наполнил его золотом.

Господь, святой и всевышний, да преумножит каждодневно могущество этой династии и да убережет этих двух царевичей для господина царя великого —
106 *милостью своей и великодушием!* ||

О НАУКЕ МЕДИЦИНЕ И НАСТАВЛЕНИЕ ВРАЧУ

едицина — это искусство, при помощи которого поддерживают здоровье в человеческом теле и восстанавливают его, когда оно приходит в упадок, и украшают [человека] длиной волос, чистотой лица, приятностью запаха и жизнерадостностью.

А врач должен быть {человеком} тонкой натуры, мудрый сердцем, превосходный в проницательности; а проницательность — это движение души к угадыванию по симптомам, иначе говоря, быстрота умозаключения от известного к скрытому.

Тот врач, который не понимает достоинства человеческой души, не тонок натурой. И до тех пор пока не изучит логику, он не будет мудрым душой. И пока не будет поддержан господней помощью, не будет превосходным в проницательности. А каждый, кто не обладает высшей проницательностью, не сможет подойти к распознаванию недуга. Ибо указание [на него] надобно искать в пульсе, а пульс состоит из движения сокращения, движения расширения и паузы, коя разделяет эти два движения. И у врачей существуют противоположные мнения. Одна группа утверждает, что на ощупь невозможно уловить движение сокращения. Но превосходнейший из современников * Доказательство Истины ал-Хусайн ибн 'Абдаллах ибн Сина говорит в книге * «Канон»: «Движение сокращения можно уловить, хотя и с трудом, у людей худославых». И при этом пульс бывает десяти родов, каждый из них делится на три вида: два крайних его [значения] и одно среднее. И без помощи божией в определении их || не будет правильно-го понимания.

А исследование мочи с рассмотрением ее цвета и осадка, и улавливание по каждому цвету доказательств [того или иного] состояния — тоже не простое дело. Все эти признаки нуждаются в божием благословении и господнем указании. И это именно то, что мы упустили под словом проницательность.

И до тех пор пока врач не постигнет логики и не познает, что такое род и вид, он не сможет различать между отличительным признаком, субстанцией и акциденцией и не узнает причины [болезни]. А ежели он не узнает причины, не достигнет и цели в лечении. И мы здесь позволим себе привести пример, дабы стало ясно, что это именно так, как мы говорим. Болезнь — это род, а лихорадка, мигрень, насморк, бешенство, корь, желтуха — виды. И все они различаются между собой видовым признаком, и каждый в свою очередь тоже является родом. Например, лихорадка — это род, а лихорадка однодневная, трехдневная, двойная трехдневная и четырехдневная и другие — виды. И все они различаются между собой естественным видовым признаком. Так, лихорадка однодневная отличается от других лихорадок тем, что наибольшая продолжительность || ее — сутки и при ней не бывает ни ломоты, ни тяжести, ни вялости, ни болей. А воспалительная лихорадка отличается от прочих лихорадок тем, что схватит и не отпускает несколько дней. А лихорадка трехдневная отличается от прочих лихорадок тем, что один день она приходит, а другой день — не приходит. А лихорадка двойная трехдневная отличается от других лихорадок тем, что один день она сильнее, а продолжительность [приступа] меньше, а другой день она слабее, а продолжительность [приступа] больше. А лихорадка четырехдневная отличается от других лихорадок тем, что один день придет, второй не придет, третий не придет, четвертый придет. И каждый из них также образует род, а [у каждого из них] — свои виды.

Врач, постигший логику и приобретший искусность, [легко] поймет, какая лихорадка имеет место и какова природа этой лихорадки, смешанная или несоставная, и [тогда] он может быстро приняться за лечение. А еже-

ли [и тогда] в распознавании недуга окажется бессильным, надлежит ему обратиться к господу, великому, преславному, и у него испросить поддержки, ибо все восходит к нему.

РАССКАЗ [ПЕРВЫЙ]

В году пятьсот двенадцатом [1118/19] на базаре парфюмеров в Нишапуре, в лавке Мухаммада ибн Мухаммада, || астролога и врача, слышал я от ходжи имама Абу Бакра Даккака, как он сказал: «В году пятьсот втором [1108/09] у одного из вельмож Нишапура началась резь в животе и он позвал меня. Я осмотрел его, и принялся за лечение, и применил все, что было в этом отношении самого лучшего. Не последовало никакого улучшения. И в таком положении прошло три дня. К вечернему намазу я вернулся от него в полном отчаянии, [полагая], что в полночь больной скончается. В тревоге лёг я спать. Поутру я проснулся, не сомневаясь, что он уже скончался. Я поднялся на крышу, обратил лицо в ту сторону и прислушался. Не уловил ни звука, и это было для меня подтверждением того, что он умер.

Я прочел *фатиху, и подул в ту сторону, и сказал: «О боже, господин мой и руководитель мой! Сказал ты в *Твердом слове и Неоспоримой книге: **«И Мы низводим из Корана то, что бывает исцелением и милостью для верующих»*. И я скорбел, ибо был он молод, богат и счастлив и в полной мере владел всем, что только можно пожелать.

Затем я совершил омовение, ступил на молитвенный коврик и исполнил божеское постановление. Кто-то постучал в дверь дома. Я взглянул, это был человек от него. Он сказал: «Только что получил он облегчение».

Я понял, что это было благословение фатихи *Великой книги и сие целебное питье снизошло из божественной аптеки. Это послужило для меня уроком. Во многих местах давал я это питье — везде выходило на благо и наступало выздоровление».

Следовательно, врачу надлежит иметь твердую веру и почитать приказы и запреты божеского закона. А что касается науки медицины, то надлежит ему приобрести и изучать неустанно «Отделы» Гиппократы, «Вопросы» 110 * Хунайна ибн || Исхака, «Наставитель» * Мухаммада ибн Закарийа Рази и «Комментарий» * Нили, который все это кратко изложил.

Обучившись у доброжелательного наставника, прочтя при его содействии с предельным вниманием такие основные книги, как «Клад» * Сабита ибн Курре, или «Покровительствуемый богом» Мухаммада ибн Закарийа Рази, или «Руководство» * Абу Бакра Ахаваини, или «Достаточность» Ахмада Фарраджа, или «Цели» * Сейида Исмаила Джурджани, должен он затем приобрести некоторые из трактатов по целебным травам, такие, как: «Шестнадцать» Галена, или «Собрание» Мухаммада ибн Закарийа, или * «Совершенная в искусстве» и «Сто глав» * Абу Сахла Масихи, или * «Канон» Абу 'Али (ибн) Сяны, или * «Хорезмшахская сокровищница», и читать их в часы досуга. А ежели он не пожелает прибегать ко всему этому, то достаточно и «Канона».

* Владыка обоих миров и Предводитель людей и духов изволит говорить: * «*Вся дичь в животе онагра*». Так и все то, о чем я говорил, можно найти в «Каноне» с обилием добавлений. И для каждого, кто постигнет первый том «Канона», ничего не останется скрытым из основ науки медицины и ее обобщений, ибо, если бы Гиппократ и Гален воскресли из мертвых, можно думать, что и они преклонились бы перед этой книгой. Слышал я одну удивительную вещь, что некто возражал против * Абу 'Али, и составил из этих возражений целое сочинение, и назвал его «Исправление канона».

111 Я словно вижу обоих своими глазами: сколь глупый человек — сочинитель, и какая отвратительная || книга — его сочинение! К чему понадобилось человеку возражать против сего великого, чья книга, когда он берет ее в руки, недоступна ему с самого первого вопроса?

Четыре тысячи лет прошло, прежде чем первые мудрецы измотали свои души и положили свой живот, чтобы разобраться в науке философии — и не смогли. Пока спустя срок абсолютный мудрец и величайший философ Аристотель не взвесил эту наличность на весах логики, не испытал ее пробным камнем пределов, и не измерил мерой аналогии, дабы отвести от нее [все] сомнения и колебания, очистить ее и доказать. А после него за полторы тысячи лет ни один философ не постиг сущности его слова и не проследовал большой дорогой его рассуждения, кроме наипревосходнейшего из современников, мудреца Востока, Доказательства Истины для всех людей * Абу 'Али ал-Хусайна ибн 'Абдаллаха ибн Сины.

И каждый, кто возражал этим двум великим, исключил себя из общества людей разума, и причислил к разряду безумцев, и объявился во всей красе среди глупцов.

Господь, святой и всевышний, да убережет нас от таких прегрешений и страстей *милостью своей и великодушием!*

Итак, если врач постигнет первый том «Канона» и возраст его достигнет сорока, то он из [числа тех] людей, коим можно верить. Но хотя он и превзойдет эту степень, ему необходимо иметь при себе постоянно одну из тех небольших по размеру книг, что составили опытные мастера, || как-то: «Подарок царям» * Мухаммада ибн Закарийа, «Достаточность» * Ибн Мандувийе Исфакхани, «Исправление всякого рода ошибок во врачебном распорядке» Абу 'Али и «Высший знаток» и «Памятка» * Сейида Исма'ила Джурджани. Ибо нельзя полагаться на память, которая находится в крайних оконечностях задних частей мозга, кои позже вступают в действие, и эти записки могут быть для врача полезны.

Итак, каждому падишаху, который выбирает себе врача, следует учитывать эти условия, потому что не столь простое дело — вложить свою жизнь в руки первого попавшегося невежды и распоряжение своей жизнью предать объятиям всякого нерадивого.

РАССКАЗ [ВТОРОЙ]

* Бахтишу', один из багдадских христиан, был искусным врачом и добрым справедливым человеком и состоял на службе у * Ма'муна.

И вот у одного * хашимита, родственника Ма'муна, случился понос. Ма'мун к этому родственнику был крайне привязан; он послал Бахтишу', чтобы тот его пользовал. Бахтишу' взялся не жалея сил, в угоду Ма'муну; лечил так и этак — не было никакой пользы. Он применил все редкостные лечения, какие только знал, — и совершенно напрасно. У него опустились руки, и стыдно было перед Ма'муном.

Ма'мун, поняв, что Бахтишу' стыдно, сказал: «О Бахтишу'! Не стыдись! Ты достаточно проявил усердие свое и свою преданность. Видно, не угодно господу — велик он и славен! Покорись же судьбе, как и мы ей покорились!»

Увидев Ма'муна отчаявшимся, Бахтишу' сказал: «Осталось еще одно средство. Я применю его на счастье 113 эмира правоверных, хотя это и || рискованно. Может быть, однако, всевышний творец и направит».

А больной высаживался раз пятьдесят — шестьдесят на день. И вот [врач] приготовил слабительное и дал больному. В тот день, как он принял слабительное, понос у него усилился, а на завтра — прекратился.

Врачи у Бахтишу' спросили: «В чем же состоял риск, на который ты пошел?» Он ответил: «Вещество этого поноса шло из мозга, и, до тех пор пока оно из мозга не вышло, понос бы не прекратился. А я опасался, что, если дам слабительное, не дай бог, [у больного] не станет сил на этот понос. Когда отрешились [от надежд], я сказал [себе]: „Остается последняя надежда на слабительное, а не дать ничего, так и надежды нет“. Я дал и уповал на бога, ибо он всемогущ. И всевышний господь помог, и вышло хорошо. Рассуждение себя оправдало, потому что не дать слабительного — ждать смерти, а дать слабительное — ждать и первого и второго: и жизни и смерти. И дать слабительное я счел за лучшее».

РАССКАЗ [ТРЕТИЙ]

* Шейх-ар-раис, * Доказательство Истины * Абу 'Али ибн Сина так рассказал в «Книге происхождения и возвращения», в конце главы «Возможность существования императивов, исходящих из души человеческой»: «Дошло до меня, и слышал я, что при дворе одного из саманидских правителей состоял некий врач. И доверие к нему дошло до такой степени, что он допускался в гарем и щупал пульс у обитательниц гарема и у заворниц.

Однажды он сидел с правителем в гареме, в том месте, куда не смело проникнуть ни одно лицо мужского пола.

Правитель велел подать еду. Служанки принесли. Одна из служанок, которая была старшей по столу, || 114 сняла с головы поднос, согнулась и поставила его на пол. Хотела распрямиться и не смогла, так и осталась по причине густых газов, которые внезапно возникли в ее суставах. Правитель обратился к врачу [со словами]: „Следует ее сейчас же вылечить любым способом, какой только есть!“ А здесь для физического воздействия не представлялось никакой возможности, и другими средствами он не располагал, так как под рукой не было лекарств. Он обратился к воздействию психическому и велел, чтобы с головы ее сняли покрывало и оставили ее простоволосой, дабы она устыдилась и почувствовала отвращение к тому обстоятельству, что собравшиеся видят неприкрытыми ее голову и лицо. [Но] она не двинулась. Он применил еще более непотребное и велел, чтобы с нее сняли шальвары. Ей стало стыдно, в сердце ее возник жар, так что он растворил густые газы. Она распрямилась и выздоровела».

Если бы врач не был мудр и искусен, он бы не пришел к этому выводу и оказался бы беспомощным в лечении; а если бы он оказался беспомощным, он упал бы в глазах ладишаха.

Следовательно, знание вещей естественных и представление о явлениях естественных также относится к этому разделу. *А Он знает лучше!*

РАССКАЗ [ЧЕТВЕРТЫЙ]

Точно так же у одного из правителей рода * Саманидов, эмира * Мансура ибн Нуха ибн Насра, случилась
115 болезнь, которая || перешла в паралич, и он оказался прикованным к месту. И врачи в лечении его показали себя бессильными.

Эмир Мансур послал человека и пригласил для этого лечения * Мухаммада ибн Закарийя Рази. Тот доехал до * Аму, но, когда достиг берега * Джейхуна и увидел Джейхун, сказал: «Я не сяду в лодку. *Говорит всевышний Аллах: * «Не бросайтесь со своими руками к гибели!»* И конечно, неблагоприятно ступить в это гибельное место по своей воле».

И пока человек эмира ездил в Бухару и вернулся обратно, он составил «Книгу Мансура», вручил ее тому человеку и сказал: «Я весь в этой книге. Этой книгой достигнута твоя цель, во мне же нужды нет».

Когда книгу доставили эмиру, он огорчился. Затем послал тысячу динаров, отборного коня и [все] снаряжение и сказал: «Проявите полную учтивость, если же проку не будет, свяжите его по рукам и ногам, втащите в лодку и перевезите». Так и сделали. Просьбам он не внял, его связали по рукам и ногам, втащили в лодку и переправили. И тогда руки и ноги его развязали и подвели к нему под уздцы коня со всем снаряжением. А он, веселый, вскочил на коня и направился в Бухару.

Задали вопрос: «Мы опасались, что, когда перейдем реку и освободим тебя, ты начнешь с нами ссору. Ты этого не сделал, и не увидели мы у тебя тоски и недовольства». Он сказал: «Я знаю, что [каждый] год двадцать тысяч человек переправляются через Джейхун и не тонут и я тоже не утону. Но ведь есть и такая опасность, что утону. А если утону, то до Дня воскресения будут говорить: „Глупый человек — Мухаммад ибн Закарийя! Он по своей воле сел в лодку — вот и утонул!“ И тогда я окажусь в числе порицаемых, а не в числе
116 прощенных». ||

Когда он прибыл в Бухару, эмир принял его, и они увидели друг друга. И [врач] приступил к лечению, и

проявил усердие, но никакого облегчения не наступило.

Однажды он вошел к эмиру и сказал: «Завтра я применю другое лечение. Но ради этого лечения придется потерять такого-то коня и такого-то мула». А это были два верховых животных, знаменитых в бегах, так что за ночь они проходили сорок * фарсангов.

И вот на другой день он вывел эмира из дворца и доставил в баню у ручья * Мулийан. А ту лошадь и мула с подтянутой подругой держали у дверей бани, и обязанности стремянного он поручил своему * гуламу. И не пускал в баню никого из слуг и домашних.

Затем он усадил царя посреди бани, и облил его несколько раз теплой водой, и особое питье, которое он приготовил, отведал сам и дал ему выпить. И выждал, пока микстура в суставах наберет силу.

Тогда он вышел и надел одежду, вернулся, встал перед эмиром и начал говорить всякие бранные слова: «Ах, так тебя и так! Ты приказал, чтобы меня связали и бросили в лодку, покушаясь на мою жизнь? Если я за это не отниму у тебя жизнь, я — не сын Закарий!»

Эмир крайне разгневался и приподнялся со своего места на коленях. Мухаммад ибн Закарийа вытащил нож и приумножил грубость. Эмир, наполовину от гнева, наполовину от страха, поднялся совсем. А Мухаммад ибн Закарийа, увидев эмира на ногах, повернулся и вышел из бани. Он и гулам — оба сели: один — на коня, другой — на мула, и направились к Аму.

К следующему * намазу [врач] уже переправился через реку и до Мерва нигде не остановился. Когда он в Мерве сошел с коня, он написал эмиру письмо: «Да будет долгой жизнь падишаха в здравии тела и действительности приказа! Слуга [твой] || начал лечение и при- 117
менил все, что было возможно. Однако животная теплота находилась в крайней степени слабости — лечение естественное сильно бы затянулось. Я отказался от него и прибег к лечению психическому. Доставил в баню, дал особое питье и выждал, пока жидкость в суставах обретет полную силу. Тогда я разгневал падишаха, дабы животная теплота получила поддержку, и набрала силу, и растворила бы ту вступившую в действие ми-

кстуру. После этого лучше нам с падишахом не встречаться».

А когда эмир встал на ноги, а Мухаммад ибн Закарийа вышел и сел на коня, эмир тотчас же потерял сознание. Когда пришел в себя, он вышел из бани, крикнул слуг и спросил: «Где врач?» Ответили: «Он вышел из бани, вскочил на коня, а гулам его — на мула, и ускакали». Эмир понял, какова была цель.

Итак, он вышел из бани на своих ногах. Весть пошла по городу. Эмир устроил прием. Слуги, близкие и подданные — все радовались, раздавали милостыню, приносили жертвы и праздновали. А врача, сколько ни искали, не нашли.

На седьмой день прибыл гулам Мухаммада ибн Закарийа верхом на том муле, а коня он вел под уздцы. И доложил о письме.

Эмир прочел письмо, подивился, и простил его, и пожаловал ему коня со всем снаряжением, верхнее платье, чалму, оружие, гулама и невольницу. И повелел, чтобы ежегодно из *имений Ма'муна* посылали на его имя в *Рей* две тысячи золотых *динаров* и двести *харваров* зерна. И этот почетный дар и жалованную грамоту послал ему с именитым человеком в Мерв.

[Итак], эмир обрел полное исцеление, а Мухаммад ибн Закарийа, достигнув цели, вернулся домой. ||

У *хорезмшаха* Абу-л-'Аббаса Ма'муна был везир — звали его *Абу-л-Хусайн Ахмад Мухаммад ас-Сухайли* — человек философского ума, благородной души и просвещенный. А хорезмшах тоже был любителем философии и почитателем просвещенных. Благодаря им при том дворе собралось много философов и ученых: *Абу 'Али ибн Сина*, *Абу Сахл Масихи*, *Абу-л-Хайр Хуммар*, *Абу Райхан Бируни* и *Абу Наср 'Аррак*.

Абу Наср 'Аррак был племянником хорезмшаха и в науке математике и разных ее разделах был вторым после Птолемея. И Абу-л-Хайр Хуммар был третьим

после Гипократа и Галена. И Абу Райхан в астрономии стоял наравне с * Абу Ма'шаром и * Ахмадом ибн 'Абд ал-Джалилом. И Абу 'Али ибн Сина и Абу Сахл Масихи были восприемниками Аристотеля в науке философии, которая сочетает в себе все науки. И все они на этой службе имели полную обеспеченность в мирских благах, дружили между собой, беседовали и наслаждались перепиской.

Но судьба не одобрила, и небесам не было угодно: это наслаждение [жизнью] было для них отравлено и благоденствие их понесло ущерб. От султана * Ямин ад-Даула Махмуда прибыл именитый человек с письмом: «Слышал я, что в собрании хорезмшаха есть несколько ученых мужей, коим нет равных, как такой-то и такой-то. Подобаает, чтобы ты направил их к нашему собранию, дабы они обрели почеть присутствия на нашем собрании, а мы будем покровительствовать их знаниям и способностям и будем благодарны хорезмшаху».

А послем Махмуда был ходжа || Хусайн ибн 'Али ибн Микал — один из самых ученых и мудрых людей века, чудо среди мужей своего времени. А дело Махмуда было в апогее счастья, власть его процветала, и держава была высокой, правители века почитали его и с мыслями о нем засыпали по ночам.

Хорезмшах поселил ходжу Хусайна ибн Микала в хорошем месте и велел давать ему самое лучшее довольствие. И прежде чем дать ему аудиенцию, позвал ученых, изложил им это письмо и сказал: «Махмуд всесилен. У него много войска, он захватил Хорасан и Хиндустан и зарится на Ирак. И я не могу послушаться его приказа и повеление его и не обратиться к действию. Что вы на это скажете?»

Абу 'Али и Абу Сахл сказали: «Мы не поедем». Но Абу Наср, Абу-л-Хайр и Абу Райхан пожелали, ибо были наслышаны о дарах и милостях султана. Тогда хорезмшах сказал: «Вы двое, у которых нет желанья, скройтесь, прежде чем я дам этому человеку аудиенцию».

Затем ходжа снарядил Абу 'Али и Абу Сахла, дал им в дорогу проводника, и они выступили по гурганской дороге по направлению в * Гурган.

На другой день хорезмшах дал аудиенцию Хусайн-и 'Али Микалу, осыпал его дарами и сказал: «Я прочел письмо и уяснил для себя смысл письма и приказ падишаха. Абу 'Али ибн Сины и Абу Сахла сейчас здесь нет, они уехали. Но Абу Наср, Абу Райхан и Абу-л-Хайр готовы отправиться к услужению». И вскоре после этого собрал их пожитки и отправил с ходжой Хусайном ибн Микалом. Султана Ямин ад-Даула Махмуда || они застали в Балхе и примкнули к его двору. А султан, [призывая их], имел одну цель — Абу 'Али.

Абу Наср 'Аррак был художником. [Махмуд] приказал ему нарисовать на бумаге портрет Абу 'Али. И призвал художников, чтобы они срисовали с него сорок портретов. И с царскими указами разослали их по [всем] областям. И от правителей областей потребовал: «На этом портрете человек, имя его — Абу 'Али ибн Сина. Пусть найдут его и доставят мне!»

Абу 'Али и Абу Сахл, уйдя от хорезмшаха с человеком Абу-л-Хусайна Сухайли, так старались, что к рассвету прошли пятнадцать * фарсангов и на заре остановились у колодез.

Тогда Абу 'Али взял [астрологический] календарь и посмотрел, с каким гороскопом они выехали. И когда увидел, обратился к Абу Сахлу и сказал: «Согласно гороскопу, с которым мы выехали, мы собьемся с пути, и я увижу много невзгод».

Абу Сахл сказал: «*Да удовольствуемся волею господней!* Я и сам знаю, что не сберегу в этом путешествии жизни, ибо в эти два дня влияние на мою судьбу будет оказывать звезда Капелла, которая убийственна, и для меня не осталось надежды, а затем между нами будет духовное общение».

Затем они отправились дальше.

Абу 'Али рассказывал, что на четвертый день поднялся ветер, и взметнул пыль, и мир потемнел. Они сбились с пути. Ветром замело дорогу. А когда ветер утих, [выяснилось], что проводник их и сам сбился с
121 пути. Под зноем || Хорезмской пустыни, от безводья и жажды Абу Сахл Масихи переселился в мир вечный. А проводник и Абу 'Али с тысячами невзгод попали в

* Баверд. Проводник вернулся назад. А Абу 'Али отправился в * Тус и прибыл в * Нишапур. Там он увидел людей, которые были заняты розысками Абу 'Али.

Удрученный, он остановился в каком-то углу и пробыл там несколько дней, а оттуда отправился в * Гурган. А падишахом Гургана был * Кабус, человек благородный, почитатель просвещенных и любитель философии. Абу 'Али знал, что ему там ничто не угрожает.

Когда он достиг Гургана, он остановился в караван-сараяе. Случайно по соседству с ним оказался какой-то больной. Он его полечил, тот выздоровел. Полечил также другого какого-то больного — выздоровел. И по утрам стали приносить к нему сосуды с мочой. Абу 'Али рассматривал, и у него появился доход, который возрастал день ото дня. Так прошло некоторое время.

У одного из родственников Кабуса Вашмгира, падишаха Гургана, появился какой-то недуг. Врачи приступили к его лечению и приложили всякое тщание и старание — недуг не пошел на улучшение. А Кабус был к нему сильно привязан. И вот один из слуг сказал Кабусу, что в такой-то караван-сарай прибыл некий юноша, сильный врач, с руками, благословенными богом; несколько человек из его рук получили исцеление.

Кабус приказал: «Найдите его и приведите к больному, пусть возьмется за его лечение: одни руки [и впрямь] бывают благословеннее других».

Затем Абу 'Али нашли и привели к больному. Он увидел юношу поразительной красоты, стройного, с едва пробившимся пушком на лице и удрученного. Тогда он присел рядом, взял его руку, чтоб узнать пульс, велел подать сосуд с мочой и рассмотрел его. Потом сказал: «Мне нужен человек, который знал бы все дома и кварталы Гургана». Такого человека || при- 122 вели и сказали: «Вот он!»

Абу 'Али положил руку на пульс больного и сказал: «Ну-ка, называй по порядку все кварталы Гургана!» Тот начал и называл кварталы Гургана, пока не дошел до одного квартала, при [упоминании] о котором пульс больного странно дрогнул. Тогда Абу 'Али

сказал: «Назови улицы этого квартала». Тот человек называл, пока не дошел до названия одной из улиц, при котором это странное движение повторилось.

Тогда Абу 'Али сказал: «Нужен человек, который знал бы все дома на этой улице». [Такого] привели, и он стал называть дома, пока не дошел до такого дома, когда это движение повторилось вновь. Абу 'Али сказал: «Теперь нужен человек, который знал бы по именам всех жителей этого дома и мог бы их назвать». Привели и такого. Он стал называть, пока не дошел до одного имени, при котором это движение возникло снова.

Тогда Абу 'Али сказал: «Теперь все». Затем обратился к доверенным Кабуса и сказал: «Этот юноша влюблен в девушку, которую зовут так-то, из такого-то дома, такой-то улицы, такого-то квартала. И лекарство для него — соединение с этой девушкой, и исцеление его — свидание с ней».

Большой прислушивался, и все, что говорил Абу 'Али, он услышал. От смущения он спрятал голову под одеяло.

Когда навели справки, выяснилось, что так оно и было, как сказал ходжа Абу 'Али. Затем все это доложили Кабусу. Кабус крайне удивился и сказал: «Приведите его ко мне!» Ходжу Абу 'Али привели к нему, а у Кабуса был портрет Абу 'Али, который прислал султан Ямин ад-Даула.

123 Когда Абу 'Али предстал перед ним, он спросил: «Ты — Абу 'Али?» Тот ответил: «Да, о великий государь!» Кабус встал с трона, прошел навстречу ему несколько шагов и || заключил его в объятия. И сел с ним рядом на одну из подстилок пред троном. И оказал ему почести, расспросил его по-хорошему и сказал: «Наипревосходнейший из совершеннейших ученых и философов откроет, конечно, свойство этого лечения?»

Абу 'Али сказал: «Когда я увидел пульс и сосуд с мочой, для меня стало очевидно, что недугом его является любовь и от скрывания тайны он дошел до такого состояния. Если спросить его, он не скажет правды. Тогда я положил руку на его пульс; стали перечис-

лять по названиям кварталы, и, когда дошли до квартала [его] возлюбленной, любовь вострепнула его, движение передалось в сердце — и я понял, что она из этого квартала. Я сказал, чтоб называли улицы. Когда он услышал название улицы своей любимой, произошло то же самое — [и] я узнал улицу. Я велел называть дома. Дошло до дома возлюбленной, и проявилось то же состояние — я узнал и дом. Я сказал, чтоб назвали по именам всех жильцов дома. Когда он услышал имя своей любимой, он крайне смутился — так я узнал и возлюбленную. После этого я назвал ее ему, он не мог отрицать и признался».

Кабус крайне удивился такому способу лечения и долго пребывал в изумлении, и поистине это изумление было уместным! Потом сказал: «О наивосходнейший из совершеннейших ученых! И юноша и девушка — дети моих сестер и друг другу двоюродные. Установи благоприятный момент — и мы устроим их свадьбу».

Затем ходжа Абу 'Али установил наиболее благоприятный момент и устроили свадьбу. И этот прекрасный юноша-принц оправился от того страдания, которое чуть не свело его в могилу.

После этого Кабус одарил ходжу Абу 'Али всем, что было самого лучшего. И тот поехал в *Рей и сделался везиром *шахиншаха 'Ала ад-Даула. И все это само по себе известно из истории дней ходжи Абу 'Али ибн Сины. ||

РАССКАЗ [ШЕСТОЙ] 124

Автор [книги] * «Совершенная в искусстве» был врачом у * 'Азуд ад-Даула в Фарсе, в городе * Ширазе. И в этом городе был один носильщик, который поднимал на спину четырехста и пятьсот * манов кладв. И каждые пять-шесть месяцев у него появлялись в голове боли, и он не находил себе места и десять — пятнадцать дней оставался в таком состоянии.

Один раз у него начались эти головные боли и продолжались семь-восемь дней, и уже несколько раз он пытался наложить на себя руки.

И вот случилось так, что этот великий врач проходил в тот день возле дома носильщика. Братья носильщика выбежали к нему, воздали ему хвалу, заклинали его богом — *велик он и славен!* — и рассказали врачу о состоянии брата и его головных болях. Врач сказал: «Покажите его мне!» Тогда носильщика привели к нему. Врач взглянул на него, [увидел], что это человек огромного роста, могучего сложения; на ногах у него пара таких [больших] башмаков, что каждая нога, должно быть, была весом в полтора мана. Затем выслушал его пульс и велел дать для исследования его мочу. Сказал: «Ведите его со мной в степь». Это исполнили.

Когда пришли в степь, врач сказал своему *гуламу: «Сними с головы носильщика чалму, набрось ему на шею и затяни потуже!» Затем сказал другому гуламу: «Сними с его ног башмаки и ударь его раз двадцать по голове». Гулам это исполнил. Сыновья носильщика подняли крик. Но врач был окружен свитой и вельможей, и они ничего не могли сделать.

Затем он сказал гуламу: «Возьми за конец эту чалму, что у него на шее, садись на моего коня и погоняй, таща его за собою». Гулам это исполнил и так долго его гонял по степи, что у того хлынула кровь из носу. Врач сказал: «Теперь отпусти!» [Гулам] отпустил.
125 А кровь все продолжала идти и была зловоннее, чем || падаль.

Во время этого кровотечения человек заснул, и из носу его вышло крови весом *дирхемов в триста, и [тогда] она остановилась.

После этого его привнесли обратно и внесли в дом. Он не проснулся и целые сутки оставался спящим. И эта головная боль у него прошла, больше не требовала лечения и не повторялась.

'Азуд ад-Даула спросил у врача о свойстве этого лечения. Тот сказал: «О падишах! Эта кровь, что была у него в мозгу, не такое вещество, которое можно было бы удалить с помощью очистительного из алоэ. И против него не было другого способа лечения, кроме того, что я применил».

РАССКАЗ {СЕДЬМОЙ}

Меланхолия — это недуг, в лечении которого врачи бессильны. Хотя все болезни душевного угнетения бывают затяжными, но меланхолия особенно долго не проходит. И *Абу-л-Хасан ибн Яхйа в книге «Гипократово лечение», равной которой никто не создал в медицине, перечислил некоторых из имамов, врачей, ученых и философов, кои были поражены сим недугом.

А мне рассказал мой учитель шейх ал-имам Абу Джа'фар ибн Мухаммад Аби Са'д ан-Нашави, известный под [прозвищем] || Сарах, [который слышал] от 126 шейха имама Мухаммада ибн Акил ал-Казвини, а тот — от эмира Фахр ад-Даула Бакалиджара ал-Буйи, что у одного из знатных рода *Буидов появилась меланхолия. И недуг этот проявился у него таким образом, что он представлял себя быком. По целым дням он ревел и говорил то тому, то другому: «Зарежьте меня: ведь из моего мяса выйдет хороший суп». И дело дошло до того, что он перестал есть, и шли дни, а он голодал. И врачи от лечения его отступились.

А ходжа *Абу 'Али в то время был везиром, и *шахишах 'Ала ад-Даула Мухаммад ибн Душманзийар благоволил к нему. Все управление он вложил в его руки и все дела предоставил его суждению и решению.

И воистину после Александра, у которого везиром был Аристотель, ни у одного царя не было такого везира, как Абу 'Али.

И в то время, когда Абу 'Али был везиром, каждый день он вставал до зари и сочинял два листа [для] книги «Исцеление». А когда занималось истинное утро, он принимал учеников, таких, как: *Кийа Раис Бахманйар, *Абу Мансур ибн Зилле, *Абд ал-Вахид Джузджани, Сулайман Димишки и я — Бакалиджар. Так что до дня мы твердили уроки и вместе с ним совершали намаз. Ко времени выхода его из дому у дверей его собиралась тысяча всадников из числа знатных и именитых, заявителей нужд и подателей прошений. ||

Ходжа садился на коня, и собравшиеся с почтением его сопровождали.

Когда он подъезжал к дивану, всадников было уже две тысячи. Затем в диване он оставался до полуденного намаза, а когда возвращался, шел к столу и целое общество вкушало хлеб вместе с ним.

Потом он предавался послеобеденному сну, а когда вставал, совершал намаз и отправлялся к шахиншаху. И до следующего намаза между ними происходило совещание и обсуждение по важным вопросам государства. Они были с глазу на глаз, третьего никогда не было. И цель этого рассказа — показать, что у ходжи не было и минуты свободной.

Так вот, когда врачи отступились от лечения того юноши, об этом обстоятельстве рассказали шахиншаху, великому государю 'Ала ад-Даула и побуждали его сказать ходже, чтобы тот взялся за лечение того юноши. 'Ала ад-Даула дал указание, и ходжа согласился.

Затем [ходжа] сказал: «Сообщите тому юноше радостную весть: идет мясник, чтобы тебя зарезать». И тому юноше сказали. Он обрадовался.

Тогда ходжа сел на коня, в сопровождении толпы подъехал к дверям дворца, где жил больной, вошел с двумя людьми, взял в руки нож и сказал: «Ну, где этот бык, чтобы мне его зарезать?» Тот юноша заревел, словно бык, — здесь, мол. Ходжа сказал: «Отведите его во внутренние покои дворца, свяжите ему передние и задние ноги и повалите!» Как только больной это услышал, он сорвался места, вбежал во внутренние покои и лег сразу же на бок. И ноги его крепко связали.

После этого ходжа Абу 'Али подошел, поточил нож об нож, наклонился и положил руку ему на бок, как это в обычае у мясников. Потом сказал: «Вах! Что за тощий бык! Не стоит его резать. Дайте ему корма, пусть потучнеет». Поднялся и вышел. И сказал людям: «Развяжите ему руки и ноги и принесите еды, то, что я прикажу. И скажите ему: „Ешь, тогда скоро потуч-

Так и сделали, как сказал ходжа. Принесли ему еды, и он съел. И после этого ему давали все из напитков и снадобий, что приказывал ходжа, и говорили: «Ешь хорошенько! От этого быки быстро тучнеют». Он слушался и ел в надежде потучнеть, чтобы его зарезали. Затем врачи приступили к его лечению так, как распорядился Абу 'Али.

Спустя месяц он вошел в разум и обрел здоровье. И все рассудительные люди понимают, что такое лечение можно применить только на основе превосходной мудрости, совершенной учености и проницательности.

РАССКАЗ [ВОСЬМОЙ]

Во времена *Малик-шаха и отчасти во время *Санджара был в Герате некий философ и звали его Адиб Исма'ил. Это был человек чрезвычайно достойный, просвещенный и совершенный, а все имущество его и средства к жизни были от доходов по врачеванию. И с ним связано много случаев редкостных исцелений. Так, проходил он как-то по базару, где торговали убоиной. Какой-то мясник обдирал барана и время от времени запускал руку во внутренности барана, вынимал теплый жир и ел.

Когда ходжа Исма'ил увидел это обстоятельство, он сказал бакалейщику, что торговал напротив: «Если случится так, что этот мясник умрет, извести меня, прежде чем его похоронят!» Бакалейщик сказал: «Обещаю».

После этого случая прошло пять-шесть месяцев. Однажды поутру пришла весть, что прошлой ночью тот мясник внезапно умер, без всякой причины и болезни, которой бы страдал.

На оплакивании покойного оказался и тот бакалейщик. Он увидел людей в растерзанной одежде; все скорбели о том, что [умерший] был молод и оставил после себя малых детей. Тогда [тому] бакалейщику пришли на память слова ходжи Исма'ила. Он побежал и известил его.

Ходжа Исма'ил сказал: «Долго же он не умирал!» Затем взял посох и направился в тот дом. Он поднял покрывало с лица покойного, || нащупал рукой его пульс и приказал одному, чтобы тот бил посохом по его ступням. И когда прошло некоторое время, сказал ему: «Довольно!» Затем принялся пользоваться его от апоплексии, и на третий день покойный встал, и хотя он остался наполовину парализованным, но прожил долгие годы.

Люди этому поражались, а тот достойный уже заранее видел, что того мясника ждет паралич.

РАССКАЗ (ДЕВЯТЫЙ)

Шейх ал-ислам * 'Абдаллах Ансари — *да освятит Аллах его душу!* — питал слепую ненависть к этому ходже, много раз покушался на него и сжигал его книги.

И ненависть эта шла от религиозного убеждения, потому что гератцы верили, что ходжа может воскрешать мертвых, а он эту веру простонародья считал вредной.

Но вот шейх заболел. И во время болезни появилась предсмертная икота. И сколько ни пользовали его врачи, улучшения не наступало и они отчаялись. Наконец в полной безнадежности сосуд с мочой шейха послали тому ходже и попросили у него средства лечения для другого лица.

Ходжа Исма'ил, когда посмотрел сосуд с мочой, сказал: «Это моча такого-то. У него уже появилась предсмертная икота, и здесь все оказались бессильными. А вы скажите ему, пусть растолкут одну меру скорлупы фисташки с одной мерой * аскарского сахара и дадут ему, дабы он исцелился. И скажите еще: науки следует изучать, а книги сжигать не следует».

Затем из этих двух вещей приготовили порошок и больной его принял. Икота сразу же прекратилась и больной успокоился. ||

РАССКАЗ [ДЕСЯТЫЙ] 130

Во времена Галена у одного из знатных города Александрии заболела кисть руки. Боль стала непереносимой и никак не успокаивалась. Известили Галена. Он предписал мазь, чтобы ее приложили к лопатке больного. Сделали так, как велел Гален. Боль сразу затихла и больной выздоровел. Врачи были в недоумении. Затем они спросили у Галена: «Что это было за лечение, которое ты применил?» Он ответил: «Тот нерв, что бодел в кисти руки, исходит из лопатки. Я пользовал корень, и выздоровела ветвь».

РАССКАЗ [ОДИННАДЦАТЫЙ]

У *Фазла ибн Яхьи Бармакида появились на груди признаки проказы. Он до крайности опечалился и в баню стал ходить ночью, дабы никто об этом не узнал. Затем он собрал *надимов и спросил: «Кого сегодня считают самым искусным врачом в Ираке, Хорасане, Сирии и *Фарсе? И кто в этом отношении наиболее известен?» Сказали: «Католикос Фарса».

Он послал в *Шираз человека, и [тот] доставил католикоса из Фарса в Багдад. Он уединился с ним тайно и, желая испытать его, сказал: «У меня какая-то слабость в ногах. Надо назначить лечение». Католикос сказал: || «Должно воздержаться от всего молочного и 131 кислого, есть должно гороховый суп с мясом годовалой курицы и халву. И должно [еще] смешать куриный желток с медом и принимать это. Когда этот порядок в пище будет полностью устоявлен, я назначу лекарства». Фазл сказал: «Так сделаю».

Затем Фазл в тот вечер ел все по своему обыкновению. Приготовили густой суп; он всему отдал должное и не воздержался от кислых лепешек и бобов, сваренных в масле с пряностями.

На другой день католикос пришел, попросил сосуд с мочой. Лицо его вспыхнуло, и он сказал: «Я не могу лечить. Я запретил тебе острое и молочное, [а] ты ешь

густой суп и не остерегаешься * каме и маринадов. Лечение не будет сообразно».

Тогда Фазл ибн Яхйа похвалил того великого за искусность, показал ему свою болезнь и сказал: «Я позвал тебя вот по этому серьезному делу, а то, что я сделал, было испытанием».

Католикос взялся за лечение и сделал все, что было в этом деле [возможным]. Прошло время, а пользы не было, и католикос выходил из себя, ибо дело было несложное, а так затянулось.

И вот однажды он сидел с Фазлом ибн Яхйа и 132 сказал: «О || великий владыка! Все, что есть из лечения, я сделал, — никакого действия не оказало. Может быть, отец [твой] недоволен тобой? Удовольствуй отца, дабы я мог избавить тебя от этого недуга». В тот же вечер Фазл собрался, пришел к Яхйе, упал ему в ноги и молил его о примирении. И старый отец остался им доволен. Католикос продолжал пользоваться его теми же способами, и он стал поправляться. Прошло немного времени, и исцелился совсем.

Затем Фазл спросил у католикоса: «Как ты узнал, что причина недуга — недовольство отца?» Католикос ответил: «Я применил все средства, какие только есть, — пользы не было. Я сказал себе: кто-то несет злобу на этого великого человека. Посмотрел и не нашел никого, кто бы засыпал по ночам в недовольстве тобой и в обиде. Напротив, многие услаждены милостями твоими, дарами и пожалованиями. Пока не дошла до меня весть, что на тебя в обиде отец и между тобой и им есть вражда. Я понял, что все дело в этом, и назначил сие лечение. [Причина] устранилась, и предположение мое не оказалось ошибочным».

После этого Фазл ибн Яхйа обогатил католикоса и отправил обратно в Фарс.

РАССКАЗ [ДВЕНАДЦАТЫЙ]

В году пятьсот сорок седьмом [1152/53], когда между султаном мира * Санджаром ибн Малик-шахом и господином моим * Ала ад-Дунйа ва-д-Дин ал-Хусайном

ибн ал-Хусайном — да сделает Аллах вечным царство и господство тех обоих! — произошло сражение у ворот * Аубе и войско * гуридов поразила злая судьба, я, раб, обретался в Герате на положении скрывающегося, ибо относился я к * Гуру. А враги [гуридов] || всякое [на них] ¹³³ наговаривали и злорадствовали.

И вот в это время, как-то вечером, оказался я в доме некоего благородного человека. Когда мы откушали хлеба и я вышел по надобности, то тот достойный человек, благодаря которому я попал туда, видимо, расхвалил меня [в мое отсутствие]: мол, люди знают его как поэта, но и кроме своего стихотворства это просвещенный человек, многосведущий и в астрологии, и в медицине, и в составлении документов, и в другом.

Когда я вернулся в собрание, хозяин дома окружил меня совсем иным почетом, [таким], как делают люди по отношению к тем, в ком нуждаются. А через некоторое время подсел ко мне и сказал: «О такой-то! У меня есть дочь, и, кроме нее, у меня нет никого, и есть богатство. У этой дочери такая болезнь, что во время месячных очищений она теряет десять — пятнадцать * манов крови и совсем слабеет. Мы советовались с врачами, несколько человек ее лечило — никакой пользы. Если перевяжут — живот вздувается и она терпит боли, а если освободят — начинается кровотечение и появляется слабость. И я боюсь, не дай бог, как бы вдруг силы ее совсем не оставили!»

Я сказал: «В этот раз, как болезнь проявится, извести меня!» И вот прошло дней десять, явилась за мной мать больной.

Она вывела ко мне свою дочь. Я увидел девушку до крайности красивую, [но] испуганную и отчаявшуюся в жизни. Тут же она упала мне в ноги со словами: «О отец! Помоги мне ради господа, ведь я молода и не видела жизни!», так что слезы брызнули у меня из глаз. Я сказал: «Успокой свое сердце, ведь это нетрудное дело».

Затем я положил руку на ее пульс — нашел его сильным, цвет лица и облик ее были как должно, и из десяти условий [здоровья] большая часть наличество-

134 вала, как: полнокровие и крепость || сложения, вид и цвет лица, возраст, время года и климат города, образ жизни, благоприятные симптомы и искусство [врача].

Я позвал цирюльника и велел ему вскрыть у нее на обеих руках внутренние вены и удалил от нее всех женщин. Потекла испорченная кровь. Затем, надавливая и ослабляя, я выпустил крови весом * дирхемов в тысячу. И больная лишилась чувств.

Тогда я приказал развести огонь, и стал жарить подле нее кебаб, и перевертывал [над огнем] птицу, пока дым от жареного мяса не наполнил весь дом и не проник ей в нос. И она пришла в себя, шевельнулась и застонала.

Затем она выпила * шербета, я приготовил ей для успокоения бодрящее снадобье и пользовал ее одну неделю. Кровь восстановилась, та болезнь исчезла, и месячные очищения пришли в порядок. И я ее называл «дитя», а она меня — «отец», и ныне она для меня то
135 же, что и другие [мои] дети. ||

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

135

Цель написания сего трактата и изложения сих глав — не в том, чтобы показать [свою] образованность, и не в том, чтобы напомнить о своих заслугах, а в первичном наставлении и совершенствовании господина [моего] *великого властителя, богом воспобляемого и победоносного *Хусам ад-Даула ва-д-Дина, помощи ислама и мусульман, опоре войск [всех] миров, гордости царей и султанов, искоренителя неверных и многобожников, покорителя еретиков и раскольников, заступника наших дней, предстателя за человечество, мышцы халифства, красы народа, величии общины, устроителя арабов и персов, благороднейшего в мире, солнце добродетелей, царя эмиров Абу-л-Хасана 'Али ибн Мас'уда ибн ал-Хусайна, сподвижника эмира правоверных — да продлит Аллах его славу и процветание его в счастье да преумножит!* Достоинством его прославляется царство и служением его первенствует держава!

Господь, пресвятой и всевышний, да не престанет украшать государство великолением его, а царство — совершенством его!

И да усладятся очи [другого] сына господина, царевица, богом воспобляемого и победоносного, *Шамс ад-Даула ва-д-Дина красотой жизни его и души его! И да будет божие убережение и государево попечение кольчугой на стане величия и || беспорочия их обоих! 136

И сердце господина [моего], *предстателя за человечество, великого владыки, богом воспобляемого и победоносного, *Фахр ад-Даула ва-д-Дина, светоча ислама и мусульман, царя царей ал-Джабала*, да обрадует здравием их обоих не на долгий срок, а во веки веков! Окончена книга.

ПРИМЕЧАНИЯ ¹.

Аббасидские халифы — правители из династии Аббасидов (см.).

Аббасиды (749—1258) — арабская династия. В пору своего расцвета аббасидская империя (аббасидский халифат) занимала территорию от Атлантического океана до Индии, со столицей в Багдаде.

'Абд ал-Вахид Джузджани — Абу 'Убайд ибн Мухаммад — ближайший ученик Авиценны (Абу 'Али ибн Сина — см.), неотлучно находившийся при нем с 1012/13 г. и собравший после его смерти его работы.

'Абдаллах Ансари (1005—1088) — Абу Исма'ил 'Абдаллах ибн Абу Мансур Мухаммад Ансари из Герата, по прозвищу «Пир-и Ансар» («Старец Ансар»), — известный поэт-суфий, автор философско-религиозных стихотворений и трактатов.

'Абд ал-Хамид — вероятно, имеется в виду 'Абд ал-Хамид ибн Яхйа ибн Са'ид дабир (см.) Марвана II (744—756), последнего из Омейядских халифов.

Абиварди — Абу-л-Музаффар Мухаммад ибн Ахмад ибн Мухаммад ал-Кураши ал-Умави ал-Абиварди — известный арабоязычный поэт и филолог. Ум. в 1113/14 г. в Исфахане.

Абу 'Аббас ар-Рабинджани — Фазл ибн 'Аббас — поэт X в. Происходил из Рабинджана (Арбинджана), селения, расположенного между Самаркандом и Бухарой. Из стихов его дошли только отдельные строки.

Абу 'Абдаллах Джа'фар ибн Мухаммад ар-Рудаки — см. Рудаки.

Абу 'Али — см. Абу 'Али ибн Сина.

---

¹ Примечания составлены З. Н. Ворожейкиной.

- Абу 'Али ибн Сина — Ибн Сина (европейская форма имени — Авиценна) — великий средневековый философ-энциклопедист, естествоиспытатель, врач, математик, поэт и музыковед. Род. в 980 г. в Бухаре, ум. в 1037 г. в Хамадане. Его важнейшие труды (на араб. яз.): «Канон» — медицинская энциклопедия в пяти частях, служившая вплоть до XVII в. учебным пособием для медиков Востока и Европы, также «Книга исцеления» и «Книга знания». Низами 'Арузи в ряде мест называет Авиценну почетным прозвищем *Худжжат ал-хакк* — «Доказательство Истины».
- Абу Бакр Авраки — Абу Бакр Зайн ад-Дин ибн Исма'ил Варрак из Герата — поэт-панегирист двух сельджукидских принцев: Туган-шаха ибн Алпарслана и Амиран-шаха ибн Кавурда. Ум. приблизительно в 1072/73 г.
- Абу Бакр Ахавайни — известный врач X в., житель Бухары. Его книга «Руководство для изучающих» — одно из самых старых медицинских сочинений на перс. яз.
- Абу Бакр Исхак Каррами — Абу Бакр Мухаммад ибн Исхак — глава секты каррамитов в Нишапуре во времена султана Махмуда (см.). Ум. в 994 г.
- Абу Исхак ибн Джуйбари — Ибрахим ибн Мухаммад, уроженец Джуйбара, селения, расположенного в предместье Бухары. Один из самых ранних персоязычных поэтов, упомянут в персидском толковом словаре Асади Туси (XI в.). Произведения его не сохранились.
- Абу-л-'Аббас Ма'мун — Ма'мун II, третий правитель из династии Хорезмшахов, зять Махмуда Газневида. Убит в 1016/17 г.
- Абу-л-Ма'али Рази — панегирист при дворе Гийас ад-Дина Ма'суда ибн Малик-шаха Сельджукида. Ум. в 1146/47 г.
- Абу-л-Мусал ад-Бухари — поэт саманидского круга, предшественник Рудаки (см.). Из стихов его дошли отдельные строки.
- Абу-л-Фарадж Руни — известный поэт, мастер придворной касыды, панегирист султана Ибрахима (1059—1099) из династии Газневидов и его сына Ма'суда (1099—1114). Ум. в 1130 г.
- Абу-л-Хайр Хуммар (942/43—991) — известный в свое время врач и философ, багдадский христианин.
- Абу-л-Хасан Агаджи — Абу-л-Хасан 'Али ибн Ил'яс ал-Агаджи ал-Бахрами — уроженец Бухары, один из эмиров при

дворе Саманидов (см.), покровитель поэта Дакики (см.). Из стихов его дошли отдельные строки.

Абу-л-Хасан 'Али Бахрами — поэт, автор известных в свое время не дошедших до нас персидских трактатов по просодии и рифме, которые часто цитируются в известной поэтике Шамс-и Кайса, составленной в 1232 г.

Абу-л-Хасан ал-Киса'и — один из выдающихся поэтов конца X — начала XI в.; литературная деятельность Киса' и связана сперва с саманидским, затем с газневидским дворами. Род. в 935 г. в Мерве.

Абу-л-Хусайн Ахмад Мухаммад ас-Сухайли — главный везир 'Али ибн Ма'муна Хорезмшаха и брата его Абу-л-'Аббаса Ма'муна Хорезмшаха, один из просвещеннейших людей своего времени. Ум. в 1027/28 г.

Абу-л-Хасан ибн Яхйа — Абу-л-Хасан Ахмад ибн Мухаммад ат-Табари — придворный врач (с 943 г.) буидского правителя Руки ад-Даула.

Абу Мансур Багдади — средневековый математик; ум. в 1037 г.

Абу Мансур ибн Абу Юсуф — малоизвестный поэт XII в. Низами 'Арузи встречал его в Герате в 1115/16 г.

Абу Мансур ибн Зилле — Абу Мансур ал-Хусайн ибн Мухаммад ибн 'Омар ибн Зилле ал-Исфахани — ученик Авиценны (Абу 'Али ибн Сина — см.). Ум. в 1048/49 г.

Абу Ма'шар Балхи — Абу Ма'шар Джа'фар ибн Мухаммад ибн 'Омар Балхи — известный астроном, автор многочисленных трудов по астрономии и математике. Ум. в 886 г.

Абу Музаффар Чагани — один из эмиров знатного среднеазиатского рода Мухтадж, правившего в Средней Азии во времена Саманидов и Газневидов; покровитель известных поэтов Дакики (см.) и Фаррухи (см.).

Абу Наср 'Аррак — Абу Наср Мансур ибн 'Али ибн 'Аррак — астроном и математик X в., автор многочисленных трудов, двенадцать из которых были посвящены им его современнику — знаменитому ученому Бируни (см.).

Абу Наср Кундури — Абу Наср Мухаммад ибн Мансур ибн Мухаммад — везир при дворе Сельджукидов; убит в царствование Алпарслана в 1064 г.

Абу Наср Парси — влиятельный государственный деятель при дворе Газневидов, покровитель поэта Ма'суда ибн Са'да

- ибн Салмана. Попал в немилость во время султана Ма'суда ибн Ибрахима; ум. в 1116 г.
- Абу Райхан Бируни (973—1048) — знаменитый арабоязычный ученый-энциклопедист, астроном, математик, историк и географ, также медик и филолог. Большую часть жизни прожил в Хорезме.
- Абу Сахл Масихи — Абу Сахл 'Иса ибн Яхья ал-Масихи Джурджани — известный врач и философ X в., один из учителей Авиценны (Абу 'Али ибн Сина — см.), близкий друг Бируни. Служил при дворе Ма'муна ибн Мухаммада Хорезмшаха и отца его Абу 'Аббаса Ма'муна. Ум. в 1000 г.
- Абу Ханифе-йи Искаф — панегирист султана Ибрахима ибн Ма'суда Газневида (1059—1099).
- «Августейшее мнение» — имеется в виду царь.
- Автор книги «Совершенная в искусстве» — имеется в виду 'Али ибн 'Аббас Маджуси, знаменитый врач средневековья. Ум. в 994 г.
- 'Аджам — так в сочинениях ранних арабских авторов именовались все неарабские страны, в частности Иран. Затем это название стало употребляться только применительно к Ирану и иранцам.
- Азраки — см. Абу Бакр Азраки.
- 'Азуд ад-Даула (949—983) — второй правитель династии Буидов, при котором государство Буидов достигло высшего могущества. Первым среди иранских правителей после арабского завоевания принял старинный персидский титул «шахиншах». Средневековые историки считали его «самым выдающимся государственным деятелем и полководцем, покровителем поэтов и ученых.
- Айаз — Абу Наджм Айаз — тулам-фаворит султана Махмуда Газневида. Ум. в 1057 г.
- Айат — стих Корана (см.).
- 'Ала ад-Дин — см. 'Ала ид-Дунйа ва-д-Дин Абу 'Али ал Хусайн ибн Хусайн.
- Ала ад-Дунйа ва-д-Дин Абу 'Али ал-Хусайн ибн Хусайн (1148—1156) — по прозвищу «Джахансуз» («Сжигающий мир»), правитель из династии Гуридов (см.), родной брат Фахр ад-Дунйа ва-д-Дина, при дворе которого служил Низами 'Арузи. Подробно о нем см. предисловие, стр. 7 и сл.

- 'Ала ад-Дунйа ва-д-Дин ал-Хусайн ибн ал-Хусайн — см. 'Ала ад-Дунйа ва-д-Дин Абу 'Али ал-Хусайн ибн Хусайн.
- 'Али — 'Али ибн Абу Талиб — ближайший последователь Мухаммада, его двоюродный брат и зять, четвертый и последний из так называемых «праведных» халифов. Был у власти с 656 по 661 г. Обожествляется шиитами (см.) как первый из двенадцати имамов (см.).
- 'Али Кариб — один из эмиров султана Махмуда Газневида (см.), с почетным титулом «Великий хаджиб». После смерти султана Махмуда служил его наследникам.
- 'Али Шатранджи — средневековый поэт, ученик известного поэта Сузани, который ум. в 1173/74.
- «Алмагест» — арабское наименование известного труда древнегреческого ученого Клавдия Птолемея (II в.) «Великое математическое построение астрономии в XIII книгах» (сокращенно «Мэгиств»), который оставался до XVI в. непревзойденным сводом всех астрономических сведений.
- Алпарслан (1063—1072) — второй правитель из династии Сельджукидов.
- Алтетин — наместник Хорасана при Саманидах, возвысившийся из гуламов-гвардейцев при Нухе. В 961 г. поднял восстание и был разбит Мансуром ибн Нухом. Ум. в 963 г.
- 'Ам'ак Бухари — Абу-н-Наджиб Шихаб ад-Дин 'Ам'ак Бухари — глава поэтов при дворе Хизр-хана, сына Тамгач-хана (1079—1080). Ум. в 1148/49 г.
- 'Амид — титул, который носили высокопоставленные административные лица в Иране в XI—XII вв.
- Амид Камали — эмир 'Амид Камал ад-Дин из Бухары, известный как Камали, поэт и музыкант, придворный славослов султана Санджара из династии Сельджукидов (1118—1158).
- 'Амр ибн Лайс (879—900) — второй правитель из династии Саффаридов (см.).
- Аму — р. Аму-Дарья.
- Аргаван — дерево с ярко-алыми цветами, «иудино дерево».
- 'Асджади — Абу Назар 'Абд ал-'Азиз ибн Мансур 'Асджади из Мерва — крупный поэт газневидского круга. Ум. в 1040 г. Из стихов его сохранилось всего 217 бейтов, разбросанных в средневековых антологиях и толковых словарях.
- Аскарский сахар — Мухаммад Му'ин соотносит название

этого сахара с древним городом Аскаротом, находившимся в области Хузистан.

Аубе — древнее селение, лежавшее неподалеку от Герата (см.).

Афрасийаб — персонаж поэмы Фирдауси «Шах-наме», мифический царь Турана, враждебный Ирану.

Ахмад 'Абд ал-Джалил Саджизи (962—990) — знаменитый средневековый математик и астроном.

Ахмад ибн 'Абдаллах ал-Худжастани — один из наместников при Тахиридах, затем при Саффаридах. Отложился при Саффаридах и правил в течение шести лет Хорасаном. Был убит в 882 г.

Ахмад ибн ал-Хасан ал-Майманди — молочный брат и везир султана Махмуда Газневида (см.), с 1025 г. — везир султана Мас'уда. Был признанным стилистом, носил почетное прозвание *Шамс ал-куфат* («Солнце силы»). Ум. в 1033 г.

Ахмад ибн Хасан ибн Маймун — см. Ахмад ибн ал-Хасан ал-Майманди.

Ахмад-и Хасан — см. Ахмад ибн ал-Хасан ибн ал-Майманди.

Ахмад-и Хасан Маманди — см. Ахмад ибн аль-Хасан ал-Майманди.

Ахмад-и Хасан Катип — см. Ахмад ибн ал-Хасан ал-Майманди.

Баверд — или Абиверд — древний город в Хорасане, находившийся между Серахсом и Нисой на месте нынешнего городища Пиштак на территории Туркменской ССР.

Бадгис — в арабских источниках X в. так называлась область, расположенная к северо-западу от Герата (см.), между Гератом и Серахсом. Позже это наименование распространилось на всю территорию, лежащую между Герирудом и Мургабом. Орошаемый многочисленными ручьями, среди которых много притоков Мургаба, Бадгис в средние века славился на всю Среднюю Азию своими пастбищами, обильными выпасными лугами.

Байхак — город и область в Хорасане, неподалеку от Нишапура. По сообщениям средневековых авторов, это была обширная и цветущая область, насчитывавшая триста двадцать селений.

Бал'ами — Абу 'Али Мухаммад ибн Мухаммад ибн 'Абдаллах ат-Темийан Бал'ами — везир Мансура I сына Нуха Самарканда,

для которого он перевел с арабского на персидский известную историю Табары. Ум. в 996 г.

Бамийанский двор — царский двор в Бамийане, столице Тохаристана, где правила Бамийанская ветвь Гуридов (см.).

Подробно см. предисловие, стр. 5 и сл.

Барбад — поэт, певец и музыкант при дворе сасанидского государя Хусрау Парвиза (590—628). Имя Барбада стало нарицательным для обозначения искусного поэта-певца вообще.

Бармакиды — известный иранский везирский род, ведущий свое начало от Бармака, жреца при храме Нау-Бахар в г. Балхе, владевшем огромными богатствами. Бармакиды играли значительную политическую роль во второй половине VIII в. В 803 г. по приказу халифа Харуна ар-Рашида было произведено почти поголовное истребление Бармакидов.

Барсхан — древний город в Восточном Туркестане, расположенный неподалеку от Хотана.

Бахрам-шах (1118—1152) — двенадцатый правитель из династии Газневидов.

Бахтишув — представитель известной фамилии потомственных врачей, багдадских христиан. Здесь имеется в виду один из двух Бахтишув: или Бахтишув ибн Джуридjis — врач Харуна ар-Рашида (ум. в 801 г.), или его внук — Бахтишув ибн Джабра'ил (ум. в 870 г.).

Бейт — единица стиха в арабской и персидской поэтике. Состоит из двух полустиший, которые в крупных стихотворных формах (поэмах — так называемых месневи) рифмуют между собой по схеме: *aa bb vv... xx*. В малых поэтических формах, преимущественно монорифмичных, первое полустишие остается свободным (в касыдах и газелях — за исключением первого бейта), вторые полустишия несут одну сквозную рифму по схеме: *ab ab' ab' ... xb* или *aa ba va ...xa*.

Берат — указ на выдачу царского пожалования.

Бирунн — см. Абу Райхан Бируни.

Бугра-хан — Махмуд I Бугра-хан, правитель из тюркской династии Илек-ханов, царствовавшей в Туркестане. Умер приблизительно в 1033—1043 гг.

Бузурджмехр Канин — Эмир Абу Мансур Касим ибн Ибрахим — второстепенный поэт газневидского круга; жил в первой половине XI в., писал по-персидски и по-арабски.

Буйды — феодальный род из Мазандарана, правивший с 932

по 1055 г. При «Азуд ад-Даула (см.) государство Бундов со столицей в Ширазе занимало весь Иран до Сннда, за исключением Хорасана, Систана и Табаристана, и Ирак.

Букаламун — 1) хамелеон; 2) ткань радужной расцветки. В переносном значении — разноцветный, пестрый, переливающийся разными красками.

Бундар — Бундар Рази — поэт, писавший по-персидски, по-арабски и на рейском диалекте; ум. в 1029 г.

Бурхани — Абдаллах Бурхани из Нишапура — придворный поэт сельджукского круга, отец известного поэта Му'иззи. Ум. в 70-х годах XI в.

Бустан — плодовый сад.

«Вакфные распоряжения» — здесь: пожертвования или завещание на богоугодные дела.

Варсад (Варшад) — область в Гуре, где была резиденция Кутб ад-Дина Мухаммада Гурида. Подробно см. предисловие, стр. 5.

Вассалам! — арабская эпистолярная формула, ставящаяся в конце письма. Букв.: «И мир!», в значении: «Вот и все!». «И все тут!»

«Ведь самый благородный из вас пред Аллахом — самый благочестивый» — Коран, XLIX, 13.

«Великая книга» — Коран (см.).

«Великий опыт» — название сочинения по астрономии Хасана ибн ал-Хасиба, астронома VIII в.

«...владыка гороскопа султана был возвращающимся...» — т. е. основная звезда, определяющая судьбу султана, занимала положение «возвращения», а не «выхода».

«Владыка обоих миров и предводитель людей и духов» — пророк Мухаммад.

«Властитель Джабалы» — см. Гуриды.

«...влияние отцов мира высшего проявилось в матерях мира низкого...» — автор имеет в виду влияние семи планет (по средневековым астрологическим представлениям это Венера, Луна, Марс, Меркурий, Сатурн, Юпитер и их властелин — Солнце) на четыре элемента-первостихии (огонь, вода, воздух, земля), составляющие по древней теории материальный мир.

В мире о шах. — три Низами... — даем подстрочный перевод:

В мире нас [целых] три Низами, о шах!
 Так что весь мир о нас кричит.
 Я — в Варсаде, пред троном шаха,
 А те двое — в Мерве, пред султаном.
 Понстине в [искусстве] слова в наши дни
 Каждый из них — слава Хорасана.
 И хотя, как Душа, слагают они стихи,
 Как Разум, владеют словом,
 Я — Вино, и лишь вступлю с ними в единоборство.
 Оба они уже неспособны к своему делу.

«Возвышает Аллах тех из вас, которые уверовали, и тех, кому дано знание, на высокие степени» — Коран, LVIII, 12.

«...Возле шатра царя победоносного...» — в издании дивана Фаррухи этому бейту предшествуют еще четыре бейта, выпущенные у Низами *Арузи (ديوان حکيم فرخى سيستانى با) «مقدمه و حواشى و تعليقات... بکوشش محمد دبير سياقى، تهران، ۱۳۳۵».

Вослевать тогда лишь прибыльно... — даем подстрочный перевод.

Благословение и хвала [царю] тогда дает прибыль.
 Когда в казне происходит убыток.

«...восхваляемой его в том искусстве была Ситти Зайнаб...» — т. е. он адресовал свои панегрики Ситти Зайнаб.

Врага опасного, о шах, карай сурово... — даем подстрочный перевод:

В оковах твоих, о шах, подобает быть Малик-шаху,
 Дабы оковы твои терли ноги венценосца.
 А тот, кто происходит от Са'д-и Салмана,
 Даже если станет ядом, государству твоему не повредит.

«Вся дичь в животе онагра» — т. е. онагр — лучшая дичь (арабская пословица).

«Всякая вещь гибнет, кроме Его лика» — Коран, XXVIII, 88

«выступил из Хилле к Багдаду» — Низами 'Арузи в данном случае ошибается: Садаке выступил против Малик-шаха, а не против халифа Мустахира, имевшего резиденцией Багдад.

В этой книге есть доля труда Бу-Дулафа немалая... — даем подстрочный перевод:

В [составлении] этой книги есть доля
Али Дайлама и Бу-Дулафа — знаменитых
[сего] города.

Не слышал я от них ничего, кроме похвал,
Так что лопнуть готов мой желчный пузырь
от их похвал

Хуйайи Кутайба из благородных
Не требует от меня поэзии бесплатно.
Знать не знаю, что такое харадж.
Валяюсь в мягких подушках!

Газзи — Абу Исхак Ибрахим ибн Яхйа ибн 'Усман ибн Мухаммад ал-Калби, известный арабский поэт; ум. в 1130 г. в Балхе.

Газна (Газнин) — главный город древней провинции Забулистан, столица обширного государства Газневидов, крупнейший средневековый центр науки и искусства. Развалины старого города лежат приблизительно в 25 км от современной Газны, входящей ныне в Кабульскую провинцию Афганистана. Подробно о Газне см. предисловие, стр. 8 и сл.

Гатфарский кипарис — Гатфар — один из кварталов средневекового Самарканда, славившийся красотой своих кипарисов.

Герат — древний город (и область) Хорасана, крупнейший административный, торговый и культурный центр Азии начиная с X в.; накануне монгольского нашествия насчитывал свыше миллиона жителей. Ныне расположен на северо-западе Афганистана.

Гийас ад-Дунья ад-Дин Мухаммад ибн Малик-шах (1104—1117) — седьмой правитель дома Сельджукидов.

«Гордыня против гордеца — милостыня» — т. е. отвечать гордецу гордостью столь же благородно, как подать милостыню бочняку.

ре которого служил Низами 'Арузи имел двух сыновей: Шамс ад-Дина Мухаммада, впоследствии ставшего вторым правителем Бамийанской ветви Гуридов (ум. не ранее 1190 г.), и Хусам ад-Дина Абу-л-Хасана 'Али (см.). Подробно о Гуридах см. предисловие.

«Гурхан Хитая сразился с султаном мира Санджаром» — это событие имело место в 1141/42 г. и известно в истории как Катванская битва, по названию одного из предместий Самарканда. Победа в этом сражении определила возвышение тюркской династии Кара-хитаев, или Гурханов, которая царствовала затем в течение 80 лет.

Гушйар — см. Гушйар Джили.

Гушйар Джили — Кийа Абу-л-Хасан Гушйар ибн Лаббан ибн Башахри из Гиляна — знаменитый астроном X в.

Дабир — секретарь, письмоводитель, писец.

«...дабы отомстить за тех двух царей, праведников и мучеников» — имеются в виду Кутб ад-Дин Мухаммад и Сайф ад-Дин Сури — братья 'Ала ад-Дина из рода Гуридов (см.), которых убил в Газне в 1149 г. Бахрам-шах Газневид. Мстя за смерть братьев, султан 'Ала ад-Дин в течение семи суток жег и грабил Газну. Бахрам-шах бежал в Хиндустан еще до прихода 'Ала ад-Дина. Подробно об этом событии см. предисловие, стр. 9 и сл.

Дакики — замечательный поэт, предшественник Фирдауси в создании героического эпоса «Шах-наме» (1003 бейта Дакики Фирдауси включил в свой труд). Начал свою литературную деятельность при дворе Абу Музаффера Чагани (см.), затем был придворным панегиристом Бухарского двора. Убит около 980 г.

Данг — старинная мелкая разменная монета, равная одной шестой части дирхема (см.). Как мера веса в указанное время — около 0,5 г.

«Действия небесных тел» — сочинение известного астронома конца XI в. Абу Хатама Музаффера Исфизари (см. Музаффар Исфизари).

Декламатор — придворные поэты в средневековом Иране нередко выступали в сопровождении так называемых «равн» — рапсодов, обычно красивых юношей с хорошими голосами, которые декламировали на торжественных приемах их стихи.

- «Деньги чет и нечет» — иранский ученый Мухаммад Му'ин, издатель критического текста Низами 'Арузи, высказывает предположение, что название этих раздариваемых денег восходит к старинной иранской народной игре «чет или нечет». Игра заключается в том, что один из играющих берет в руку несколько монет, орехов или других мелких предметов и просят другого отгадать, четное их число или нечетное; если ответ правильный, угадавший забирает себе орехи или др.
- Дехкан — в средневековой литературе под термином *дехан* подразумевался землевладелец, чаще всего крупный, владелец целой области. Иногда этим термином обозначался мелкий свободный землевладелец.
- Джаухари — имеется в виду Абу-л-Мухаммад ибн 'Омар Джаухари, малоизвестный поэт первой половины XI в.
- Джейхун — арабское название Аму-Дарьи.
- Диван — 1) книга стихов, сборник стихотворений одного поэта, расположенных в определенном порядке, обычно в алфавитном порядке последних букв рифмующих слов; 2) правительственное собрание, заседание, высшее судилище, присутственное место, государственная канцелярия и ее ведомства.
- Динар — старинная золотая монета, весом равная приблизительно 3,6 г.
- Дирхем (от греч. драхма) — 1) старинная серебряная монета, которая в сасанидскую эпоху содержала 4,25 г, впоследствии вес дирхема уменьшился; 2) мера веса, в указанную эпоху около 3,15 г.
- «Доказательство Истины» — *Худжат ал-хакк* — почетный титул, которым Низами 'Арузи называет Авиченну (Абу 'Али ибн Сина — см.) и 'Омара Хайяма (см.).
- Драхма — см. дирхем.
- Едва лишь младенец свой рот материнским смочил молоком... — даем подстрочный перевод:

Как только младенец смочил губы молоком матери.
 Прежде всего из колыбели произносит он «Махмуд».
 Телом {могуч} он, как слов, духом — архангел Гавриил.
 Дланью — весеннее облако, сердцем — река Нил.
 Владыка мира великий шах Махмуд
 К водоюю приводит воду в волка!

Если возблагодарите, я умножу вам» — Коран, XIV, 7.
Если в пасти у льва... — даем подстрочный перевод:

Если величие [твое укрылось] в пасти льва,
Иди, не страшись опасностей, вырви его
из пасти льва.

Либо [тебе] слава, могущество, богатство
и великолепие,

Либо, как подобает мужам, лицом к лицу смерти!

Если шах пожелал три шестерки... — даем подстрочный перевод:

Если шах желал три шестерки, а выпало три единички,
Не считай, что игральные кости помили наперекор
его воле:

Те цифры, что соизволил задумать шахиншах,
Покорные шаху, простерлись ниц, лицом к земле.

«Жребий сокровенного» и «Жребий счастья» (*сахм ал-гайб* и *сахм ас-са'дат*) — астрологический термин *сахм*, переводимый как «жребий», обозначал особое положение Солнца и Луны на определенном участке зодиакального пояса в гороскопе человека. «Жребий сокровенного» в гороскопе, составленном в момент рождения человека, определяет якобы дар предвидения, «жребий счастья» — счастливую судьбу.

«Жребий счастья» — см. «Жребий сокровенного»

Забулистан — см. Газна.

Зайн ал-Мулк Абу Са'д Хинду ибн Мухаммад ибн Хинду ал-Исфахани — один из дабиров при дворе султана Мухаммада ибн Малик-шаха Сельджукида (1105—1118).

Зал — персонаж поэмы Фирдауси «Шах-наме», отец легендарного иранского богатыря Рустама, описанию жизни и подвигов которого посвящена значительная часть героической поэмы Фирдауси.

«Затянулся над ними рок, и ожесточились их сердца, и многие из них распутны» — Коран, LVII, 15.

«зеленого шатра...» — т. е. небесного свода.

Зиннати — по прозвищу 'Алави — один из придворных поэтов султана Махмуда Газневида и его сына Мас'уда, жил в первой половине XI в.

«Знай, как истину, что я — прах ног [сего] Льва» — Лев Аллаха — титул 'Али (см.).

«Знамя Аббасидов черного цвета» — черный цвет был официальным государственным цветом династии Аббасидов.

Ибн Мандувиё Исфакхани — имеется в виду Абу 'Али Ахмад ибн 'Абд ар-Рахман ибн Мандувиё Исфакхани, один из известных врачей X в., автор более пятидесяти медицинских трудов на араб. яз. из которых, однако, почти ничего не сохранилось.

Ибрахим (1059—1099) — девятый султан из дома Газневидов.

...И было Саму, как и повелел он... — даем подстрочный перевод:

Велел он написать Саму письмо,
От начала до конца — хвалы, приятные новости
и добрые вести.
Прежде всего упомянул он Создателя мира,
Который и приказал быть справедливыми и сам
справедлив.
Да снизойдет от него благословение на Сама
Найрама,
Господина меча, палицы и шлема,
Гарцующего на белом коне во время битвы,
Пасущего коршуна в сражении,
Вздымающего ураган мощи поля боя,
Проливающего кровь из черной тучи.
Мужеством он и в доблести проявил доблесть,
В доблести он высоко держит голову доблести!

Из Систана ушел я... — даем подстрочный перевод:

С караваном одежд ушел я из Систана,
С одеждой, чья пряжа — сердце, а ткань — душа...

Имам — в первые века ислама — верховный правитель, совмещавший политическую и военную власть с функцией религи-

озного руководства подданными. Позже — главное лицо мусульманского религиозного культа.

«...я менни Ма'муна...» — выражение неясно.

«И мы низводим из Корана то, что бывает исцелением и милостью для верующих...» — Коран, XVII, 84.

Индиго — в тексте слово *нил*, которое переводчики этого эпизода переводили обычно как «индиго» — лучший синий краситель растительного происхождения, который был ценным предметом торговли в XII в. и якобы особенно высоко ценился во времена Фирдауси в Тусе (см.). Однако некоторые современные иранские ученые склонны читать это слово как *найя* — в значении «подарок», «дар».

«И сказано было: „О земля! Поглоти твою воду!“» — Коран, XI, 46.

Искафи — Абу-л-Касим 'Али ибн Мухаммад ал-Искафи Нишапури — известный секретарь-письмоводитель при саманидском дворе в Бухаре (X в.).

Испахбад Шахрийар — Марзбан ибн Рустам ибн Шахрийар ибн Шарвиш ибн Рустам — феодальный князь, правитель Табаристана (см.) в конце X — начале XI в., автор не дошедшего до нас сочинения «Марзбан-наме».

Испахсалар (иначе спахсалар) — военачальник, полководец.

Исфандийар — легендарный богатырь иранского эпоса, сын царя Гуштаспа, один из главных героев поэмы Фирдауси «Шах-наме». Погиб в поединке с витязем Рустамом.

«Исцеление» — вероятно, имеется в виду медицинский трактат Авиценны «Книга исцеления».

Кабба — верхняя мужская одежда типа длинного кафтана.

Кабус (976—1012) — Кабус ибн Вашмгир Шамс ал-Ма'али — правитель Гургана из рода Зийаридов. Был выдающимся стилистом своего времени в области эпистолярной прозы.

Казн — судья, разбирающий дела на основании мусульманского права — шариата (см.).

Калам — тростниковое перо.

Камари Гургани — Абу-л-Касим Зийад ибн Мухаммад Камари Гургани — один из придворных поэтов Кабуса ибн Вашмгира Зийарида (см. Кабус). Из стихов его сохранилось только несколько бейтов.

Ка́ме — жирное и острое кушанье, приготовленное из овечьего молока.

«Ка́нон» — см. Абу 'Али ибн Сина.

«Ка́нон Мас'уда» — астрономический труд, составленный между 427 и 432 гг. знаменитым средневековым ученым Бируни (см.) для султана Мас'уда (см.).

Ка́рахаиды (609—1212) — тюркская династия, правившая в Средней Азии.

Ка́рух — небольшой город, расположенный приблизительно в 25 км от Герата. По сообщениям средневековых авторов, Ка́рух занимал территорию в 20 фарсангов в длину; лежащий в долине посреди гор, он был весь покрыт садами и славился своим виноградом.

Ка́ссар-и А́ми — один из панегиристов султана Абу Ахмад Мухаммада ибн Махмуда Газневида (XI в.).

Ка́сыда — ода, небольшая поэма панегирического или дидактического характера, рифмующая по схеме: *aa ба ва... ха*. Согласно средневековым поэтическим канонам касыда состояла из четырех частей: 1) *насиб* — лирическое вступление, 2) *гуризаг* — переход, 3) *мадх* — восхваление, 4) *кад* — цель, обычно просьба поэта о вознаграждении.

Ке́дхуда — термин «кедхуда» в средневековой персидской литературе употреблялся с широким кругом значений: управитель, военачальник, министр, ведающий финансово-хозяйственной службой двора или одного из членов царствующего дома (здесь).

Ки́я Га́за'ири — Абу Зайд Мухаммад ибн 'Али Газа'ири — известный в свое время поэт, современник 'Унсури. Ум. в 1034 г. Стихи его дошли только во фрагментах.

Ки́яиды — легендарная доисторическая династия персидских царей.

Ки́я Ра́ис Бахмайя́р — Абу-л-Хасан Бахмайя́р ибн Марзбан Маджуси — один из ближайших учеников Авиценны (Абу 'Али ибн Сина — см.). Ум. в 1066 г.

«...когда же доставят обоз?» — имеются в виду товары и деньги за выкуп.

«Когда шах увидел огонь моей мысли...» — стихотворение Му'иззи построено на сопоставлении четырех основных, в соответствии со средневековыми представлениями, элементов материального мира: огня, земли, воды и ветра (воздуха).

Коль дерзок будет сей ответ... — даем подстрочный перевод:

Если ответ будет мне не по нраву,
[То вот] — я, палица, майдан и Афрасийаб!

Коран — священная книга мусульман, в которой записаны проповеди и поучения пророка Мухаммада. Коран состоит из 114 глав — *сур*. Суры делятся в свою очередь на стихи — *айаты*.

«[Который] вьется, точно локоны миртоволосых красавиц...» — в издании дивана Фаррухи перед этой строкой вставлен добавочный бейт. (دیوان حکیم فرخی سیستانی) با مقدمه و حواشی و تعلیقات... نکوشش محمد دبیر سیاقی، تهران، ۱۳۳۵، стр. 177).

Кто помнит сейчас Сасанидов дела... — даем подстрочный перевод:

Из всех сокровищ этого мира,
Что остались от рода * Сасанидов и рода * Саманидов,
Лишь оды * Рудаки сохранились и восхваления [его],
Лишь мелодии * Барбада остались и песни [его].

Кудама ибн Джа'фар — Абу-л-Фарадж Кудама ибн Джа'фар ибн Зияд ал-Басра'и — известный басра'дский дабир (см.), автор многочисленных сочинений, славящихся своим красноречием. Ум. в 948/49 г.

Кудри кумира ведь могут быть чуть покорооче... — даем подстрочный перевод:

Что за беда, если укоротили локоны кумира?
Уместно ли метаться в горе?
Уместно радоваться, веселиться и пить вино:
Ведь вся красота кипариса оттого, что его подстригают!

Кум — древний иранский город, расположенный к юго-западу от Рея (см.). В течение веков являлся местом паломничества из-за находящейся в нем гробницы Фатимы, сестры имама 'Али (см.).

Кутб ад-Дин Мухаммад — см. Малик ал-Джабал.

Кухистан — горная область в южной части Хорасана, лежащая между пустынями Дашт-и Кавир и Дашт-и Лут.

Лакаб — почетное звание, титул.

Ламган (Ламаган) — древний город в Индии, лежавший неподалеку от Газны.

Лами'и Дихистани — Абу-л-Хасан Мухаммад ибн Исма'ил ал-Лами'и ал-Джурджани Дихистани — панегирист Малик-шаха Сельджукида и его везира Низам ал-Мулка (XI в.).

Мавераннахр — «Заречье», т. е. земли за Аму-Дарьей, старинное арабское название Средней Азии.

Мавлана — букв. «наш господин», «наш учитель», почетное прозвание, которым наделялись мусульманские ученые и богословы.

Мадждуд Сана'и — Абу-л-Маджд Мадждуд ибн Адам ас-Сана'и — знаменитый поэт; ум. в 1150/51 г.

Маджлис — 1) собрание, заседание; 2) увеселительное собрание.

Мадх — панегирик, восхваление, обязательная композиционная часть придворной касиды (см.).

Майдан — 1) главная площадь, имевшаяся в каждом значительном городе Ирана, на которой происходили смотры, празднества, состязания и казни; 2) здесь: ристалище, поле сражения.

Маканибн Какуйи — в основе этого эпизода лежит одна из исторических неточностей Низами 'Арузи. Восстание Макана было не в царствование Нуха ибн Мансура, а в царствование его прадеда Насра II, сына Ахмала ибн Исма'ила. Макан был убит в 940/41 г.

Малик — государь, правитель.

Малик ал-Джабал — букв. «государь гор» — имеется в виду Кутб ад-Дин Мухаммад, сын 'Изз ад-Дина Хусайна — первого правителя из династии Гуридов (см.). Подробно о нем см. предисловие, стр. 9.

Малик-шах (1072—1092) — третий правитель из династии Сельджукидов.

Малин — область, расположенная, по сообщениям средневековых авторов, в двух фарсах (см.) от Герата, насчитывавшая более двадцати селений.

- Ма м д у х — букв. «восхваляемый», покровитель поэта; лицо, которому адресован панегирик.
- Ма'мун (813—833) — Ма'мун ибн Харун ар-Рашид, седьмой халиф из династии Аббасидов.
- Ма н — мера веса, различная в разных областях Ирана, преимущественно около 3 кг (тавризский ман), иногда около 6,5 кг (шахский ман).
- Ма н т и к и — Мансур ибн 'Али Мантики из Рея — крупный поэт-панегирист Сахиба ибн 'Аббаса (см.) — везира Буидов. Ум. в 997 г. Из его стихотворений сохранились лишь отдельные строки.
- Ма н с у р и б н Н у х и б н Н а с р (961—976) — Мансур I, из династии Саманидов.
- Ма с'у д (1030—1042) — четвертый правитель из дома Газневидов, сын Махмуда (см.) Газневида.
- Ма с'у д и — один из придворных поэтов султана Мас'уда (см.)
- Ма с'у д и б н И б р а х и м (1099—1114) — десятый султан из дома Газневидов.
- Ма с'у д и С а'д и С а л м а н — придворный поэт газневидского круга, мастер касиды, в особенности известный своими «тюремными элегиями». Родился в г. Лахоре между 1046—1049 гг., ум. в 1121 г. (или в 1130/31 г.).
- Ма х м у д — см. Махмуд ибн Насир ад-Дин.
- Ма х м у д и б н Н а с и р а д-Д и н (999—1030) — с почетным титулом Ямин ад-Даула («Десница державы») — Махмуд Газневид, один из самых могущественных султанов династии Газневидов, правивший обширным государством, включавшим Афганистан, Восточный Иран, южную часть Средней Азии, Хорезм и Северную Индию (977—1191 гг.).
- «Меч государства и веры» — см. Хусам ад-Даула за-д-Дин.
- М и н у ч и х р и (1000—1040) — Абу Наджм Ахмад ибн Каус ибн Ахмад Дамгани Минучихри — известный поэт, панегирист при дворе Зийаридов, затем Газневидов.
- «Мир возвращения и будущей жизни» — мир потусторонний, мир вечный.
- «Мир становления и гибели» — мир материальный, сей мир.
- М и с р — арабское название Египта, также Каира.
- М и х р а г а н — древнеиранский, сохранившийся и при исламе праздник осеннего равноденствия.

Много башен высоких Махмуд построил... — даем подстрочный перевод:

О как много башен возвел * Махмуд,
 Что высотой соперничали с луной.
 Не видишь ты сегодня от них ни кирпича под ногой —
 А хвалы * Унсурн стоят, как стояли!

Музаффар Исфизари — астроном XI в.; участвовал совместно с 'Омаром Хайамом и другими астрономами в календарной реформе 1079 г.

Му'иззи — Абу 'Абдаллах Мухаммад ибн 'Абдаллах Малик из Нишапура — придворный поэт-лауреат Малик-шаха Сельджукида, затем султана Санджара (см.). Ум. между 1123—1127 гг.

Мулийан — название одного из больших оросительных ручьев (арыков) в Бухаре.

Мулийаом вдруг пахнуло... — даем подстрочный перевод:

Тянет [знакомым] запахом от ручья Мулийан,
 Встает в памяти любимый друг...
 Пески Аму с неровностью пути
 Ложатся мне под ноги, как парча...
 Воды Джейхуна от радости свидания с другом
 Доходят нашим коням только до брюха.
 О Бухара! Радуйся и живи вечно —
 Едет к тебе радостно эмир!
 Эмир — это луна, а Бухара — небо,
 Луна восходит на небесах.
 Эмир — кипарис, а Бухара — сад,
 Кипарис возвращается в [свой] сад...

Мустахир би-л-лах (1094—1118) — двадцать восьмой халиф из династии Аббасидов (см.).

Мустаршид би-л-лах ибн ал-Мустахир (1118—1135) — двадцать девятый халиф из династии Аббасидов (см.).

Мустауфи — чиновник ведающий учетом поступлений в казну; счетовод.

Мустафа — «избранный» эпитет пророка Мухаммада.

Мутазилит — см. Мутазилитский толк.

- Му'тазилитский толк — рационалистическое течение в исламе, зародившееся в VIII в. при возникновении догматических споров о свободе воли. Му'тазилиты отвергали учение о предопределении и антропоморфические представления о боге.
- Мутанабби (915—965) — знаменитый арабский поэт, мастер касиды.
- Мухаммад 'Абдах — Мухаммад [ибн] 'Абдах — поэт и дабир (см.) Бугра-хана (см.).
- Мухаммад ибн Закарийа Рази — Абу Бакр Мухаммад ибн Закарийа ибн Яхйа Рази — один из самых знаменитых персидских врачей, философ-энциклопедист. Род. в Рее в 854/55 г., ум. там же в 932 г. Автор многочисленных работ по медицине, философии, музыке, химии и литературе.
- Мухаммад ибн Мансур — Шараф ал-Мулк Абу Са'д Мухаммад ибн Мансур ибн Мухаммад — один из дабиров (см.) и приближенных Малик-шаха Сельджукида (см.).
- Мухаммад-и Насир — Джамал ад-Дин Мухаммад ибн Насир ал-'Алави — поэт-панегирист при дворе Бахрам-шаха Газневида (см.).
- Мухаммад-хан — имеется в виду Мухаммад-хан ибн Сулайман ибн Дауд ибн Бугра-хан ибн Ибрахим Тамгач-хан из тюркской династии Караханидов, известен также как Арслан-хан. Упомянутое событие произошло в 1113/14 г.
- Мухтасиб — 1) базарный надзиратель, наблюдающий за правильностью мер и весов; 2) здесь: блюститель, цензор нравов.
- Наджиби Фаргани — один из придворных поэтов Хизр-хана ибн Тамгач-хана (см. Хизр ибн Ибрахим).
- Надим — наперсник царя, участник его интимных увеселений. Придворное звание, дававшееся лицам, стоявшим близко к государю.
- Найризи — Абу-л-'Аббас ал-Фазл ибн Хатим ал-Найризи — известный математик и астроном, автор многочисленных трудов; жил в конце IX — начале X в.
- Намаз — молитва, совершаемая мусульманами в определенные часы пять раз в сутки.
- Нарды — игра, распространенная в Иране до настоящего времени; состоит из специальной доски типа складного ящика, на которой двое играющих передвигают навстречу друг другу шашки согласно числу очков, вылавших на игральном костяке. В Европе эта игра стала известна с XVI в. под названием трирак.

Наслас — термин для обозначения сказочного существа, получеловека, полузверя. Этим же термином именуется человекообразная обезьяна, орангутанг.

Наср ибн Ахмад (914—942) — четвертый эмир из династии Саманидов (см.).

«Не бросайтесь со своими руками к гибели!» — Коран, II, 191.

Не утруждай глаза свои... — даем подстрочный перевод:

Создателя ты не увидишь глазами
Не утруждай свои оба глаза!

«Неизреченное слово» — Коран (см.).

«Неоспоримая книга и Вечное слово» — Коран (см.).

«Нерукотворная книга и Неизреченное слово» — Коран (см.).

Низам ал-Мулк — Абу 'Али Хасан Туси (из Туса) — знаменитый министр сельджукских султанов Алпарслана и Маликшаха, в руках которого в течение почти 30 лет (1064—1092) было сосредоточено все гражданское и финансовое управление сельджукским государством; ему приписывается авторство известного политического трактата «Снаасат-наме» («Книга о правлении»). Убит исмаилитами в 1092 г.

«Низкий мир» — т. е. мир материальный, сей мир.

«Никто не сумел сочинить «ответа» на эту касыду» — в персидской классической поэзии был весьма распространен жанр «ответов» или так называемых «встречных стихотворений», написанных в подражание какому-нибудь известному образцу с полным воспроизведением формы оригинала: размера, рифмы и рефрена.

Нилли — Абу Сахл Са'ид ибн 'Абд ал-'Азиз, поэт и врач конца X — начала XI в., уроженец Нишапура.

Нишапур — один из крупнейших городов средневекового Ирана, занимавший площадь около 40 кв. км; в городе было свыше 40 кварталов.

Нух ибн Мансур (976—997) — восьмой эмир из династии Саманидов (см.).

«Обитаемая четверть земного круга» — согласно представлениям средневековых восточных географов: Передняя

и Средняя Азия, частично Юго-Восточная Азия, Африка, Средиземноморье, т. е. земли, известные на Востоке в то время. «О как много башен возвел Махмуд...» — по-видимому, стихи самого Низами 'Арузи.

'Омар Хайам (1040—1123) — Абу-л-Фатх 'Омар ибн Ибрахим ал-Хайам — знаменитый поэт-философ, автор заслуживших мировую славу четверостиший на перс. яз., математик и астроном.

О месяц, я знаю, ты брови друга... — даем подстрочный перевод:

О месяц! Ты — точно брови друга,
Или нет! Ты — точно лук государя,
Точно подкова ты, выкованная из чистого золота:
В ухе небосвода точно серьга ты!

«О Нух, ты препирался с нами и умножил спор с нами, приведи же нам то, что ты обещаешь, если ты из праведных» — Коран, XI, 34.

«О судья Кума! Мы отстранили тебя — уйди!» — непереводимая игра арабских слов, где название города Кум и слово «уйди» графически и фонетически тождественны.

«Падшах ислама» — т. е. повелитель всего мусульманского мира.

Нанджидих — город в средневековом Хорасане, образованный от слияния пяти разросшихся селений, отсюда его название, которое буквально значит: «пять деревень».

«...первое в мире растений — терновник, а последнее — финиковая пальма и виноград...» — здесь «первое» — в значении «изначальное», «самое простое»; «последнее» — в значении «самое совершенное».

Пишдадиды — легендарная династия первых иранских царей.

«Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас» — Коран, IV, 62.

«Праздник заклания баранов» — мусульманский суннитский праздник жертвоприношения, отмечаемый в десятый день двенадцатого месяца лунного календаря.

Премудрый создал мир — одно сплошное море... — даем подстрочный перевод:

Премудрый создал мир наподобие моря,
 Ураганным ветром поднял в нем волны.
 Когда выстроил на нем семьсот судов,
 Поднял на них все паруса.
 Среди них — один корабль, разубранный, как невеста,
 Нарядный, как глаз петуха.
 На нем — пророк вместе с 'Али,
 Со всеми домочадцами пророка и 'Али.
 Если ты желаешь попасть в рай в том мире,
 Займи место возле пророка и 'Али.
 Если от этого будет тебе плохо, я приму на себя вину.
 Знай это. И путь этот — мой путь.
 С этим я родился, с этим и уйду;
 Знай, как истину, что я — прах ног [сего] Льва.

«...принял смерть от рук той секты...» — имеется в виду секта исмаилитов.

«Пришло повеление Аллаха, не торопите же Его!» — Коран, XVI, 1.

Пророчество и шахство рядом... даем подстрочный перевод:

Так ведай, шахство и пророчество —
 Две жемчужины в одном перстне.

«Пусть пропадут обе руки Абу Лахаба» — Коран, CXI, 1.

Пушт — древний город в Хорасане, лежавший к югу от Нишапура.

Раби' первый — название третьего месяца мусульманского лунного года.

Рамазан — десятый месяц мусульманского лунного года, месяц поста.

Рафизиты — одна из мусульманских сект, признававших своим главой Зайда ибн 'Али; иногда этим термином обозначали ережиков вообще. В эпоху Низами 'Арузи это название нередко переносилось на шиитов крайнего толка.

Раби' первый — название третьего месяца мусульманского лунного года.
 Рашиди из Самарканда — один из известных поэтов при дворе Хизр-хана ибн Тамгач-хана (см. Хизр ибн Ибрахим).

- Рей** — один из древнейших городов средневекового Ирана, крупный экономический и культурный центр, разрушенный во время монгольского завоевания в 1221 г. В XVI в. в окрестностях Рей был отстроен город Тегеран.
- Рибат** — бесплатный странноприимный дом, караван-сарай. Воздвигались на больших дорогах на средства благотворителей.
- Род Насир ад-Дина** — имеется в виду династия Газневидов (см.), т. е. род Махмуда ибн Насир ад-Дина.
- Род Шансаба** — см. Гуриды.
- Рудаки** — Абу 'Абдаллах Джа'фар ибн Мухаммад Рудаки Самарканди, по прозвищу «Адам поэтов», — родоначальник средневековой персидско-таджикской поэзии. Ум. в 941 г.
- «Руководство»** — Коран (см.).
- Сабих'** — Абу-л-Исхак Ибрахим ибн Хилал ал-Харрани Сабих' — известный дабир при буидском дворе; ум. в 944/45 г.
- Сабит ибн Курре** (836—901) — Абу-л-Хасан Сабит ибн Курре Харрани — придворный багдадского халифа ал-Мутазиды. Переводил с греческого на арабский научные книги.
- Сабуктегин** (977—997) — султан из династии Газневидов, отец известного Махмуда (см.) Газневиды.
- Садаке** — Садаке ибн 'Али ибн Садаке, по прозвищу Зурайк, — наместник халифа Ма'муна в Армении и Азербайджане с 824/25 г.
- Саджизи** — Ахмад ибн 'Абд ал-Джалл Саджизи — известный математик, геометр и астроном X в.
- Садр ад-Дин Мухаммад ибн Музаффар** — имеется в виду Абу Джафар Мухаммад ибн Фахр ал-Мулк, внук знаменитого Низам ал-Мулка (см.). Везир при султани Санджаре (см.). Убит в 1117/18 г.
- Саманиды** — иранская династия, правившая в Средней Азии и Хорасане с 875 по 1005 г.
- Сам Нариман (Найрам)** — персонаж поэмы Фирдауси «Шахнаме», отец Зала и дед богатыря Рустама.
- Санджар** (1118—1158) — Санджар ибн Малик-шах, восьмой султан из династии Сельджукидов.
- Сасаниды** — иранская династия, правившая в Иране до арабского завоевания, с 226 по 651 г.
- Сафар** — название второго месяца мусульманского лунного года.
- Саффариды** — династия, правившая в Систане с 861 по 900 г. Основал династию Якуб ибн Лайс (ум. в 878 г.). Ему насле-

довал его брат 'Амр ибн Лайс, который в 900 г. был свергнут Исма'илом Саманидом.

Сахиб — см. Сахиб Кафи Исма'ил ибн 'Аббад ар-Рази.

Сахиб Кафи Исма'ил ибн 'Аббад ар-Рази — знаменитый везир Буидов (см.), мецена: и признанный арабский стилист. Ум. в 995/96 г.

Сейид — 1) потомок пророка Мухаммада; 2) господин; 3) предводитель, начальник.

Сейид ар-Ру'аса — «Предводитель начальников» — имеется в виду, вероятно, Абу-л-Махасин Мухаммад ибн Фазлаллах ибн Мухаммад, один из дабиров (см.) и приближенных Малик-шаха Сельджукида.

Сейид Исма'ил Джурджани — придворный врач Кутб ад-Дина Мухаммада Хорезмшаха, автор четырех медицинских трудов, которые были, по-видимому, самыми ранними медицинскими трактатами, написанными на перс. яз. Ум. в г. Мерве, приблизительно в 1136/37 г.

«Сейид рода адамова» — т. е. глава человеческого рода; имеется в виду пророк Мухаммад.

«Сейид сынов человеческих» — имеется в виду пророк Мухаммад.

Сельджукиды — тюркская династия, правившая в Иране с середины XI по начало XIII в.

Сигзиец — т. е. житель Систана (см.). Здесь в значении «деревенщина».

Сиджистан — см. Систан.

Сикат ал-Мулк Тахир 'Али Мишкан — первый министр султана Мас'уда ибн Ибрахима Сельджука (1099—1114), патрон многих поэтов (Мас'уда ибн Са'да ибн Салмана, Абу-л-Фараджа Руми, Мухтарн, Сана'и), племянник известного Абу-Насра Мансура — учителя историка Абу Фазла Байхаки.

Симджуриды — знатный род, начало которому положил Абу 'Али Симджур — один из главных саманидских вассалов, которые были наместниками областей к югу от Аму-Дарьи.

Систан (вначе Сенстан и Сиджистан) — область в средней части Иранского нагорья. Земли Систана, ныне засушливые, в средние века обильно орошались и были плотно заселены.

«Скажи: „Он — Аллах — един“» — Коран, CXII, 1.

«Слово божие» — Коран (см.).

«Слово ясное и договор твердый» — Коран (см.).

- «Совершенная в искусстве» — известный медицинский трактат на араб. яз. 'Али ибн 'Аббаса ал-Маджуси Джузджани, придворного врача 'Азуд ад-Даула (см.).
- «...совершеннейший из людей и превосходнейший из них» — имеется в виду пророк Мухаммад.
- «Совершенный благодетель и незаходящее великодушие» — т. е. бог.
- «...стихи словно с седьмого неба...» — т. е. такие искусные, что под стать только небожителю. По мусульманским верованиям, небеса имели девять сфер, за пятой сферой начинались «высшие небеса».
- Суллами — Абу 'Али ас-Суллами ал-Байхаки — автор многочисленных арабоязычных трудов по истории; ум. в 912/13 г.
- Сура — глава Корана (см.).
- Суфий — последователь суфизма — религиозного мистического течения в исламе, в основе которого лежит пантеистическое представление о мире как проявлении всеобщей божественной сущности — истины. Суфизм утверждал возможность для каждого человека личного общения и даже совершенного слияния с божеством, которое достигается полным отречением от своей личности и длительным аскетическим служением богу под руководством наставника (*шейха* или *пир* — старца). Суфизм зародился еще в VII в.; широко распространился в Иране с XI в. Суфизм вызвал к жизни целое направление в персидской поэзии, развивавшееся в продолжение нескольких веков.

Габаран — см. Тус.

Габаранская область — см. Тус.

Габаристан — средневековое наименование Мазандарана — горной и лесистой области на южном берегу Каспийского моря.

Гамгач — местоположение этого ныне неизвестного города или области находилось, как предполагает иранский ученый Мухаммад Му'ин, в Восточном Туркестане, на границе с Китаем, или в Северном Китае.

«...та молеельщица, каждый возглас которой...» — имеется в виду мать царевича Абу-д-Хасана 'Али, патрона Низами 'Арузи (см. Гуриды).

«Твердое слово и Неоспоримая книга» — Коран (см.).

«[То вот] — я, палица, майдан и Афрасийаб!» — т. е. «готов я с палицей на бой с Афрасийабом» (см.).

Тогда лишь прибыльно слагать хвалы владыке... —
даем подстрочный перевод:

Благословение и хвала [царю] тогда дает прибыль,
Когда в казне происходит убыток!

Той порой, когда лужайки... — даем подстрочный перевод:

Когда зеленым шелком закроет лицо лужайка,
В семицветную парчу укутают головы горы,
У земли, как у пупка газели, неистощимо родится
мускус,

У ивы, как у крыла попугая, бессчетно растут листья.
Вчера, об утренней поре, ветер донес запах весны,
О как приятен нежный ветер! О как радостен запах весны!
Ты сказал бы, что у ветра в рукаве — растертый мускус,
Сад, ты сказал бы, держит в объятиях пестрые куклы.
У белых роз в ожерелье — сияющие жемчужины,
У * аргавана в серьгах — бадахшанские рубины.
Так как на ветвях розы появились чаши красного вина,
Спустились с чинары пятерни человеческих рук.
Сад в одежде из * букаламауна, ветви букаламуновидны,
Вода — цвета жемчуга, тучи сыплют жемчуг.
Можно подумать, что пестрыми халатами пожалованы
Разукрашенные сады по случаю клеймения [лошадей]
государя.

Место клеймения царских [коней] явило такой расцвет,
Что его расцвету дивится судьба.

Лужайку на лужайке ты видишь, словно небо на небе,
Шатер на шатре, словно серебряный замок на замке,
Что ни шатер — лежит влюбленный с пьяным другом,
Что ни лужайка — радостный друг в свидании с другом.
На лужайках — звучанье чангов в искусных руках

музыкантов,

В шатрах — зовы виночерпиев, вкушающих вино,
У влюбленных — объятия и поцелуи, у красавиц —

ласки и упреки.

У музыкантов — лютни и песни, у спящих — сны и хмель.
Возле шатра царя победоносного
Разожгли для клеймения огонь, подобный солнцу

Взвился огонь, как знамя желтого шелка,
 Горячий, как натура юноши, и желтый, как чистое золото.
 Клейма — как ветви рубиноцветного коралла,
 Каждое — словно гранатовое зернышко внутри граната.
 Отроки недремлющие ряд за рядом,
 Кони неклеимые табун за табуном.
 Царь благонравный верхом на переплывающем море коне.
 Словно *Исфандийар в степи с арканом,
 [Который] вьется, точно локоны миртоволосых красавиц,
 Крепок он, словно верность старых друзей.
 Эмир справедливый, Абу-л-Музаффар-шах со своими
 приближенными,
 Радостный, ликующий, преуспевающий и могущественный!
 Кого поймал он [своим] арканом в шестьдесят локтей,
 Украсит именем своим ему лопатку, круп и морду.
 Все, что на одной стороне он клеймит, на другой
 раздаривал:
 Поэтам — с уздечкой, пришельцам — с недоуздом...

Туган-шах ибн Алпарслан — сельджукидский принц, наместник Алпарслана (1063—1072) в Хорасане.
 Тус — округ в средневековом Хорасане, в 10 фарсангах (см.) от Нишапура. Состоял из двух городов — Табарана и Нукана, из которых первый, больший по площади, принял на себя наименование округа. От Туса сохранились до наших дней развалины в 25 км к северу от Мешхеда.
 ...Ты говоришь, мои стихи без соли... — даем подстрочный перевод:

Стихи мои в том, что они без соли,
 Ты обвинил. Что ж, это, может быть, и справедливо.
 Стихи мои — это ведь сахар и мед,
 А к этим двум соль не подходит.
 Репа и бобы — вот стихи твои,
 Соль, эй, сводник, тебе необходима!

Улемы — ученые, в частности ученые богословы.

*Унсур и (960—1089) — Абу-л-Касим Хасан ибн Ахмад 'Унсур и Балхи — крупный поэт и царсдворец, панегирист Махмуд Газневида и его сына Мас'уда.

- 'Усман Мухтари — 'Усман ибн Мухаммад Мухтари — панегирист при дворе Арслана и его преемника Бахрам-шаха Газневида. Ум. в 1149 или в 1159 г.
- Устад — мастер, искусный человек; часто употребляется в значении: «учитель, наставник».
- 'Ушшак — первый и, вероятно, самый древний из двенадцати музыкальных ладов арабской и иранской музыки, образованный из диатонической гаммы (см. Абдурахман Джами, *Трактат о музыке*, Ташкент, 1960, стр. 32, 84, пер. А. Н. Болдырева, прим. В. М. Беляева)
- Фазл — Фазл ибн Сахл ибн 'Абдаллах ас-Сарахси — влиятельный везир халифа Ма'муна Аббасида, перс по происхождению. Убит по приказу Ма'муна в 817/18 г.
- Фазл ибн Яхйа — представитель известного рода Бармакидов (см.); род. в 765/66 г.
- Факих — мусульманский законовед, знаток церковного права — фихха.
- Фаррухи — Абу-л-Хасан 'Али ибн Джулуг — известный поэт-панегирист и музыкант при дворе султана Махмуда Газневида (см.); ум. в 1037/38 г.
- Фаррухи Гургани — вероятно, автор имеет в виду Фахр ад-Дина Ас'ада из Гургана, автора известной романтической поэмы «Вис и Рамин», написанной около 1050 г.
- Фарс — древнейшая культурная область Ирана; расположена на юге Ирана, на берегу Персидского залива.
- Фарсанг — иранская древняя путевая мера, приблизительно 6—7 км; путь, который проходит конь за один час.
- Фатиха — первая сура Корана (см.).
- Фахр ад-Даула вад-Дин — имеется в виду Фахр ад-Дин Мас'уд, из династии Гуридов (см.). Подробно о нем см. предисловие, стр. 12.
- Фетва — решение коллегии мусульманских богословов, вынесенное на основании шариата в ответ на запрос судьи или частного лица; церковное постановление.
- Фирдауси — Абу-л-Касим Фирдауси — великий поэт, классик персидско-таджикской литературы, автор всемирно известной эпопеи «Шах-наме». Родился предположительно в 934—941 гг., ум. в 1020 г.
- Фирман — царское повеление, указ.

- Хаббази Нишапури** — малоизвестный поэт саманидского круга, современник Рудаки (см.), Киса'и и др. Умер около 953/54 г.
- Хаджиб** — придворный, ведавший допуском к особе царя; церемониймейстер, начальник охраны.
- Хакан** — царский титул средневековых тюркских правителей.
- Хаканиды** — см. Караханиды.
- Халаф ибн Бану** — имеется в виду эмир Абу Ахмад Халаф ибн Ахмад ибн Мухаммад ибн Халиф ибн Лайс Саффари, ввук по материнской линии султана 'Амра ибн Лайса Саффарида (см.). Ум. в 1008 г.
- Хамадан** — один из самых древних и крупных городов Ирана, лежавший на караванном пути из Месопотамии в Иран. После монгольского нашествия пришел в упадок. В Хамадане находится могила Авиценны (см. Абу 'Али).
- Хамид** — имеется в виду балхский кази (см.) Абу Бакр 'Омар ибн Махмуд, иначе называемый Хамид ад-Дин ал-Махмуди ал-Балхи, автор персоязычных прозаических новелл «Макамат и Хамиди». Ум. в 1163 г.
- Ханзале-и Бадгис** — поэт тахиридского круга, ум. около 835 г. Из стихов его дошли только фрагменты.
- Харадж** — рента-налог, которая взималась в Средней Азии казной государства в денежной форме или в виде доли урожая за пользование землей.
- Харвар** (бува, «вьюк осла») — старая иранская мера веса, равная приблизительно 100 манам (см.).
- «Хатланской породы»** — Хатлан (также Хуттал) — область в Средней Азии, по среднему течению Аму-Дарьи, к югу от современного Куляба, славившаяся хорошей породой лошадей.
- Хашимиты** — древний арабский род, ведущий происхождение от Хашима ибн Абу Манафа, прадеда пророка Мухаммада.
- Хиваф** — один из округов в провинции Нишапур, насчитывавший, по сообщениям средневековых авторов, около двухсот селений и городов.
- Хизр ибн Ибрахим** — Хизр-хан ибн Тамгач-хан Ибрахим ибн Насрарслан — султан из династии Караханидов (см.); вступил на царство в 1079/80 г. и вскоре умер.
- Хире** — квартал древнего Нишапура (см.), в восточной части города.

Ходжа — почтительное обращение к влиятельному человеку с широким кругом значений: господин, хозяин, глава, учитель, наставник.

Хорезмшахи — тюркская династия, имевшая своей ставкой Хорезм (Хиву). Основателем династии был Атсиз, отложившийся от Сельджукидов в 1097 г. В 1231 г. династия была свергнута монголами.

«**Хорезмшахская сокровищница**» — автор имеет в виду медицинский труд на перс. яз. Зайн ад-Дина Абу Ибрахима Исма'ила ибн Хасан ибн Ахмад ибн Мухаммада ал-Хусайна ад-Джузджани (ум. в 1136/37 г.).

Худжастан — горная область недалеко от Герата (см.).

Хузан — один из цветущих районов средневекового Хорасана, в округе Панджидха (см.).

Хунайи ибн Исхак — врач, автор многочисленных трудов по медицине как оригинальных, так и переводных с греческого. Ум. в 873 г.

Хусам ад-Даула ва-д-Дия — имеется в виду Абу-л-Хасан 'Али ибн Мас'уд с прозвищем «Меч государства и веры», гурридский царевич, которому посвятил свою книгу Низами 'Арузи. Подробно о нем см. предисловие, стр. 12.

Хутба — мусульманское моление в мечети по пятницам и праздничным дням о здравии царствующего государя. Упоминание имени царя в хутбе равносильно признанию его независимой политической власти.

«**Цари рода Хусраева**» — т. е. Сасаниды (см.).

Цари Табаристана — династия Зийаридов (см.).

Царь Джабала (или властитель Джабала) — то же, что *Малик Джабала* (см.). Здесь имеется в виду Кутб ад-Дин Мухаммад ибн 'Изз ад-Дин Хусайн (см. Гурриды).

Чаганийан (или Саганийан) — область в Средней Азии, лежавшая по течению р. Сурхан, притоку Аму-Дарьи, между Термезом и Гисаром. Главный город области — Чаганийан — был, по-видимому, расположен на месте теперешнего Дих-и Нау.

Чанг — струнный музыкальный инструмент.

Чатр — зонтик, один из главных символов царской власти у многих народов Востока.

- Шамс ад-Даула ва-д-Дин** — Шамс ад-Даула ва-д-Дин Мухаммад ибн Мас'уд — царевич из дома Гуридов (см.). Ум. в 1192 г.
- Шариат** — свод мусульманских религиозно-правовых норм, включающий гражданские отношения и обрядовые предписания.
- Шариф Муджаллани Гурганский** — малоизвестный поэт IX—X вв., из стихов которого сохранилось только несколько байтов.
- Шах Абу Риджа** — Шихаб ад-Дин 'Али Абу Риджа — придворный поэт при дворе Бахрам-шаха Газневида (1118—1152).
- Шах** увидел, что мудростью мысли мои полны... — даем подстрочный перевод:

Когда шах увидел огонь моей мысли,
Он поднял меня от земли до самой луны.
Услышал он стихи мои, плавные, как вода,
Одарил меня отборным конем, [быстрым],
как ветер!

- «...шахиншаха 'Ала ад-Даула...» — имеется в виду 'Ала ад-Даула Хусам ад-Дин Абу Джа'фар Мухаммад ибн Душманзийар, известный как Ибн Какуйи. Правил в Исфахане с 1007 по 1041 г.
- «**Шах-наме**» («Книга о царях») — всемирно известная героическая эпопея Фирдауси (см.).
- «**Шахский свод**» — одно из многочисленных сочинений Саджи-зи (см.), состоит из пятнадцати трактатов по астрологии.
- Шейх** — 1) старец; 2) духовный наставник, высокопоставленное духовное лицо.
- Шейх ар-раис** («Шейх-глава») — одно из почетных прозваний Авиценны (Абу 'Али ибн Сина — см.).
- Шербет** — сладкий напиток, приготовленный из фруктового сока и сахара. Также лекарственное питье.
- Шиниты** — последователи шиизма, одного из двух основных враждующих между собой толков в исламе. Шиниты в противоположность суннитам, исповедующим «ортодоксальный» ислам, подвергают Коран (см.) особому толкованию и противопоставляют признанным суннитским халифам своих двенадцать имамов (см.) — 'Али (см.) и его одиннадцать прямых потомков. Шиниты веруют во второе пришествие последнего, двенадца-

того, имама Махди (род. в 868/69 г.), который считается духовным главой шиитов. Местом распространения шиизма был в основном Иран, где в XVI в. шиизм становится государственной религией.

Ш и р а з — один из древних городов Ирана, основание которого относят к началу арабского завоевания. Выдающийся средневековый культурный и торговый центр на Ближнем Востоке. Главный город Фарса (см.).

Ш и х а б и — Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Му'айяд ан-Насафи (т. е. из Насафа, ныне г. Карши в Узбекистане). Из стихов его сохранилось только несколько касыд в восхваление Руки ад-Дина Клыч Тамгач-хана Мас'уда (1095—1101).

Э м и р — военачальник, правитель, князь, вельможа.

Э м и р 'Ам'ак — см. 'Ам'ак Бухара.

«**Э м и р** понял, какова была цель...» — имеется в виду просьба врача о верховых животных.

Я з д и г а р д Ш а х р и я р (632—651) — последний правитель из династии Сасанидов (см.).

Я к у б и б н И с х а к К и н д и — Абу Юсуф Якуб ибн Исхак ибн ас-Сабах ал-Кинди — ученый-энциклопедист, автор многочисленных сочинений по философии, математике, астрологии, медицине и музыке. Был известен под прозвищем «Философ арабов». Умер приблизительно в 873 г.

Я к у б и б н Л а й с (861—878/79) — основатель династии Саффаридов (см.).

Я м и н а д-Д а у л а — см. Махмуд ибн Насир ад-Дин.

Я р а н к у ш Х у р а й в е — один из ближайших советников и министров сельджукского султана Санджара (1118—1158).

Я у ш е л н а в с е г д а... — даем подстрочный перевод:

Я ушел, а сын мой остался преемником моего
честного имени.

Поручил я его [заботам] господина и господина!

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

- 'Абд ал-Вахид Джузджани — 119
 'Абдаллах Ансарй, шейх ал-ислам — 122
 'Абд ал-Хамид — 39
 'Абд ар-Раззак, эмир — 83
 'Абд ас-Сейид Рашидй Самаркандй — 57, 77, 78, 79
 Абйвардй — 40
 Абу 'Аббас ар-Рабинджани — 57
 Абу 'Абдаллах Джа'фар ибн Мухаммад ар-Рудаки — 40, 57, 60, 62, 63, 64
 Абу 'Абдаллах Кураши — 75
 Абу 'Абдаллах Рудаки — см. Абу 'Абдаллах Джа'фар ибн Мухаммад ар-Рудаки
 Абу 'Али — см. Абу 'Али ал-Хусайн ибн 'Абдаллах ибн Сйна
 Абу 'Али ал-Хусайн ибн 'Абдаллах ибн Сйна, „Доказательство Истины“ („Худжжат ал-хакк“), шейх ар-Раис — 92, 94, 95, 103, 106, 107, 109, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 119, 120, 121
 Абу 'Али ибн Сйна — см. Абу 'Али ал-Хусайн ибн 'Абдаллах ибн Сйна
 Абу Бакр Азракй — 75, 81
 Абу Бакр Ахавайнй — 106
 Абу Бакр Дакқак, ходжа имам — 105
 Абу Бакр Джаухарй — 57
 Абу Бакр Исхак Каррамй — 84
 Абу Джа'фар ибн Мухаммад Абй Са'д ан-Нашавй, шейх, известный под прозвищем Сарах — 119
 Абу Дулаф (декламатор Фирдаусй) — 80
 Абу Исхак Джуйбарй — 57
 Абу-л-'Аббас Ма'мун Хорезмшах — 112
 Абу Лахаб — 44
 Абу-л-Касим Рафи'й — 57
 Абу-л-Касим Фирдаусй — 36, 40, 58, 59, 79, 80, 81, 82, 83, 84
 Абу-л-Ма'али Рази — 57
 Абу-л-Музаффар-шах — см. Абу Музаффар Чагани
 Абу-л-Фарадж Рунй — 57
 Абу-л-Хайр — см. Абу-л-Хайр Хуммар
 Абу-л-Хайр Хуммар — 112, 113, 114
 Абу-л-Хасан Агаджй — 57
 Абу-Хасан 'Али ибн Мас'уд — см. Хусам ад-Даула ва-д-Дин
 Абу-л-Хасан 'Али ибн Мас'уд ибн Хусайн — см. Хусам ад-Даула ва-д-Дин
 Абу-л-Хасан ал-Киса'й — 57
 Абу-л-Хасан 'Али Мухтадж ал-Кушайнй — см. 'Али ибн Мухтадж ал-Кушайнй
 Абу-л-Хасан ас-Сарахсй ал-Бахрамй — 57, 60
 Абу-л-Хасан ибн Яхйа — 119
 Абу-л-Хусайн Ахмад [ибн] Мухаммад ас-Сухайлй — 112, 114

- Абу-л-Хусайн Сухайли — см.
Абу-л-Хусайн Ахмад [ибн]
Мухаммад ас-Сухайли
Абу Мансур Бардали — 87
Абу Мансур ибн Абу Юсуф — 75
Абу Мансур ибн Зилле — 119
Абу Маш'ар — см. Абу Маш'ар
Балхи
Абу Маш'ар Балхи — 88, 90,
112
Абу Музаффар Чагани — 67,
157
Абу Мусал ал-Бухари — 57
Абу Наср — см. Абу Наср
'Аррак
Абу Наср 'Аррак — 112, 113,
114
Абу Наср Кундур — 39
Абу Наср Парси — 76
Абу Райхан — см. Абу Райхан
Бируни
Абу Райхан Бируни — 87, 88,
91, 92, 93, 112, 113,
114
Абу Риджа — 63
Абу Риджа Ахмад ибн 'Абд
ас-Самад ал-'Абиди — 63
Абу Риза ибн 'Абд ас-Салам
ан-Нисабур — 33
Абу Са'д Джарре — 97
Абу Сахл — см. Абу Сахл Ма-
сиhi
Абу Сахл Масиhi — 106, 112,
113, 114
Абу Ханифе-ийн Искѳф — 57
Адѳб Исма'ил, ходжа — 121,
122
Азраки — см. Абу Бакр Азраки
'Азуд ад-Даула — 117, 118
Айаз — 64, 65
'Ала ад-Даула — см. 'Ала ад-
Даула Мухаммад ибн Душ-
манзийар
'Ала ад-Даула Мухаммад ибн
Душманзийар, шахиншах —
117, 119, 120
'Ала ад-Даула эмир 'Али Фа-
рамури — 72, 73, 74
'Ала ад-Дин ва-д-Дунйа, сул-
тан — см. 'Ала ад-Дунйа ва-
- д-Дин Абу 'Али Хусайн ибн
ал-Хусайн
'Ала ад-Дунйа ва-д-Дин Абу
'Али Хусайн ибн ал-Хусайн,
султан — 25, 58, 101, 124
Александар (Искандар) — 119
'Али — 39, 81, 82
'Али, эмир — см. 'Ала ад-Дау-
ла эмир 'Али Фарамурз
'Али Банизи — 57, 77
'Али Дайлам (переписчик у
Фирдауси) — 80
'Али ибн Лайс — 55, 56
'Али ибн Мухтадж ал-Кушѳ-
ни, главный хаджиб — 40,
41
'Али ибн Сйна — см. Абу 'Али
ал-Хусайн ибн 'Абдаллах ибн
Сйна
'Али Кариб, хаджиб — 66
'Али Сипахри — 57, 77
'Али Суфи — 57
'Али Хас — 76
'Али Шатранджи — 57
Ал-Мустаршид — см. Мустар-
шид-би-л-лѳх ибн ал-Мустази-
хир
Алпарслан — 73
Алптегин — 49, 41
Ал-Хусайн ибн 'Абдаллах ибн
Сйна — см. Абу 'Али ал-
Хусайн ибн 'Абдаллах ибн
Сйна
'Ам'ак Бухари, Эмир поэтов —
57, 77, 78
'Амид Камали — 57
'Амр ибн Лайс — 56
Асад, 'амид, ходжа — 68, 70
'Асджали — 57
Аристотель (Аристотѳлис) —
107, 113, 119
Атмтегин — см. Атмтегин ибн
эмир Бийабани
Атмтегин ибн эмир Бийабани —
50, 51
Атсиэ — 50
Афрасийаб — 83
Ахмад — см. Ахмад ибн 'Абд
ал-'Азиз, имам Гадж ал-Ис-
лам

- Ахмад 'Абд ал-Джалыл Саджи-
зй — 87, 88, 112, 113
Ахмад Бадий — 75
Ахмад ибн 'Абд ал-'Азиз, имам,
Тадж ал-Ислам — 50, 51
'Ахмад ибн 'Абд ал-Джалыл —
см. Ахмад 'Абд ал-Джалыл
Саджизй
'Ахмад ибн 'Абдаллах — см.
Ахмад ибн 'Абдаллах Худ-
жастанй
Ахмад ибн 'Абдаллах ал-Худ-
жастанй — 55, 56
Ахмад ибн 'Омар ибн 'Али ан-
Низамй ал-'Арузй ас-Самар-
кандй — 26, 57, 84, 85, 86,
102
Ахмад ибн Хасан ибн Маймуй —
см. Ахмад-и Хасан ибн Май-
мандй
Ахмад ибн Хасан Маймандй —
см. Ахмад-и Хасан ибн Май-
мандй
Ахмад-и Хасан — см. Ахмад-и
Хасан ибн Маймандй
Ахмад-и Хасан ибн Маймандй
великий ходжа — 39, 46, 80,
92
Ахмад-и Хасан Катиб — см.
Ахмад-и Хасан ибн Маймандй
Ахмад-и Хилаф — 57
Ахмад Фаррадж — 106
- Бавардй — 95
Бадй' — 39
Бакәлийджәр — см. Фахр ал-
Даула Бакәлийджәр ал-Буйй
Бал'амй — 59
Барбал — 57
Бахрайм — см. Абу-л-Хасан ас-
Сарахсий ал-Бахрайм
Бахрам-шах, султан — 58
Бахтишу' — 107, 108
Бугра-хан — 52, 53
Бузураджмихр Қайнй — 57
Бундәр — 57
Бурханй — 57, 72, 73, 74
- Валйд ибн ал-Мугйре — 51
- Гаврил (Джабра'йл), архан-
гел — 58
Газзй — 40
Гален (Джәйлйнус) — 106, 112,
123
Гийас ал-Дуниа ва-д-Дин Му-
хаммад ибн Малик-шах, сул-
тан — 77, 99
Гиппократ (Буқрат) — 106, 112
Гурхан — 50, 51
Гушйяр Джәйлй — 88
- Дәд, эмир — см. Дәд Абу Бакр
ибн Мас'уд
Дад Абу Бакр ибн Мас'уд,
эмир — 94, 95
Дәвудй — см. Махмуд Дәвудй
ибн Абу-л-Қасим Дәвудй
Даққиқ — 70
Дарфируз Фахрй — 57
Джаухарй — 57
Джа'фар Хамадәви — 57
Джулуғ (отец Фаррухй Систә-
нй) — 67
- Зайн ал-Мулк Абу Са'д Хиндй
ибн Мухаммад ибн Хиндй
ал-Исфакәнй — 64
Закарыйя — 111
Зал — 79
Зйннаты — 57
- Ибн 'Аббад — 39
Ибн ан-Нассаб — 39
Ибн Мандүвийе Исфакәнй —
107
Ибрахим, султан — 58, 76
Ивклид-Плотник (Икляйдус-и
Наджәр) — 87
'Изз ал-Дин Махмуд-хәджи,
келхуда — 101
Имәмй — 39
Искафй — 40, 41, 42, 43
Исма'йл, ходжа — см. Адйб
Исма'йл
Исма'йл Варрақ (отец 'Азра-
кй) — 81
Исфандийяр — 157
Исхақ-нудей — 86

- Кабус — см. Кабус Вашмгир
 Кабус Вашмгир — 39, 115, 116, 117
 Камари Гургани — 57
 Кассър-и Амми — 57
 Кийа Газа'ири — 57
 Кийа Ра'ис Бахманйар — 119
 Кифа'и Гапджави — 57
 Кудлама ибн Джа'фар — 39
 Кулабй — 57
 Кусе Фали — 57

 Лами'и Дихистани — 57
 Лу'лу'и — 57

 Маджлуд Сана'я — 57
 Макан ибн Какуйи — 42, 43
 Малик-шах — 72, 74, 76, 121
 Ма'мун — 47, 48, 49, 89, 107, 108, 112
 Мансур ибн Нух ибн Наср, эмир — 110
 Мантйки — 57
 Маншурй — 57
 Мас'уд — см. Мас'уд ибн Ибра-хйм
 Мас'уди — 57
 Мас'уд ибн Ибрахйм, султан — 58, 76
 Мас'уд-и Са'д-и Салман — 57, 76, 77
 Маусили, хаким — 96
 Махмуд, султан — см. Махмуд ибн Сабуктегин
 Махмуд Давудй Писар-и Абу-л-Касим Давудй — 94, 95, 96
 ахмуд ибн Насир ад-Дин — мсм. Махмуд ибн Сабуктегин
 ахмуд ибн Сабутегин, султан, Ямян ад-Даула — 46, 52, 58, 59, 64, 65, 66, 71, 80, 81, 82, 83, 90, 91, 92, 113, 114, 116
 Минучихри — 57
 Моисей (Муса) — 89
 Музаффар Исфизарй, ходжа имам — 97
 Музаффарй — 57
 Му'иззй, эмир поэтов — 57, 64, 71, 74, 83

 Мукри — 94
 Мустахир-би-л-лах — 99
 Мустаршид би-л-лах ибн ал-Мустахир — 49, 50
 Мустафа — см. Мухаммад
 Мутаннаббй — 39, 40
 Мухаммад — 39, 51, 90, 99
 Мухаммад-и 'Аблах — см. Му-хаммад ибн 'Аблах ал-Ка-тиб
 Мухаммад ибн 'Аблах ал-Ка-тиб — 39, 53
 Мухаммад ибн 'Ақил ал-Казви-нй, шейх ал-имам — 119
 Мухаммад ибн Закарийа Рэзи — 106, 107, 110, 111, 112
 Мухаммад ибн Мансур — 39
 Мухаммад ибн Мухаммад — 105
 Мухаммад-и Насир — 57
 Мухаммад-Мустафа — см. Му-хаммад
 Мухаммад-хан — 95

 Наджар Сагирджй — 57, 77
 Наджйбй Фаргани — 57, 77
 Найризй — 88
 Насимй — 75
 Насир ад-Дин — 57
 Наср ибн Ахмад — 61, 62
 Низам ал-Мулк Тусй, ходжа — 72, 96
 Низамй 'Арузй — см. Ахмад ибн 'Омар ибн 'Али ан-Ни-замй ал-'Арузй ас-Самар-кандй
 Низамй Асйри — 85, 86
 Низамй Мунйри — 85, 86
 Ниял — 106
 Нух — см. Нух ибн Мансур
 Нух ибн Мансур — 40, 41, 42, 43, 67

 'Омар Хайам, „Доказательство Истины“ („Худжжат ал-хакк“), ходжа имам — 97, 98, 100

 Писар-и Даргуш — 57, 77
 Писар-и Исфарайни — 77
 Писар-и Тише — 57
 Птолемей (Баталнус) — 112
 Пур-и Калле — 57

- Рафи'и Нишапурӣ — 57
 Рашидӣ — см. 'Абд ас-Сейид
 Рашидӣ Самарқандӣ
 Рудабе — 79
 Рудакӣ — см. Абу 'Абдаллах
 Джа'фар ибн Муҳаммад ар-
 Рудакӣ
 Рустам — 64
- Сабӣ — 39
 Сабит ибн Қурре — 87, 106
 Сабуктегин — 40
 Садаке — 99, 100
 Саджиэй — см. Ахмад 'Абд ал-
 Джалил Саджиэй
 Са'д ибн Салман — см. Мас'уд-и
 Са'д-и Салман
 Садр ад-Дин Муҳаммад ибн
 Музаффар, великий ходжа — 98
 Сайф ад-Даула — см. Сайф ад-
 Даула, эмир Маҳмуд
 Сайф ад-Даула, эмир Маҳмуд — 76
 Сәм Нариман — 79
 Санджар — см. Санджар ибн
 Малик-шах
 Санджар ибн Малик-шах —
 50, 71, 95, 100, 101, 121, 124
 Сафӣ ад-Дин, эмир 'амӣд — см.
 Сафӣ ад-Дин Абу Бакр Му-
 хаммад ибн Хусайн Раван-
 шаҳӣ
 Сафӣ ад-Дин Абу Бакр Муҳам-
 мад ибн Хусайн Раваншаҳӣ,
 эмир 'амӣд — 84, 86
 Сәҳиб — см. Сәҳиб Кафи Ис-
 ма'йл ибн 'Аббад ар-Разӣ
 Сәҳиб Кафи Исма'йл ибн 'Аб-
 бад ар-Разӣ — 39, 44, 45
 Сейид ар-Ру'аса — 39
 Сейид Исма'йл Джурджанӣ —
 106, 107
 Сикат ал-Мулк Тахир 'Али
 Мишкән — 76
 Ситтӣ Зайнаб — 78
 Сурдӣ — 57
 Сулайман Димшқӣ — 119
 Суллаймӣ — 56
- Тадж ал-Ислам — см. Ахмад
 ибн 'Абд ал-'Азиз, имам
- Таҳавӣ — 57
 Таш — 42, 43
 Туган-шах ибн Ашпарслан — 75
- 'Унсурӣ — 40, 57, 58, 66
 'Усмӣн Муҳтарӣ — 57
- Фазл — 47, 48, 49
 Фазл ибн Яҳйа Бармакид — 123,
 124
 Фаррухӣ — см. Фаррухӣ Систанӣ,
 Фаррухӣ Гурганӣ — 57
 Фаррухӣ Систани — 57, 67, 68,
 70, 71
 Фахр ад-Даула Бакайджар ал-
 Буӣ — 119
 Фахр ад-Даула ва-д-Дин — 25
 127
 Фирдаусӣ — см. Абу-л-Қасим
 Фирдаусӣ
- Ҳаббаэй Нишапурӣ — 57
 Хақӣқи — 75
 Ҳалаф ибн Бану, эмир — 67
 Хамид — 39
 Ҳанзале Бадгисский — 55
 Харӣрӣ — 39
 Ҳасан ибн Сахл, прозванный
 Зу-л-Рийасатайн — 47
 Ҳизр ибн Ибраҳим — 77, 78, 79
 Ҳизр-хан — см. Ҳизр ибн Иб-
 раҳим
 Ҳисам ад-Дин, имам — 50
 Ҳуяййи Қутайба — 80
 Хумадӣ — 39
 Хунайн ибн Исҳақ — 106
 Хусайн ибн 'Али ибн Микал —
 113, 114
 Хусам ад-Даула ва-д-Дин — 23,
 101, 127
- Шамс ад-Даула ва-д-Дин Му-
 хаммад ибн Мас'уд — 25, 101,
 127
 Шариф Муджжаладӣ Гурган-
 ский — 56
 Шах Абу Риджа — 75
 Шахрийар, испахбад — 81, 82
 Шихаб ад-Дин Кутулмиш 'Али
 Газӣ — 77

- Шихабй — 57
Шуджа'и Насави — 75
Эмир 'Ам'ак — см. 'Ам'ак Бу-
хэй
Эмир Му'иззй — см. Му'иззй
Яздигард Шахрийёр — 81
Якуб ибн Исхак Кинди — 89, 90
Якуб ибн Лайс — 56
Ямйн ал-Даула — см. Махмуд
ибн Сабуктегин
Яранкуш Хурайве, испахсалар—
101
Яхйа — 124
Яхйа Аксам — 47

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- *Аджам — 64
 Александрия — 123
 Аму — 43, 63, 110, 111
 Аубе — 101, 125

 Баверд — 115
 Багдад — 49, 89, 90, 99, 123
 Бадгис — 55, 61, 62
 Баж — 79
 Байхак — 43, 56
 Балх — 84, 89, 97, 98, 114
 Барсхан — 50, 51
 Бурун — 63
 Бухара — 40, 43, 50, 51, 61, 63,
 110

 Ваджиристан — 76
 Варсад — 86

 Газна (Газнин) — 45, 46, 54, 56,
 58, 81, 83, 90
 Герат — 40, 56, 61, 62, 71, 75,
 81, 94, 101, 102, 121, 125
 Гур — 57, 101, 125
 Гурган — 113, 115
 Гуре — 62

 Дарвазе — 62
 Джабал — 25, 84, 85
 Джейхун — см. Аму
 Джуди [гора] — 51

 Забулистан — 40

 Ирак — 61, 76, 86, 89, 113, 123
 Иран — 25
 Исфакан — 64, 74, 99, 100

 Кабул — 79
 Казвин — 72
 Карух — 56, 61
 Керманшахан — 50
 Кум — 45
 Кумиш — 42, 43
 Кухистан — 42

 Ламган (или Ламаган) — 45, 46

 Мавераннахр — 33, 43, 50, 52,
 53, 77, 78, 86, 95
 Мазандаран — 62, 64
 Малин — 61, 62
 Марг-и Сапид — 61
 Мерв — 84, 86, 98, 111, 112
 Миср — 44
 Мулийан, ручей — 63, 111

 Нил — 58
 Нишапур — 33, 40, 42, 43, 56,
 73, 83, 84, 96, 97, 105, 115

 Панджидих — 94, 95
 Пушт — 56

 Рей — 42, 43, 112, 117
 Рибат-и Сангин — 56
 Рибат-и Чахе — 84

 Самарканд — 50, 61, 63
 Сиджистан — см. Систан
 Симнак — 42
 Синд — 45
 Сирия — 123
 Систан — 62, 67, 70

 Табаран — 83, 84
 Табаранская область — 79

Табаристан — 57, 81	Хилле — 99
Тамгач — 33	Хиндустан — 83, 113
Туркестан — 33, 77	Хире — 97
Турук — 71	Хитай — 50
Тус — 71, 79, 80, 81, 83, 84, 115	Хорасан — 41, 43, 49, 55, 56, 61, 77, 86, 89, 100, 113, 123
Фарс — 117, 123, 124	Хорезмская пустыня — 114
Хамадан — 77	Худжастан — 55
Хар — 42	Хузан — 95
Хиваф — 56	Чаганиян — 67 68,
	Шираз — 117, 123

УКАЗАТЕЛЬ СОЧИНЕНИЙ, УПОМЯНУТЫХ В
„СОБРАНИИ РЕДКОСТЕЙ“

- „Алмагест“ — Маджисті, Птолемей (Баталиус) — 88
„Арифметика“ — Арисмәтика — 87
„Биографии“ — Тарйджим, Абу-л-Хасан ас-Сарахси ал-Бахра-
ми — 60
„Великий опыт“ — Кәр-и михтар — 88
„Вопросы“ — Масә’ил, Хунайн ибн Исхак — 106
„Высший знаток“ — Хуфийн-йи ‘ала’йи — 107
„Гиппократово лечение“ — Му‘аладже-йи Букраті, Абу-л-
Хасан ибн Яхйа — 119
„Действия небесных тел“ — Асар-и ‘алава — 29
„Дополнения“ — Такмили, Абу Мансур Багдади — 87
„Достаточность“ — Кифайе, Ахмад Фаррадж — 106
„Достаточность“ — Кифайе, Ибн Мандувийе Исфahanй — 107
„Исправление всякого рода ошибок во врачебном
распорядке“ — Тадарук анва’ ал-хата фи ат-тадбир ат-тиб-
би, Абу ‘Али ибн Сина — 107
„Исправление «Канона»“ — Ислах-и Канун — 106
„Испеление“ — Шифа, Абу ‘Али ибн Сина — 88, 119
„Канон“ — Канун, Абу ‘Али ибн Сина — 103, 106, 107
„Канон Мас‘уда“ — Канун-и Мас‘уди — Абу Райхан Бируни — 88
„Клад“ — Захире, Сабит ибн Курре — 106
„Клад рифм“ — Канз ал-кафийе, Абу-л-Хасан ас-Сарахси ал-Бах-
рами — 60
„Книга Мансура“ — Китаб-и Мансурй, Мухаммад ибн Зака-
рийа Рази — 110
„Книга происхождения и возвращения“ — Китаб-и
мабда’ ва ма’ад, Абу ‘Али ибн Сина — 109
„Комментарий“ — Шарх, Нили — 106
„Коран“ — Куран 40, 42, 51, 52, 105
„Макамы“ — Мақамат, Бади’ — 39
„Макамы“ — Мақамат, Харйри — 39
„Макамы“ — Мақамат-и Хамидй, Хамид ад-Дин ал-Махмудй ал-
Балхи — 39
„Наставитель“ — Муршид, Мухаммад ибн Закарийа Рази — 106
„Отдельно“ — Фусул, Гиппократ (Букрат) — 106
„Памятка“ — Йилгар, Сейид Исма’ил Джурджанй — 107
„Плагиаты“ — Сирқат, Абу-л-Хасан ас-Сарахси ал-Бахрами — 60
„Подарок царям“ — Тухфат ад-мулк, Мухаммад ибн Зака-
рийа Рази — 107

- „Покровительствуемый богом“ — Мансурӣ, Мухаммад ибн Закарийя Рази — 106
- „Предел двух просодий“ — Гайат ал-'арузайн, Абу-л-Хасан ас-Сарахси ал-Бахрами — 60
- „Разъяснение искусства предсказания по звездам“ — Ат-тафхим фи сан'ат ат-танджим, Абу Райхан Бируни — 87
- „Руководство“ — Хидайе, Абу Бакр Ахавайни — 106
- „Собрание“ — Хави, Мухаммад ибн Закарийя Рази — 106
- „Собрание основ“ — Муджмал ал-асул, Гушйар Джилӣ — 88
- „Совершенная в искусстве“ — Камил ас-сан'ат, 'Али ибн 'Аббас ал-Маджуси Джузджаби — 106, 117
- „Сто глав“ — Сад баб, Абу Сахи Масйхи — 106
- „Сто глав“ — Сад баб, Саджизӣ — 87
- „Хорезмшахская сокровищница“ — Зауире-йи Хорезмшахи — 106
- „Цели“ — Агрәз, Сейид Исма'ил Джурджани — 106
- „Чистоган образов“ — Нагд-и ма'ани, Абу-л-Хасан ас-Сарахси ал-Бахрами — 60
- „Чистоган фразеологий“ — Нагд-и алфаз, Абу-л-Хасан ас-Сарахси ал-Бахрами — 60
- „Шах-наме“ — Шах-наме, Абу-л-Касим Фирдауси — 79, 80, 81, 82
- „Шахский свод“ — Джам'-и шахи — 88
- „Шестнадцать“ — Ситтат-и 'ашар, Гален (Джәллийус) — 106

СОДЕРЖАНИЕ

А. Н. Болдырев. Предисловие	3
Собрание редкостей, или Четыре беседы	23
Введение	23
Глава I. — О сущности дабирства, и о качествах совершенного дабира, и о том, что с этим связано . . .	38
Глава II. О природе науки о стихе и о достоинствах поэта	55
Глава III. О науке о звездах и познаниях астролога в этой науке	87
Глава IV. О науке медицине и наставление врачу . . .	103
Заключение	127
Примечания	128
Указатель собственных имен	163
Указатель географических названий	169
Указатель сочинений, упомянутых в «Собрании редкостей»	172

Низами 'Арузи Самарканди

СОБРАНИЕ РЕДКОСТЕЙ,
ИЛИ ЧЕТЫРЕ БЕСЕДЫ

*

*Утверждено к печати
Редационным советом востоковедной литературы
при Отделении исторических наук
Академии наук СССР*

*

Редактор *Н. Б. Кондырева*
Художник *Л. М. Мечников*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректоры *Г. В. Афонина* и *Л. И. Романова*

*

Сдано в набор 26/X 1962 г.
Подписано к печати 13/II 1963 г.
Формат 84×108^{1/2} Печ. л. 5,5.
Усл. п. л. 9,02 Уч.-изд. л. 8,98.
Тираж 50 000 экз. Зак. 1644
Цена 45 коп.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ВЫШЛИ В СВЕТ

Волшебный рог. Мифы, легенды и сказки бушменов хадзапи. *Пер. с немецкого.* 1962 г. 155 стр. Цена 50 коп.

В ритмах тамтама. Поэты Африки. *Пер. с английского и французского.* 1961 г. 248 стр. Цена 30 коп.

Ким Со Воль. Цветок багульника. *Пер. с корейского.* 1962 г. 130 стр. Цена 13 коп.

Махабхарата (Древнеиндийский эпос). 1963 г. 199 стр. Цена 40 коп.

Мир Амман. Сад и весна. *Пер. с урду.* 1962 г. 262 стр. Цена 70 коп.

Серебряный ключ. Тайские сказки. 1963 г. 230 стр. Цена 60 коп.

Сказание о Лионго Фумо. Сказки народов Африки. 1962 г. 394 стр. Цена 1 р. 15 к.

Филиппинские сказки и легенды. *Пер. с тагальского.* 1962 г. 46 стр. Цена 13 коп.

О П Е Ч А Т К И .

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
64	14 св.	Мулик	Мульк
133	20 св.	Маманди	Майманди
133	19 сн.	Катип	Катиб
152	3 сн.	Раби' первый — название третьего ме- сяца мусульманского	Рашиди Самар- канди — Абу Му- хаммад 'Абд ас-Сей- ид
153	14 св.	Сабих'	Сабих'
166	12 сн.	ахмуд	Махмуд

Зак. 700

Ціна 45 коп.

ИВЛ